

Администрация Губернатора Свердловской области
Уральский государственный университет им. А.М.Горького
Клуб интеллигенции Среднего Урала

ИНТЕЛЛИГЕНТ В ПРОВИНЦИИ

Выпуск 2

*Тезисы докладов
Всероссийской
научно-практической
конференции
4-5 февраля 1997 г.*

**Екатеринбург
1997**

ИНТЕЛЛИГЕНТ В ПРОВИНЦИИ: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. 4-5 февраля 1997 г. Выпуск 2. Екатеринбург: УрГУ, 1997, 176 с.

Редакционная коллегия:

М.Е.Главацкий, профессор (отв. редактор); **М.И.Кондрашева**, профессор; **Р.Т.Москвина**, доцент; **О.Ф.Русакова**, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

С.С. Набойченко. Профессионал, гражданин, интеллигент (Василий Иванович Смирнов).....	6
М.С.Нагорная. К вопросу о взаимодействии учительской интеллигенции и Челябинского уездного земства	8
М.Н. Начапкин. Русские консерваторы второй половины XIX века о роли православия в духовной жизни России	11
М.Г.Нечаев. Просветительская деятельность священника Иакова (И.В. Шестакова)	14
Г.Н. Нурышев. Социокультурные аспекты деятельности интеллигенции в малых городах.....	17
И.И. Олейник. Прокуроры и следователи Ивановской Промышленной области в первой половине 30-х гг.: к анализу уровня профессиональной подготовки.....	19
О.Ю. Олейник. Условия и характерные черты профессиональной деятельности интеллигенции в провинции: 1930-е гг.	24
Г.К. Павленко, В.Д. Павленко. Интеллигенция Урала в годы Великой Отечественной войны	29
В.В. Петрик. Провинциальный вуз: проблемы социальной защиты студенческой молодежи	33
А.Г. Петрова. Подготовка педагогической интеллигенции для чувашской диаспоры	37
Е.П. Пирогова. Интеллигенция в научных обществах дореволюционного Урала	39
В.И. Полищук, Л.А. Полищук. Интеллигенция в монопрофильном городе	43
С.Н. Полторак. Интеллигенты-иностранцы в провинциальной России в первой трети XX века	46
Н.Н. Попов. Политические партии на Урале в начале XX в. Роль и судьба представителей интеллигенции	48
А.А. Пронин. Друзья Свердловской филармонии. Штрихи к портрету ..	51
В.С. Прядкин. Габриил Дмитриевич Агарков — интеллигент провинции	53
Л.И. Пыстина. Особенности развития интеллигенции в Сибири в первой половине 20-х годов.....	55
М.О. Пыцко. Хранитель Далматовского монастыря	59
М.О. Пыцко, Н.Н. Тагильцева. Герой краеведения (В.П. Бирюков)	64

А.Н. Радиченко. Провинциальный вуз и подготовка технической интеллигенции	68
Е.М. Раскатова. Художественная интеллигенция провинции: проблемы участия в сохранении культурной среды	71
И.Н. Римская, В.И. Букреев. Образование взрослых: региональные проблемы	73
Э.В. Рубцова. Врачи из рода Огородниковых	76
О.Ф. Русакова. Некоторые перспективы информационной поддержки интеллигента в провинции или старые песни о главном	79
В.К. Рыжова. Политическая культура интеллигенции уральского провинциального города на современном этапе (сер. 80-х — сер. 90-х гг.)	83
В.В. Савельева. Провинция и интеллигенция	85
С.С. Садина. О некоторых аспектах деятельности организаций Пролеткульта в условиях формирующегося тоталитаризма	89
О.С. Семенова. Роль интеллигенции в организации празднеств	91
Т.С. Сергеев, А.А. Суриков. Вузы Чувашии в системе подготовки специалистов для Волго-Вятского региона	95
И.Б. Сесюнина. Общесистемные закономерности развития духовного потенциала провинции	99
И.В. Сибиряков, А.И. Шингарев. провинциальный политик или политик из провинции?	101
Л.Г. Сидорчукова. Личность провинциальной актрисы в контексте городской культуры начала XX в. (творческий портрет актрисы Е.Г.Ковельковой)	104
Л.М. Соин. Провинциализм — духовное измерение	109
Ю. Соркин. Врач, ученый, журналист, общественный деятель	110
В.Л. Соскин. Центр и провинция — новые «полюса» историографии советской интеллигенции России	114
Е.В. Стихина. К вопросу об исторических корнях русской интеллигенции: дворянская усадьба	118
Н.Н. Тагильцева. Роль краеведов 1920-х гг. в спасении и сохранении историко-культурного наследия Уральского региона	121
Н.С. Талашова. Интеллигент провинции Плутарх в оценке К. Маркса	125
О.В. Топоркова (Пропп). Власть и научно-педагогическая интеллигенция Урала в начале 20-х гг.	128
С.Г. Тушин. О роли интеллигенции провинции в становлении местного самоуправления	132

С.М. Усманов. Журнал «Провинция» и ориентиры русской интеллигенции во время русско-японской войны 1904-1905 гг.	135
В.Л. Усманова. Инженерно-техническая интеллигенция в условиях административно-командной системы	136
Л.А. Фадеева. Интеллигент и интеллигентность: понятийный аспект.	138
А. Федорова. Культурные традиции Оренбургской интеллигенции.	141
А.А. Федоровских. Сакральный и профанный аспект духовной и социальной миссии интеллигента в провинции.	144
М.А. Фельдман. Власть и интеллигенция	146
В.В. Филатов. Провинциальная интеллигенция: поиск своего места в переходный период	147
Л.А. Фофанова. Интеллигенция Урала в конфликте с властью за свои гражданские права (20 — 30-е гг.)	150
Л.И. Футорянский. Интеллигенция в культурной жизни на Южном Урале в годы гражданской войны	154
А.К. Хромова. Интеллигенция в контексте исторического развития России	157
Э.А. Черноухов. Проблема учителя в горнозаводских школах Урала первой половины XIX века.	160
Г.С. Чеурин. Выживут ли Авторы?	163
О.Ю. Шахова. Л.Н. Толстой: пример взаимоотношений интеллигенции и народа	167
А.В. Шилов. Роль интеллигенции провинции в формировании и развитии традиций исторического краеведения	170

С.С. Найбоченко

Уральский технический университет — УПИ

ПРОФЕССИОНАЛ, ГРАЖДАНИН, ИНТЕЛЛИГЕНТ (Василий Иванович Смирнов)

Фамилия «СМИРНОВ» — исконно русская, весьма распространенная, как и Иванов, Петров, Сидоров. Подобные фамилии мало привлекательны на слуху, а когда копнешь поглубже, многие из них оказывались первопроходцами и отнюдь не «смирненными», или «Иванами, не помнящими родства».

Василий Смирнов, уроженец С.-Петербургской губернии, 1899 года рождения, с детства отличался собранностью, пытливостью. Гимназия, учеба в С.-Петербургском горном институте имени императрицы Екатерины — единственной в те годы кузнице горных инженеров России. Тогда не было более почетных в обществе званий, чем «горный инженер», «инженер-путеец». Само понятие «инженер» было синонимом интеллигентности и достатка. Эти люди имели широкий кругозор и по химии, и по математике, и по водному хозяйству, и по металлургии, и по подземным и открытым работам, и по музыке, изящному слогу, и приличным манерам. Это было воистину университетское образование, которое впоследствии во многом было вытравлено узковедомственной отраслевой подготовкой инженеров.

Конечно, успешная учеба у самого А.П. Асеева — первого профессора по цветной металлургии, блестящая защита дипломного проекта и предложение остаться на кафедре и становление со временем профессором кафедры.

Но Василий Смирнов избрал местом своей работы г. Калату — затрапезный в те годы «городишко» на Среднем Урале (ныне г. Кировград). Там было живое дело — восстанавливался разрушенный медеплавильный завод. И это было отражение первой черты интеллигентности: «Променять столицу на конкретное дело Отечества пользы для».

А потом годы напряженного созидательного труда (первый инженер-металлург-цветник на Урале) на Калате и в Караба-

ше, в проектно-институте, в зарубежных командировках. И это вторая черта истинного интеллигента — добросовестное служение делу при любой должности.

Приглашение на работу в Уральский индустриальный институт на должность заведующего кафедрой, которую он возглавлял в течение 40 лет. И это третья черта интеллигента: «Понимание, что кадры, научные достижения, решают все».

В годы репрессий профессор Смирнов был объектом гонений, но он не плутократил, не вел себя, подобно отдельным «перевертышам», сжигаящим на публике партбилеты лишь бы удержаться на плаву. Его «спасательным» кругом были порядочность, патриотизм, авторитет специалиста, убежденность в своей правоте — качества, известные нам из истории российского дворянства. А по меркам Советского строя — это был «беспартийный большевик», посвятивший свою жизнь служению народу.

Годы работы на кафедре отличались дальнейшим развитием его творчества, но уже на ниве подготовки кадров и научных изысканий. Его творческое наследие — сотни статей, десятки книг (ряд из них выдержали 2-3 издания), несколько сот инженеров, из которых выросли авторитетные ученые (около 60 кандидатов и 10 докторов наук), директора многих заводов, Герои Социалистического труда и Лауреаты высоких премий. Каждый из них унаследовал лучшие черты своего Учителя: трудолюбие, порядочность, ответственность. И это очередное проявление интеллигентности: «Все лучшее остается людям!».

Василий Иванович был избран действительным членом АН Каз. ССР, удостоен звания Заслуженный деятель науки и техники России, орденов Ленина (дважды), Трудового Красного Знамени, являлся членом многих ученых Советов и редколлегий, оставаясь при этом скромнейшим, внешне незаметным, но всегда авторитетным в суждениях человеком. И это тоже достоинство интеллигента.

Профессор Смирнов стоял у истоков становления цветной металлургии Урала, которая начиналась с производства меди. И спустя годы, усилиями многих людей, в том числе В.И. Смир-

нова и его учеников Урал становится центром цветной металлургии. Краем, вынесшим основную нагрузку в годы Отечественной войны, заложившим фундамент новым провинциям цветной металлургии в Казахстане, Средней Азии, на Алтае, в Заполярье.

Что же такое «ИНТЕЛЛИГЕНТ в провинции»? Это творческий человек, который своим трудом расширяет границы цивилизации, преумножая тем самым могущество Родины. Во многом именно таким был наш Учитель профессор Василий Иванович Смирнов.

М.С.Нагорная

г. Челябинск

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ЧЕЛЯБИНСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА

В последние годы активно обсуждается трагедия русской интеллигенции после Октября 1917 года, когда она оказалась ненужной новому государству. Хотя, на наш взгляд, недооценка возможностей использования высококультурной, образованной части общества повлекло за собой серьезные последствия. Невостребованными оказались способности этих людей и их богатый опыт хозяйственной и просветительской деятельности, накопленный за годы работы в органах местного самоуправления.

Национальной особенностью российской интеллигенции являлось чувство вины перед простым народом за его бесправное состояние и связанное с этим чувством стремление каким-то образом помочь крестьянству, послужить ему,

После неудачного «хождения в народ» и попытки политически просветить народ произошел раскол народнической интеллигенции. Часть, максималистски настроенная, организовалась в «Народную волю», — другая заняла либеральные пози-

ции и стала трудиться в земстве в качестве врачей, учителей, добиваясь реформ. По мнению Н.А.Бердяева, их цель была «служить народу», благо которого ставилось выше вселенской истины и добра». (Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда. Свердловск, 1991. С.14.)

До Оренбургской губернии, в состав которой в то время входил и Челябинский уезд, организация местного самоуправления в виде земств дошла в последнюю очередь — первые учредительные съезды состоялись летом-осенью 1913 года. И когда органам местного самоуправления в других областях страны уже удалось накопить положительный опыт в решении вопросов здравоохранения, народного просвещения, кооперации и прочего. Челябинское земство только получило право на существование.

Наиболее массовой частью интеллигенции в Челябинском уезде было учительство. По неполным данным численность учительской армии Челябинска и уезда в результате активной просветительской деятельности земства к началу 1917 года составила 1807 человек.

До введения земских учреждений в Челябинском уезде не было единой системы управления делами народного образования. Так одни школы находились в ведение министерства народного просвещения (МНП), другие — Святейшего Синода, третьи — ведомства императрицы Марии Федоровны, единые начальные школы и профессиональные училища подлежали немедленному переводу в ведение земств, различных обществ и органов городского самоуправления. Немало было частных школ — низших, средних и высших, общеобразовательных и профессиональных. И хотя, с одной стороны это выглядит прогрессивно (наличие разных программ, подходов и прочее). Позже мы увидим, что большинство из школ со временем перейдут в ведение земских учреждений (с облегчением передадут это хлопотное хозяйство в руки органов самоуправления и Святейший Синод — и казачьи общины и МНП).

В 1913 г. земство Челябинского уезда подучило в наследство в пределах гражданской территории 236 школ. Из них 16

двухклассных и 101 одноклассную, принадлежащих ранее МНП и 119 церковно-приходских. В них обучалось в то время 15 тысяч, 557 учеников, из них 5.246 девочек. Многие дети школьного возраста оказались за бортом учебного процесса из-за нехватки школ. Катастрофически не хватало учителей с высоким образовательным и культурным уровнем. Мы видим, что поле приложения земских сил в деле всеобщего обучения, было огромно.

И первое, что делает, земство Челябинского уезда — решает проблемы с учительскими кадрами. Чтобы, как раньше, не было текучести преподавательского состава, местные органы самоуправления закладывают в бюджет солидную заработную плату педагогам, заботятся об их жилищных условиях: в создающихся школах в проект включается пристрой с квартирами для учителей, если здание старой планировки, то преподавателю выделяются средства на аренду жилья.

Заботясь о повышении квалификации учителей Челябинское уездное земство принимает активное участие в устройстве краткосрочных педагогических курсов каждое лето. Все школы уезда получали оплачиваемые земской управой периодическую печать, специальные методические пособия и журналы, наглядность, в это время в каждом учебном заведении создаются библиотеки для учителей.

Всего в расход в период 1914 года земством было выписано 1.034.362 рубля 07 копеек (Денежный отчет ЧУЗУ за 1914 г. Отдел IV. §§ 5-9), в том числе на народное образование — 245.405 рублей, т.е. 24% от общего бюджета). Крупная сумма, выделяемая земством на нужды просвещения значительно улучшила материальное положение учителей, которые с полной отдачей стали трудиться в системе народного образования. Среди видных деятелей народного просвещения можно отметить зав.отделением народного образования ЧУЗУ А.А.Стакана, зав. профессиональным образованием В.А.Федорова, зав.отделением инородческого образования Айдарова и зав. внешкольным образованием А.В.Котельникова.

В результате активного взаимодействия органов местного самоуправления и учительской интеллигенции к началу 1917 года в Челябинском уезде продуктивно работало 339 учебных заведения, выпуска образованных людей. Эти хорошо обученные кадры принесли в дальнейшем немалую пользу в развитии Челябинского уезда.

М.Н. Начапкин

Уральский профессионально-педагогический университет

РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА О РОЛИ ПРАВОСЛАВИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Одной из проблем, разрабатывавшихся общественной мыслью второй половины XIX века, была проблема происхождения верховной власти, ее взаимосвязи с религией и обществом. Царствование Александра II является очень важным для понимания истории России. В этот период было отменено крепостное право (1861 г.), проведены судебная (1864 г.), земская (1864 г.), городская (1870 г.) и военная (1874 г.) реформы, которые ставили своей целью утверждение равенства всех граждан перед законом, открытие простора буржуазным отношениям, преодоление экономического отставания России от развитых капиталистических стран.

Однако отношение общества к этим назревшим и важным реформам было далеко не однозначным. Привнесенные с Запада социалистические идеи нашли себе подходящую почву в умах части интеллигенции. Историк Д.И. Иловайский отмечал, что «...заговорщики усилили зловердную агитацию в среде учащейся молодежи и кроме того, задумали рядом гнусных убийств навести ужас на русское общество и вызвать таким образом анархию» (Д.И. Иловайский. Очерки отечественной истории. М., 1995. С.486). Лидер бунтарского направления в революционном народничестве

М.А.Бакунин (1814-1876 гг.) видел в религии главное препятствие на пути воплощения своего анархического идеала. В работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867 г.) он пишет: «Существование Бога обязательно предполагает отречение от человеческого разума и человеческой справедливости, оно является отрицанием человеческой свободы и неизбежно приводит не только к теоретическому, но и практическому рабству» (М.А.Бакунин. Философия, социология, политика. Федерализм, социализм и антитеологизм. М., 1989. С.44). М.А. Бакунин совершенно однозначно утверждает, что если Бог существует, то человек — раб, а если человек свободен — значит Бога нет. Всех служителей религии он объявляет союзниками тиранов. Для него важно поднять бунт, а сделать это трудно, пока народ сохраняет свой религиозный идеал. М.А.Бакунин в работе «Государственность и монархия» (1873 г.) выделил 4 черты, затемняющие, по его мнению, народный идеал: патриархальность, поглощение лица миром, вера в царя, христианская вера. Он назвал церковь небесным кабаком для народа и призывал своих сторонников объявить беспощадную войну господу Богу, отвергал религию во всех ее проявлениях: «Мы обязаны высказать ему (народу) во всей полноте нашей безверие, скажу больше, наше враждебное отношение к религии» (М.А.Бакунин. Государственность и анархия. М., 1989. С.515).

Другой народник — С.Г.Нечаев (1847-1882 гг.) в «Катехизисе революционера» призывал революционеров стремиться к уничтожению «поганого» старого мира и выступить «...против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против торгового мира и против кулака-миroeда. Мы соединимся с лихим разбойничьим миром: этим истинным и единственным революционером в России» (Ф.М.Лурье. Созидатель разрушения. Петро-Риф., 1994. С.105). Революционные народники стремились подорвать влияние православия, разбудить звериные, разбойничьи инстинкты в человеке.

Православие сыграло большую положительную роль в становлении российского государства, воспитании людей в страхе божьем, смягчении нравов русского народа. Оно осуждало жестокие язычес-

кие пережитки (кровную месть и т.п.), призывало к милосердному отношению к нищим, больным и старым. Наиболее ревностными защитниками православия были русские консерваторы. Значительный вклад в развитие теории консерватизма в России во второй половине XIX века внесли К.Н.Леонтьев, К.П.Победоносцев, Л.А.Тихомиров. Этих мыслителей можно охарактеризовать как приверженцев традиции, стабильности, противников революционного пути изменения общественной жизни. Они понимали, что только нераздельное единство монархии и православия является надежной защитой России от всяких революционных потрясений.

К.Н.Леонтьев (1831-1891 гг.) именoval тесное соединение церкви и монархии византизмом: «Сильны, могучи у нас только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир. ...Я хочу сказать, что царизм наш, столь плодотворный и спасительный, окреп под влиянием православия, под влиянием византийских идей, византийской культуры» (К.Н.Леонтьев. Избранное. М., 1993. С.34).

Сенатор, член Государственного совета, Обер-прокурор Св. Синода К.Н. Победоносцев (1827-1907 гг.) в молодости принимал участие в разработке судебной реформы 1864 г., выступал за гласность в работе государственных учреждений, за обуздание коррупции. С годами этот человек пришел к консервативным идеалам. Считал, что такое многонациональное государство как Россия может существовать только при сохранении самодержавия и православия. Критически относился к реформам Александра II и старался доказать, что они, без придания им должного направления, могут привести к крушению монархии и православия. Был убежден в абсурдности любых реформ, разрушающих православную опору власти: «Как бы ни была громадна власть государственная, она утверждается не на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого, на вере основанного сознания» (К.П.Победоносцев. Изд. Русского христианского гуманитарного института С.-Петербурга. Московский сборник. 1996. С.80). К.Н.Победоносцев поставил важную задачу — воспитать крестьян-

ских детей в духе православия. Проводил политику развития сети церковноприходских школ: в начале его деятельности (1880 г.) было 273 школы, в которых обучалось 13 035 учащихся, а к концу (1905 г.), соответственно, 43 696 школ и 1782 883 учащихся.

Известный неоконсерватор Л.А. Тихомиров (1852-1923 гг.) критиковал революционную и либеральную интеллигенцию за слепое копирование западной культуры и атеизм: «Ее очень характерную черту составляет уничтожение веры в Бога, вследствие чего личность человека остается без всяких директив, без всяких сдержек». Л.А. Тихомиров считал, что русский народ религиозен, а религиозно-нравственная жизнь составляет центр его интересов. Выбор форм власти нацией напрямую связывал с духовным состоянием нации, или, как он выражается, со степенью напряженности верования. Монархия по его мнению является представительницей силы нравственной. И если в обществе роль религии неизмеримо мала, то нация потеряет нравственный идеал монархизма. В этом случае связующим звеном в обществе становится количественная сила -- демократия.

Консерваторы много писали о русском национальном самосознании, которое вообще немислимо без православных духовных ценностей и в сохранении которых они видели опору против атеистических учений и революционных катаклизмов.

М.Г.Нечаев

Пермский педагогический университет

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯЩЕННИКА ИАКОВА (И.В. Шестакова)

Иаков Васильевич Шестаков родился 28 апреля 1858 г. в селе Камасине Пермской губернии в семье священнослужителя. В десять лет он поступил в подготовительный класс Пермского духовного училища, которое окончил в 1873 г. Затем последовала учеба в духовной семинарии. После оконча-

ния семинарии в 1879 г. И.В. Шестаков подает заявление в Чердынскую земскую управу и в результате был назначен учителем и законоучителем в Редикорском земском училище. Через два года (1881 г.) он переводится в юсеевское инородческое пермяцкое училище. Здесь у него появилась идея открыть женский коми-пермяцкий монастырь. За помощью в 1887 г. И.В.Шестаков отправляется в самый крупный на Урале Верхотурский Николаевский монастырь и находился там в качестве послушника, осуществляя паломнические поездки в Киев, Казань и на Афон.

Вскоре он женится на коми-пермячке Александре Матвеевне Вилесовой. В деревне Токовой И.В.Шестаков создает странноприемный дом. Затем работает в Хохловке и лишь в 1889 г. переводится в Чердынь священником Успенского храма. И здесь он продолжает свою просветительскую деятельность, открыв библиотеку-читальню. Одновременно он состоял членом-секретарем уездного отделения училищного совета. За исполнение поручений епископа Владимира по судебным делам получил в награду набедренник и назначение на должность благочинного 3-го округа Соликамского уезда. В должности благочинного И.В.Шестаков семь лет служил в Свято-Николаевском храме тогда еще села Кудымкар.

В своих работах И.В.Шестаков с сожалением отмечает, что на 125 тысяч коми-пермяков Чердынского и Соликамского уездов Пермской губернии два три коми-пермяка среди священников и дьяконов преподающих Закон Божий в школах, а русских учителей знающих коми-пермяцкий язык также около трех. Он считал, что это недопустимо и необходимо преподавать Закон Божий на коми-пермяцком языке. Изучив язык, И.В.Шестаков начинает издавать на нем религиозную литературу: «Литургию Иоана Златоуста», «Закон Божий», а также «Пермяцкую азбуку» и другие. Он организовал комиссию для перевода книг на коми-пермяцкий язык, ходатайствовал об открытии в селах Юсеево и Кудымкар склада для книг на местном языке.

По инициативе и активном участии И.В.Шестакова строились храмы и монастыри. Так, в 1893 г. в деревне Захаровой и в 1894 г. в деревне Милухиной были построены церкви. В 1905 г. в Пешнигорте было положено основание женской обители в честь 500-летия кончины Стефана Пермского. Вторая женская обитель во имя святителя Иоанна была открыта в деревне Коча Юксеевского прихода. Именно женщину он считал той силой, которая в корне изменит быт и нравы коми-пермяков: «Мать — зиждущая сила семьи. Дайте крестьянской семье мать просвещенную, благовоспитанную, свободную от предрассудков, суеверия и невежества, сведущую в правилах санитарии и гигиены, знающую ремесло, которыми бы она могла заниматься с пользой для семьи ...и улучшение быта крестьянской семьи обеспеченно» (Камасинский Я. (Шестаков И.В.) Около Камы. — М., 1905.-С.57).

В голодный 1899 г. И.В.Шестаков открыл в Кудымкаре бесплатную столовую для коми-пермяков. Воззвание, составленное им о голоде среди коми-пермяков, позволило собрать 3 000 рублей. На это воззвание откликнулись Иоанн Кронштадтский и обер-прокурор Св. Синода К.П.Победоносцев. В результате, помимо припасов, одежды и обуви выдали 18 лошадей и 27 коров.

В 1905 г. И.В.Шестаков учреждает книгоиздательство «Кама», в котором выпускались книги духовного и светского содержания. Издательство носило церковно-историческую направленность, в основном публиковались книги по истории Пермской, Екатеринбургской, Вятской и других епархий. Всего им опубликовано по неполным данным более 30 книг, не считая различных статей и заметок. Кроме того он издает обширные источниковые материалы по истории местных церквей и монастырей в виде путеводителей, справочников, адрес-календарей. Он же является основателем церковно-археологического общества в Перми. Не надо забывать, что это было единственное издательство в России, занимавшееся публикациями книг на коми-пермяцком языке.

Где бы не находился Иаков Васильевич везде, что-нибудь менялось. Так, в Чердыни он организовал библиотеку-читальню, в Вятке — приют для детей-эпилептиков, организовывал многочисленные учительские курсы, отдавал свои личные сбережения на нужды неимущих.

И.В.Шестаков был одновременно в одном лице священник, миссионер, сельский учитель, краевед, публицист, этнограф, книгоиздатель, общественный деятель. Простого сельского священника прекрасно знали не только в Пермской губернии, но и по всей России. Существует две легенды о его гибели. Считают, что он или замерз по дороге в холодный зимний день 1918 г., или был расстрелян большевиками.

Г.Н. Нурышев

Бокситогорский филиал

Ленинградского областного университета

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ

Сегодня, когда мир вступает в постиндустриальный, информационно-инновационный период, знания становятся важнейшим социокультурным фактором, национальной ценностью страны. Образование начинает определять перспективу развития самого общества. Поэтому в современных условиях перед интеллигенцией, прежде всего школьной и вузовской, встают вопросы не столько узкофункциональные, сколько культурно и социально значимые.

Особенности развития инфраструктуры Петербурга в последние десятилетия, демографические изменения в структуре сельской интеллигенция в Ленинградской области, особенно в таких отдаленных районах, как Бокситогорский, Тихвинский потребовали серьезных изменений в региональной образовательной политике.

Мониторинг потребностей рынка труда свидетельствует, что образовательная система малых городов должна стать таким социальным институтом, который имеет широкий набор образовательных услуг, включая возможности получения вузовского, по-

стидипломного и дополнительного профессионального образования. В процессе поиска такой системы был создан филиал Ленинградского областного университета, как межрегиональный учебный центр непрерывного среднего, высшего, и послевузовского дополнительного профессионального образования. В его структуре действуют факультеты математический, психолого-педагогический, русского языка и литературы, иностранных языков, индустриально-педагогический. В тесной кооперации с ним (при общей администрации) находятся хозрасчетные юридический и экономический факультеты. С.-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права. Здесь же осуществляется повышение квалификации учителей Бокситогорского и Тихвинского районов. Филиал стал точкой приложения интеллектуальных сил ученых С.-Петербурга и наиболее квалифицированных специалистов Бокситогорска — учителей, преподавателей музыкальной школы, работников городского дворца культуры. Дома творчества юных, юристов. Возникла прочная организационная база для творческого содружества петербургской и местной интеллигенции. Новый вид деятельности — преподавание в вузе — стал стимулом для местной интеллигенции в профессиональном росте.

Профессорско-преподавательский состав филиала позволяет повышать эффективность довузовского образования учащихся, улучшать работу по профессиональной ориентации молодежи. В рамках такого единого образовательного комплекса юноши и девушки выбирают индивидуальную траекторию образования в соответствии с требованиями рынка труда. Обучающиеся могут получить поэтапно среднее, многоуровневое высшее образование, на любом из этих этапов выбывать в сферу трудовой деятельности или образовательное учреждение другого типа.

Филиал дает больше возможностей в удовлетворении образовательных потребностей в условиях сельской глубинки Ленинградской области. Такой образовательный комплекс призван также определить свой вклад в формирование концепции дистантного образования на северо-западе страны.

Кадры интеллигенции, работающие в филиале, решают многие другие социокультурные задачи. В регионе обеспечивается не толь-

ко подготовка квалифицированных специалистов в соответствии с потребностями рынка, но и улучшается демографическая обстановка, замедляется отток одаренных юношей и девушек, увеличивается удельный вес молодежи среди населения. Все это вызывает объективный процесс формирования новой референтной социокультурной среды, новых ценностных ориентаций и доминанты поведения. Сохраняя единое с С.-Петербургом образовательное поле, студенты включаются в общее культурное пространство страны. Учеба студентов недалеко от дома дает им серьезную социальную защиту. Сегодня для многих семей — это единственный шанс. Кроме того, молодой специалист воспитывается в той среде, в которой ему придется работать. В этом случае нет разрыва с малой родиной, а такой разрыв, как известно, не проходит бесследно. Эта утрата ощущается и всю последующую жизнь. Поэтому актуализация личности успешна в том социуме, где происходит ее социализация. В этих условиях минимален процесс маргинализации.

Так оптимизация структуры профессионального образования с ее интеграцией с социально-экономическими потребностями региона, особенностями рынка труда повышает роль интеллигенции малых городов в социокультурной жизни страны.

И.И. Олейник

Ивановский университет

**ПРОКУРОРЫ И СЛЕДОВАТЕЛИ
ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг.:
К АНАЛИЗУ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ**

Проблема качественного состава и уровня профессиональной подготовки юридических кадров в отдельных регионах России в 20 — 30-е годы изучена еще крайне слабо. Это является следствием недостаточного внимания историков к проблеме изучения юристов как отдельной социально-профессиональной

группы и ее рассмотрению в контексте исторического развития отечественной интеллигенции. (Об этом подр. см.: Олейник И.И., Олейник О.В. 0 понятии «юридическая интеллигенция». (Методологический и историографический аспекты изучения юристов как социально-профессиональной группы) // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. Межвуз. сб. науч. труд. Иваново, 1995. С.72 — 83).

Как известно, в 1928 — 1929 гг. сначала в РСФСР, а затем и на территории всего СССР была осуществлена передача следователей из судов в подчинение прокуратуры. (Советская прокуратура. Очерки истории. М., 1993. С.63), До 1936 г. прокурорско-следственные органы входили в состав наркоматов юстиции союзных республик, Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. органы прокуратуры выделяются из системы НКЮ и передаются непосредственно в Прокуратуру СССР. (Свод законов СССР. 1936. № 40. Ст.338). Таким образом, первая половина 30-х годов может рассматриваться в качестве определенного этапа в истории развития советских прокурорско-следственных органов и формирования кадров их работников.

Автором предпринимается попытка проанализировать уровень образования и юридической подготовки прокуроров и следователей Ивановской промышленной области (ИПО) (в ее состав в 1929 — 1936 гг. входили территории современных Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей).

Основная часть прокуроров и следователей ИПО в рассматриваемый период юридическое образование получала на областных юридических курсах, организованных в сентябре 1929 г. в Ярославле, а с ноября 1931 г. перенесенных в Иваново-Вознесенск (с 1932 г. — Иваново). В 1932 г. на курсах были созданы три отделения: исправительно-трудовое, судебно-прокурорское и следственное. (Архив управления юстиции Ивановской области, Приказы по областным юридическим курсам. Л.35). Обучение на каждом из них проводилось в течение года, Однако, в связи с нехваткой работников прокуратуры и следователей, а также отсутствием каких-либо профессиональных навыков у большинства из тех, кто занял эти должности в порядке вы-

движения, было решено начать их ускоренную подготовку и переподготовку. С этой целью в июле 1933 г. были открыты также группы шести- и трехмесячного обучения. К 1936 г., по подсчетам автора, через курсы прошли свыше 200 прокуроров и следователей ИПО. В целом по СССР подобные курсы были созданы в 31 городе и на них ежегодно обучалась около 5 тыс. человек. (Подр. см.: Олейник И.И. Юридическое образование и юридические кадры в конце 20-х — середине 30-х годов // Интеллигенция России; уроки истории и современность: Тез. докл. межгосударств. науч.-теоретич. конф. Иваново, 20 — 22 сентября 1994 г. Иваново, 1994. С.218 — 220).

Однако целый ряд факторов негативно сказывался на ходе и результатах обучения. Так, в ИПО с 1931 г., ввиду постоянной нехватки практических работников на местах, определенная часть курсантов досрочно отзывалась с учебы решениями областной прокуратуры, областного суда и партийных органов. Применялось урезание программ, а также увеличение учебной нагрузки, что отрицательно сказывалось на качестве обучения. К тому же, многие курсанты были малограмотны и, наряду с правовыми дисциплинами, их приходилось обучать русскому языку и арифметике. Некоторые отчислялись за неуспеваемость, нарушение дисциплины, пропуски занятий и т.д. В среднем, в каждом наборе на юридические курсы отсеив слушателей составлял в рассматриваемый период 10 — 20%. Кроме того, значительная текучесть кадров прокуроров и следователей на местах приводила к вымыванию закончивших курсы работников и их замене людьми без необходимой профессиональной подготовки.

Как свидетельствуют архивные материалы, на протяжении первой половины 30-х годов показатели уровня профессионального образования следственно-прокурорских работников ИПО не улучшались. Так, по подсчетам автора, в 1932 г. 9,4% из них имели высшее образование, 13,9% — среднее, 76,7% — низшее, (Подсч. автором по: Ивановский областной центр хранения документов новейшей истории. Ф.327. Оп.4. Ед.хр.626. Л.2-3). В 1935 г. высшее образование имели только 7,8% прокуроров и

следователей, среднее — 16,2%, низшее — 75%. Из них 47,9% не имели никакого юридического образования. Примечательно, что даже среди помощников областного прокурора в 1934—35 гг. только 1 имел высшее юридическое образование, а у 8 юридическое образование отсутствовало вообще. (Подсч. автором на основании учетных карточек по кадрам, хранящихся в архиве прокуратуры Ивановской области /далее — АПИО/). В целом же по стране на 1936 г. лишь 11% работников прокуратуры имели высшее образование и 54,4% не имели никакой юридической подготовки, а среди следователей эти показатели составляли соответственно 9,3/% и 59,2%. (Холмс П. Социальная история России. 1917 — 1941. Ростов-на-Дону, 1994. С.103. Государственный архив Российской Федерации. Ф.8131. Оп.14. Ед.х-р.77. Л.205).

Об уровне профессиональной подготовки прокуроров и следователей в ИПО можно судить по результатам сдачи ими в 1935 г. юридического минимума — своего рода квалификационного экзамена. Всего должны были его сдавать 176 человек. Не явилось 63, в том числе без уважительных причин («уклонились от сдачи») — 34. Экзаменовавшиеся получили следующие оценки: по вопросам учения о государстве и госустройстве — отл. — 4, хор. — 37, удовл. — 44, неуд. — 28 (24,5%); по вопросам о революционной законности — отл. — 4, хор. — 42, удовл. — 45, неуд. — 21 (18,5%); по вопросам о судоустройстве — отл. — 1, хор. — 42, удовл. — 36, неуд. — 34 (30%). (АПИО. 546. Оп.1 478. Л.136).

Таким образом, в течении всего рассматриваемого периода сохранялась необходимость повышения уровня профессиональной подготовки прокуроров и следователей. Следует, однако, заметить, что далеко не все из них стремились к этому. Решающее значение для их работы имело не столько образование, сколько социальное происхождение, членство в ВКП(б), безукоснительное следование «генеральной линии партии», активная борьба с «врагами» социалистического строительства, «вредительскими элементами», кулаками, «уклонистами» и т.п. Наличие даже высшего юридического образования не являлось

важным фактором в продвижении по служебной лестнице. Так, например, В.А.Тиле, окончив в 1928 г. факультет советского права Московского университета и не являясь членом партии, в течение нескольких лет работал всего лишь секретарем в суде и народным следователем. Имея положительные отзывы о работе, он, тем не менее, не был выдвинут даже в помощники прокурора. (АПИО. Ф.546, Оп.1. Ед. хр.302. Лл.12, 24). То же можно сказать и о П.А.Курныкове, который еще в 1916 г. окончил юридический факультет Московского университета и с 1923 г. работал следователем во Владимире. В 1934 г. он был признан одним из лучших следователей РСФСР и его неоднократно рекомендовали для работы в областной прокуратуре, но взят он туда так и не был. В характеристике, данной райпрокурором Ф.Я.Сверкуновым в 1935 г. отмечалось, что П.А.Курныков «имеет юридические знания в большем объеме, чем нужно следователю», однако в качестве основного недостатка называлась его «политическая отсталость и отсутствие общественно-политической работы». (АПИО. Ф.546. Оп.1. Ед. хр.164. Лл.1, 32, 27). Как показывает проведенный автором анализ учетных карточек по кадрам, хранящихся в архиве прокуратуры Ивановской области, все прокуроры и их помощники в ИПО в рассматриваемый период являлись членами ВКП(б), в то время как среди следователей еще встречались и беспартийные.

Общий низкий уровень профессиональной подготовки прокуроров и следователей в рассматриваемый период не позволяет автоматически относить всех их к юридической интеллигенции. Каждый из них был государственным служащим, работником правоохранительных органов, но далеко не каждый — юристом. Многие занимались юридической деятельностью не имея юридического образования и вообще какой-либо предварительной профессиональной подготовки.

Разумеется, среди прокуроров и следователей, в том числе и в провинции, были и настоящие профессионалы, люди честные, принципиальные, искренне преданные своему делу. Однако эти качества не востребовались в полной мере и дискриминировались официально установленными классово-поли-

тическими принципами и критериями юридической деятельности. Именно на эти критерии обращали первоочередное внимание партийные комитеты, реально определявшие вопросы подбора, расстановки и продвижения кадров. (Олейник И.И. Юристы и власть: проблемы взаимоотношений в конце 20 — середине 30-х гг. // Российская интеллигенция: XX век: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург. 23-24 февраля 1994 г. Екатеринбург, 1994. С.102-104). Прокуроры и следователи находились в прямой организационной зависимости от решений партаппарата и, в известном смысле, являлись «производной» от этого аппарата, представителями своего рода «большевигенции» — категории номенклатурных работников, осуществлявших политико-управленческие функции в советском обществе. (О содержании термина подр. см.: Stykow A. Bolshtwigenzija und Perestrojka // Bericht des Bundesinstitut fur ostwissenschaftliche und international e Studien. — 1991. — № 18. — S.3-56. Олейник О.В., Олейник И.И. «Большевигенция»: к трактовке понятия // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тез. докл. межгосуд. науч.-теоретич. конф. Иваново, 20-21 сентября 1995 г. Т.1. Иваново, 1995. С.44-45).

О.Ю. Олейник

Ивановский университет

УСЛОВИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРОВИНЦИИ: 1930-е гг.

Диалог столицы и провинции, проявлявшийся как бы «по горизонтали» в культуре дореволюционной России, в послеоктябрьский период зазвучал уже в иной, «вертикальной» плоскости. Прежний провинциальный культурный микрокосм в советском обществе все более стандартизировался под влиянием реализации единообразных организационных основ и критериев культурно-просветительской и творческой деятельности,

насаждения общеобязательных идеологических стереотипов и искусственной унификации мировоззренческих ценностей. Не случайно, понятие «российская провинция» кажется логичным и естественным, в отличие от словосочетания «советская провинция».

Термин «провинция» в 30-е годы в официальном употреблении имел отрицательный смысл. В качестве иллюстрации этого приведу лишь один характерный пример. На заседании сотрудников газеты «Правда» 13 августа 1935 г. Л.З. Мехлис высказался за необходимость отразить на ее страницах тему «провинциализма», после чего состоялся примечательный диалог:

«ПЕТРОВ. — Что имеется в виду?

МЕХЛИС. — У народа было настроение, что у нас провинциальных тем вообще нет и провинциализма нет. Все мы строим социализм и на Игарке и здесь. Все равны перед законом и потому о каком провинциализме может быть речь. Мы били после этого по провинциальным городам, — слово «провинция» оставили, — говорили о косности, волоките, местничестве, которое перерастает политически в очень резко отрицательное явление. Нужно с этим бороться, поднимать людей, чтобы они не чувствовали себя чухломой, чувствовали себя членами великой партии пролетариата, гражданами великого Союза. Это тема.

КОЛЬЦОВ. — Эту тему я беру позитивно и даже политически... Хочу объехать целый ряд городов, не ругать их, а, поразмысливши, восхвалять — что можно сделать для поднятия уровня нашего провинциального города. Есть план реконструкции Москвы, Ленинграда, Киева, а что же мелкий город должен только смотреть, облизываться и говорить — «это не для меня?»...

ПЕТРОВ. — Иногда провинциализм есть и в Москве, я понимаю, что в таком смысле надо ставить. Эта тема очень интересная». (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф.386. Оп.1. Ед. хр.61. Л.19).

Отношение к провинции в рассматриваемый период строилось исходя из задач созидания нового общественного строя.

Поэтому одной из черт пропаганды 30-х годов являлось ее насыщение информацией из различных концов страны, призванной подчеркивать не только масштабы социалистического строительства, но и целостность советского государства, тесную связь, равнозначность и равноценность всех его частей и уголков. Руководство страны проявляло постоянное внимание к данному вопросу. Так, в 1938 г. А.А. Жданов, критикуя по этому поводу центральную печать, отмечал в своей записной книжке: «Страшно много заголовков крупным шрифтом и портретов. Ни в одной газете нет по СССР... Репортеришки главенствуют... Из отраслевых газет не перепечатывают. Из областных тоже». (Там же. Ф.77. Оп.3с. Ед.хр.161. Лл.62-63). Здесь следует подчеркнуть, что в констатации связи всего пространства великой страны в единое целое, в том числе и в вопросах культурного развития, проявлялась не просто одна из идеологем того времени, но и вполне реальная тенденция развития советского общества. В известном смысле, жизнь «глубинки» как никогда раньше, «приблизилась» к жизни столичных центров, поскольку одной из целей созидания нового строя официально декларировалось «стирание» различий между ними.

Характеризуя условия профессиональной деятельности интеллигенции в рассматриваемый период, нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что она жила и трудилась в «пролетарском отечестве». Основная цель ее творчества ориентировалась прежде всего на выполнение «пролетарского» социального заказа. В этой связи примечателен, например, лозунг, выдвинутый в январе 1932 г. на VIII всесоюзном съезде РАБИС: «Столица в театральном смысле должна находиться в рабочих районах». (Государственный архив Российской Федерации. Ф.5503. Оп.1. Ед. хр.1711а. Л.6).

С другой стороны, на протяжении 30-х годов все более прочно утверждалась практика ориентации периферии на образцы и шаблоны, исходившие «сверху», т.е. — из центра. Такого рода центростремительные тенденции усиливались и в культурной жизни. Так, например, в 1932 г. Главрепетком, не имея возможности контролировать репертуар всей театральной сети

страны, принял решение «считать целесообразным утверждать на сценах театров... пьесы, апробированные в Москве». (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.645. Оп.1. Ед.хр.129. Л.20).

Связь центра с провинцией, осуществляясь по такой «вертикали», неизбежно бюрократизировалась и порождала мелочную опеку и регламентацию. Ориентация на «центр», на «директивные органы», на требования и мнения «руководства», отсутствие профессиональной автономии, боязнь инициативы и творческого эксперимента стали обыденными факторами профессиональной деятельности интеллигенции в провинции, в значительной мере сковывавшими развитие творческой индивидуальности ее представителей, находившихся, что называется, «на виду» в условиях провинциальной жизни. К этому следует добавить также многочисленные трудности материально-технического и бытового плана, которые сопровождали профессиональную деятельность интеллигенции на периферии. Не случайно, что творческие силы ее представителей зачастую оставались нереализованными и невостребованными в полной мере.

Профессиональная деятельность интеллигенции в провинции выполняла также отчетливо выраженную функцию обеспечения на местном уровне поддержки правящего режима посредством интеллектуального и художественного творчества. Оно тесно связывалось с задачами идейно-политической пропаганды и агитации, а потому нередко несло на себе печать идеологической конъюнктуры. Позиция провинциальной интеллигенции играла существенную роль в проецировании власти на места и политическая ангажированность творчества ее представителей все более усиливалась. Их профессиональная деятельность прямо предполагала проявление политической активности, которая была отчасти самостоятельной, отчасти административно стимулируемой партийно-государственными органами. Тем самым, творческий процесс в 30-е годы был, в целом, жестко формализован и заключен в русло, строго очерченное официальными установками.

Все это, однако, не являлось препятствием, исключавшим создание представителями интеллигенции в провинции высокохудожественных произведений и достижение ими выдающихся результатов в интеллектуальных поисках, технологических разработках и т.д. На их плечах продолжала лежать и трудная просветительская миссия. Трагичность эпохи в сочетании с романтическим пафосом созидания нового строя и оптимистическими надеждами на лучшее будущее порождали поразительный эффект профессионального подвижничества и плодотворного напряжения творческих сил интеллигенции в провинции. Прежде всего это определялось личными качествами ее представителей. Определенное значение имело также и повышение общественного «спроса» на их профессиональную деятельность, на результаты их творческого труда. В условиях революции и коренной ломки старого строя интеллигенция первоначально оказалась как бы «на обочине» развернувшихся социально-политических процессов. Однако ее роль объективно возрастала в ходе решения задач национально-государственного и хозяйственного строительства, консолидации общества и возрождения традиционных ценностей культуры. 30-е годы явились в этом отношении переломными. На их протяжении в советском обществе произошло то, что Г.П. Федотов очень точно назвал переключением революционной энергии в национальную. На смену интернационалистической парадигме мировой пролетарской революции пришла этатистская концепция строительства социализма в одной стране, предполагающая в условиях враждебного капиталистического окружения создание мощного государства, что объективно реанимировало на новой идеологической основе элементы традиционного российского имперского сознания. Именно в этот период получило завершение и трудное, противоречивое, наполненное трагическими страницами становление первого поколения советской интеллигенции.

Как отмечал Г.П. Федотов, оно было органически предано советскому строю и чувствовало свою кровную связь с народом и правящим классом, которая проявлялась в большей степени, нежели у дореволюционной интеллигенции. Вместе с тем, в

среде представителей советской интеллигенции существовала и категория «молчальников», являвшихся носителями «каткомбного духа». (Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Спб., 1991. Т.2. С.118, 185). В этой связи, применительно к 30-м годам, имеет смысл говорить не столько о наличии идейно-политической дифференциации интеллигенции в советском обществе, сколько о дуализме ее политического сознания, выражавшемся в существовании открыто проявлявшегося «внешнего» и латентного «внутреннего» потоков. Упрощением было бы также считать, что 30-е годы стали для интеллигенции лишь «успешной школой предательства». (Солженицын А.И. Образованщина // Из-под глыб.: Сб. ст. М., 1992. С.194). Здесь не следует игнорировать и свидетельства о том, что от людей того времени «потребовалось столько мужества, что его хватило бы на несколько поколений, мужества не только в работе или в бою, но и в молчании, в недоумении, в тревоге». (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1963. Кн. 3, 4. С.357). Многие представители интеллигенции в провинции не утратили стремления к служению своему делу, высоким гуманным идеалам, прогрессу, родине. Они по-прежнему выполняли свою просветительскую функцию и, в этом смысле, продолжали традицию дореволюционной земской интеллигенции.

Г.К. Павленко, В.Д. Павленко
Челябинск

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны Урал стал главным арсеналом Победы. Подготовлен он к этому был модернизацией 30-х годов благодаря природным богатствам и геостратегическому положению. В решении этой задачи особую роль сыграла интеллигенция. До войны более 40 высших учебных и 30 науч-

ных заведений успешно решали задачи развития экономики и культуры региона (Урал — фронту. М. — 1985. — С.237).

По своей структуре интеллигенция Урала была неоднородна: ученые, представители учреждений культуры и здравоохранения, руководители предприятий, строек, шахт, транспорта, связи, совхозов, инженерно-технические работники, партийно-советский аппарат и, наконец, местная и эвакуированная интеллигенция.

Иерархическая лестница отбирала интеллигентов по их индивидуальным, интеллектуальным, организаторским и морально-психологическим качествам. И она же определяла разные уровни ее материального и жилищного обеспечения, возможность либо выступать только исполнителем, либо еще и организатором.

В суровые годы войны иерархические ступени обозначились особенно четко. Для партийно-советского аппарата и руководящих работников сохранилась система спецраспределителей и усиленных пайков. «Командный состав, — как вспоминает главный металлург Кировского завода Я.Е. Гольдштейн, — жил в годы войны относительно хорошо: американская помощь продовольствием, заботы Зальцмана и обкома партии доходили в виде продовольственных пайков, вещевых подарков, отрезков на костюмы, кожаных пальто и тужурок. Водка и папиросы — без ограничения». (Гольдштейн Я.Е. Откровенно говоря. Челябинск.-1995.-С.161).

Несмотря на то, что нет статистики самообеспечения иерархической верхушки, выходящей за рамки нравственных требований военного времени, факты, сохранившиеся в архивах и в воспоминаниях участников прошлых лет, дают возможность предполагать, что они были распространенным явлением. Исследование Н.П.Палецких свидетельствует, что руководство предприятий нередко использовало продукцию Орсов и подсобных хозяйств в личных целях (Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск. — 1995. — С.67-68, 85).

Тем временем интеллигенция нижних ступенек проявляла находчивость и инициативу, чтобы изыскать для рабочих дополнительное питание. Начальники цехов отправляли рабочих в отдаленные деревни за картофелем, в лес — за грибами и ягодами.

В прямой зависимости от ступенек этой лестницы находилось и распределение жилья. В благоустроенных домах с канализацией и отоплением шел жесткий процесс уплотнения проживающих. На освободившуюся площадь заселялись представители верхних эшелонов интеллигенции. Так, 10 октября 1942 г. Свердловский обком партии рассмотрел вопросы: о расселении студентов и профессоров МГУ; о предоставлении квартир руководящим деятелям АН СССР и МХАТа; о предоставлении квартиры Хачатуряну А.И. (ЦДНИСО. Ф.4. Оп.25. Д.492; Оп.37. Д.65. Лл.9,12).

Работники детских учреждений, учителя школ, воспитатели детских домов и интернатов, художники, часть артистов, библиотечные и архивные служащие находились в бедственном положении.

Получившие материально-бытовые привилегии одновременно получали и другие — нести личную ответственность за вовремя поставленные танки, самолеты, снаряды, уголь, руду, нефть и т.д. Не каждый из представителей интеллигенции обладал организаторскими качествами, а порой и мужеством, чтобы рисковать и брать на себя ответственность. В годы войны такие руководители переводились на должность рангом ниже. В отличие от 30-х годов практика массовых репрессий интеллигенции была отменена. Их ряды и без карательных мер редели за счет мобилизаций на фронт, поэтому каждый специалист был на учете.

Те, кто нес груз ответственности: академик, секретарь обкома, горкома, парткома, руководитель предприятия, шахты или стройки, главный инженер или технолог, порой сутками, без сна решали технологические задачи, изыскивали оборудование, сырье и топливо. Они рисковали положением, здоровьем, жизнью, но с задачами справлялись. Не рискуй Г.И.Носов

— директор ММК вместе с ленинградцами С.И.Сахиным и А.А.-Безденежных, инженерами комбината В.А.Смирновым, Е.И.Левиным и другими, не выплавляли бы впервые в мировой практике броневую высоколегированную сталь в большегрузных мартеновских печах. Не рискуй Г.И.Носов вместе с заместителем главного механика Н.А.Рыженко и не был бы прокатан броневой лист на обжимном стане-блужинге. Не будь ни первого, ни второго — страна не получила бы так нужного металла через месяц после начала войны.

Управляющий трестом «Ишимбайнефть» И.И.Голодов, талантливый организатор, в годы войны обеспечил разработку скважин, доведя добычу нефти со 100 т. в сутки в 1941 г. до нескольких эшелонов в 1941 году. Именно он, в одну из ночей, в буран и пургу на ненадежном тракторе отправился с молодым водителем, чтобы доставить трубы на скважину и выполнить работу в срок. (Война. Народ. Победа. Кн.2. М., 1976. — С.26-28). Подобные примеры можно привести о директорах Б.Г.Музрукове, Ю.Е.Максареве, И.М.Зальцмане, Д.Е.Кочеткове и многих других. Яркой плеядой организаторов на Урале были секретари обкомов партии В.М.Андрианов, Н.И.Гусаров, Г.А.Денисов, С.Д.Игнатъев, Н.С.Патоличев и А.П.Чекинов.

В годы войны на Урале был осуществлен значительный рывок в механизации производственных процессов. Инженерно-технические работники помогли рабочим внедрить многие изобретения. Благодаря помощи нижнетагильских инженеров-конструкторов М.Б.Ханина, Ефимова и Яшина зародилось движение тысячников (Плотников И.Ф. Трудовой подвиг интеллигенции //Подвиг трудового Урала. — Свердловск, 1965. — С.25).

Известен огромный вклад ученых АН СССР и вузов во все оборонные отрасли Урала, в геологоразведку и медицину. Местная и эвакуированная интеллигенция в совместной работе обогатили друг друга знанием и опытом.

Интеллигенты в провинции, не имея никаких привилегий; выхаживали раненых, проводили сбор средств в «Фонд обороны», читали лекции населению, давали концерты в госпиталях

и цехах; работали с детьми на уборочных и снегозадержании, на разгрузке вагонов и устраняли снежные заносы на железнодорожных путях.

Таким образом, всю интеллигенцию, за исключением отдельных лиц, объединяло одно качество — любовь к Родине, стремление сделать все возможное, чтобы одержать победу над фашистской Германией. В ходе войны у нее сформировалась новая ментальность: способность самостоятельно решать сложные проблемы, идти на риск и при этом не терять чувство собственного достоинства.

В.В. Петрик

Томский политехнический университет

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ВУЗ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Осуществляемые в России радикальные реформы привели в действие принципиально новые факторы, которые настоятельно требуют существенных изменений в механизме социальной защиты и поддержки населения и в частности, студенческой молодежи провинциальных вузов. К таким факторам прежде всего относятся новые формы собственности, разгосударствление экономических структур, изменения в распределении вновь созданного продукта, существенное расширение ценовой политики. Резко сменилось соотношение прав, обязательств и ответственности местных органов власти. Ведется крупномасштабная структурная перестройка экономики в условиях складывающихся рыночных отношений. Любая «эффективная рыночная система воспроизводит существенное неравенство» (Экономические науки. 1990. № 1. С.11) и поэтому должна обязательно дополняться механизмом государственной поддержки социально уязвимых слоев населения.

Если административно-командная система экономики обеспечивала полную социальную защищенность студенчества, то сегодня все изменилось. Сложности современного этапа общества и страны, хроническая нехватка финансовых средств, массовая безработица, особенно в провинции, требуют обоснованного выбора приоритетов государственной перераспределительной политики. При этом возникают закономерные вопросы: в какой степени относится к социально незащищенной части населения студенческая молодежь в провинциальных городах и какие формы ее поддержки наиболее приемлемы. Психологическая переориентация этой категории молодежи, изменение жизненных ценностей, стереотипов, установок и поведения в соответствии с меняющимися рыночными условиями оказалось не самой простой задачей для отечественной экономики.

Социальный статус студенчества в 1990-е гг. обусловлен тем, что до предела обостряются существующие проблемы и в первую очередь — объективно высокие материально-духовные запросы при очень низких доходах. Так, по оценкам некоторых специалистов, среднегодовой доход студента в 1996 г. равнялся лишь 20,5% среднемесячного дохода в год на одного человека (Красное знамя (Томск). 1996, 25 мая). Однако в отличие от нетрудоспособной части населения (дети, престарелые, инвалиды) студенты вполне способны обеспечить себя трудовыми доходами. В этом, на наш взгляд, видится доминирующее содержание социальной защищенности студенчества, как и трудоспособного населения в целом, в создании «возможности трудиться и зарабатывать на основе полновесной оценки труда, приобретать на заработанные деньги все те продукты и услуги, которые человек считает для себя необходимыми» (Экономические науки. 1996. № 2. С.8). При этом данное определение распространяется и на получение образовательных услуг, и на обеспечение жизнедеятельности студентов. Хотя, нужно отметить, что в провинциальных городах, в отличие от центральных, найти дополнительный заработок значительно сложнее, ввиду неразвитости экономической инфраструктуры.

Представляется, что серьезную поддержку студентам в поисках дополнительного заработка могла бы оказать городская служба занятости. Безусловно, не все из обратившихся в службу занятости могут получить, то что им нравится, но на помощь со стороны службы, в улучшении своего материального положения, они вправе рассчитывать.

Образовательный процесс в вузе неверно представлять как «своеобразное производство, где абитуриент — сырье, а специалист — конечная продукция» (Вестник высшей школы. 1991. № 2. С.31): Получение высшего образования — это важнейший этап не только подготовки инженеров, юристов, учителей, но и прежде всего формирование личности будущего специалиста как носителя духовности, нравственности, культуры и традиций своей родины. Одновременно образование выступает и как особый вид нематериального производства, продукт которого — образовательные услуги, воплощающиеся в совокупности квалификационных и профессиональных качеств человека, формирующие и совершенствующие его рабочую силу. Повышение общей культуры будущего специалиста и создание высококвалифицированной рабочей силы — две стороны единого процесса, который не может состояться без значительных затрат труда самого студента. Поэтому при таком подходе социальная защита студенчества должна учитывать, в первую очередь, полновесную оценку труда в период учебы в вузе. На наш взгляд, стимулирование этого труда должно осуществляться с помощью стипендии. Однако в настоящее время стимулирующая роль стипендии во многом утрачена. Об этом, в частности, свидетельствуют данные «Ежегодного доклада о развитии высшего образования за 1994 г.». Например, в 1993 г. расходы на стипендии студентам составили 30% от общих расходов государства на высшее образование, стипендию получали все успевающие студенты, однако, если уже тогда ее размер (даже повышенный с учетом предусмотренных доплат) был в 2-2,5 раза ниже физического прожиточного минимума, то в 1994 г. этот показатель составил 3,4 — 4,5. Социологические исследования показали, что свою материальную обеспеченность как хорошую оценили

17% опрошенных, как удовлетворительную — 48%, как плохую — 34%. Эти данные подтверждаются результатами исследований, проведенных Центром социологических исследований Госкомвуза России в 50 вузах страны, большинство из которых расположено в провинции (Высшая школа в 1995 г. (Ежегодный доклад о развитии высшего образования). С.35).

Учитывая, что прожить на стипендию студенты не могут, они используют дополнительные источники материальной поддержки. Так, по данным вышеприведенного доклада 94% студентов помогают родители, 42% работают, 30% получают помощь от друзей и знакомых, 6% оказывают помощь спонсоры. Среднемесячный бюджет студентов в марте 1994 г. составлял 53 тыс. руб., но 60% из них имели бюджет ниже среднего, в том числе 14% — до 28 тыс. руб. в месяц (Там же).

Несоответствие стипендий прожиточному минимуму дополнительно создает социальную напряженность, способствует возможности манипулирования общественным мнением молодежи со стороны различных противоборствующих сил, порождает негативные явления в среде студенчества, а также отток из учебных заведений многих активных студентов. Представляется необходимым не менее чем в 3 раза увеличить размер базовой стипендии.

Решению задач социальной защиты студенческой молодежи в нынешней кризисной социально-экономической обстановки могут помочь также средства вузов, полученные на коммерческой основе. Высшие учебные заведения могут оказывать дополнительные платные услуги в области информатики, маркетинга, консультирования, выполнять работы материального характера с предприятиями разнообразных форм собственности и по заказам населения, а часть заработанных средств отчислять в фонд социальной помощи студентам. Привлечению доходов от коммерческой деятельности вузов к решению задач социальной защиты студентов, на наш взгляд, может способствовать и освобождение от налогов части доходов, направляемой в фонд социальной помощи студентам.

Таким образом, формирование механизма социальной защиты населения в условиях рыночных реформ обязательно должно включать в себя опробование различных видов поддержки студенчества и выбор наиболее эффективных из них в условиях провинции.

А.Г. Петрова

Чувашский университет

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДЛЯ ЧУВАШСКОЙ ДИАСПОРЫ

Чуваши относятся к числу 325 наций на Земле с численностью населения более 1 млн. человек. Согласно переписи населения 1989 г. их было 1,84 млн. человек. Они занимали по численности 16-е место в бывшем СССР и 4-е в Российской Федерации (после русских, украинцев, татар). 49,2% чувашей проживает в Чувашской Республике, остальные 50,8% — за ее пределами, в основном в Среднем Поволжье и Приуралье. Переселялись они в дальние края в разное время, после вхождения Чувашии в состав России (1551 г.).

Воспреки русификации и насильственной христианизации чувашей, чувашский язык и национальная культура сохранялись и развивались. Но для этого нужны были соответствующие школы и учителя.

Первые школы для чувашских детей были открыты еще в XVI веке при монастырях и церквях. Они готовили работников культовых учреждений. В середине XVIII века были распространены иовокрещенские школы. Начало работы светских школ в Поволжье было связано с открытием Казанского университета (1804). К 1860 г. во всех уездных центрах Чувашии действовали уездные училища. Однако подготовка для них учителей не была еще налажена.

После отмены крепостного права (1861), принятия « Положения о начальных училищах » (1864) в основу просвещения

нерусских народов была положена система Н.И.Ильминского, предусматривавшая обучение в школах на родном языке. Подготовка учителей шла через Казанскую центральную крещено-татарскую школу (1863), Казанскую инородческую учительскую семинарию, Порецкую учительскую семинарию (1872), где обучались представители нерусских народов этого края.

Основной кузницей кадров народного образования для чувашских школ стала Симбирская чувашская школа интернатного типа, открытая гимназистом-чувашом И.Я. Яковлевым (1868). Школа, преобразованная через 22 года в учительскую семинарию, была для чувашского народа и университетом, и академией, и консерваторией, и театром. Здесь хорошо была поставлена работа по всестороннему воспитанию будущих учителей. До Октябрьской революции 1917 г. это учебное заведение подготовило свыше тысячи педагогов, в том числе 400 учительниц. Выпускники «яковлевской» школы трудились в самых различных селениях Казанского учебного округа, куда входили тогда Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Оренбургская губернии.

Будучи инспектором чувашских начальных училищ Казанского учебного округа (1875-1903), И.Я. Яковлев сам или через своих многочисленных выпускников открыл около 400 чувашских школ, в том числе 20 двухклассных училищ. Он распространял в них созданный им самим чувашский букварь и книги для чтения.

В годы советской власти на месте Симбирской чувашской школы были организованы педагогические курсы, затем — первый вуз для чувашей — Чувашский практический институт народного образования (1920-1923). Позднее на его месте функционировал педагогический техникум, который до 1935 г. находился в ведении Чувашского правительства. 75% своего контингента техникум набирал из уроженцев Чувашской автономной области, остальные 25% — из чувашской диаспоры.

В 1926-1930 гг. в Восточном педагогическом институте в Казани наряду с марийским и удмуртским отделениями функционировало и чувашское отделение, готовившее учителей род-

ного языка и литературы. После закрытия этого отделения многие преподаватели перешли в открытый в Чебоксарах Чувашский педагогический институт.

В 30-х гг. широко были распространены национальные сельские советы и национальные районы в республиках и областях Поволжья и Приуралья, где требовались учителя, владеющие чувашским языком. Педагоги-чуваши готовились тогда в педагогических техникумах Казани, Уфы, Ульяновска, Самары, Тетюш.

К сожалению, в послевоенный период национальные сельские советы и национальные районы были упразднены, закрыты учебные заведения педагогического профиля, резко сузилась сфера применения родного языка. С 1960 г. преподавание чувашского языка было прекращено в ряде школ. В 1983 г. оно было возобновлено, возникли общества чувашской культуры. Однако уже выросло целое поколение чувашей, не знающих родного языка и соответственно оторвавшихся от корней родной культуры. Необходимо восстановить закрытые учебные заведения педагогического профиля для чувашей.

Е.П. Пирогова

Уральский университет

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УРАЛА

Со второй половины XIX в. на Урале возникает одно за другим несколько десятков научно-краеведческих обществ. Разные по масштабам и направлениям деятельности, количеству членов, продолжительности существования и т.д. — эти общества были одними из тех новых явлений общественной и культурной жизни пореформенного Урала, которые свидетельствовали о пробуждении провинции. Эти общества наглядно показали, с одной стороны, стремление представителей некоторых слоев местного населения (прежде всего, интеллигенции) к активной общественной, даже творческой жизни, к объедине-

нию; с другой, — наличие в провинции определенного научного потенциала.

Тема роли интеллигенции в деятельности научно-краеведческих обществ дореволюционного Урала обширна и требует специального исследования. Пока мы ограничимся более частной проблемой: какова доля и состав уральской интеллигенции в этих обществах. Для решения этой проблемы использовались следующие опубликованные и неопубликованные источники: протоколы заседаний и годовые отчеты обществ, списки членов и заявления желающих вступить в их ряды, а также список должностных лиц Пермской губернии, регулярно помещавшиеся в ее «Адрес-календарях» и «Памятных книжках».

Всего было проанализировано 9 списков действительных членов пяти обществ, а именно: три списка УОЛЕ (за 1873, 1886 и 1903 гг.) (Записки Уральского общества любителей естествознания. — Екатеринбург, 1874. — Т.1. — Вып.2. — С.178-199; 1887. — Т.10. — Вып.2. — С.22-27; 1903. — Т.24. — С.2-41), по два списка Пермского научно-промышленного музея (за 1894 и 1902 гг.) (Там же: 1895. — Т.14. — Вып.4. — С.297-300; Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1902 г. — Пермь, 1903. — С.75-78) и Пермской ученой архивной комиссии (за 1892 и 1902 гг.) (Труды Пермской ученой архивной Комиссии. — Пермь, 1892. — Вып.1. — С.23-25; 1904. — Вып.7. — С.125-127), единственный список 1894 г. Пермского экономического общества (РГИА РСФСР. Ф.381. Оп.50. Д.47. Л.9-10об.) и список общества любителей истории Чердынского края за 1902 г. (РГИА РСФСР. Ф.1284. Оп.188. Д.184. Л.13-19). Общее количество действительных членов по 9 спискам составило 1186 человек. После определения их общественных функций и занимаемых должностей оказалось, что среди них, кроме интеллигенции, были представители чиновничества, земской администрации, были промышленники, купцы, помещики, лица духовного звания, военные и т.д. Но все же более половины (51,1%) всех участников научно-краеведческих обществ губернии составляла интеллигенция.

В составе интеллигенции нами выделено несколько профессиональных групп. Самой многочисленной оказалась техническая интеллигенция. Это не было неожиданным: действительно, в условиях глубокой российской периферии, каковой являлся капиталистический Урал, общественная роль технической интеллигенции не могла ограничиваться только квалифицированным обслуживанием промышленного производства, она должна была проявляться и проявлялась на культурно-просветительском, научном и иных поприщах. В то же время техническая интеллигенция не была однородна. В научных обществах было меньше представителей ее высшего слоя — горных начальников, управляющих и помощников управляющих заводских округов, начальников и их замов станций и железных дорог, — они составили менее 10%. Лучше представлен средний слой: управляющие заводов и их помощники, управляющие промыслами — свыше 26%. Но самым многочисленным (до 64%) оказался низший слой технической интеллигенции, к нему мы относили всех «простых» инженеров, технологов, техников, механиков, мастеровых, а также лесничих, горных и лесных кондукторов, лесных ревизоров. Сюда же мы посчитали возможным отнести нескольких фотографов и городских архитекторов.

Среди работников сферы образования высший слой (46%) составила профессура, а также директора и инспекторы гимназий, училищ. По социальному и имущественному статусу это была наиболее привилегированная часть, примыкавшая к крупной буржуазии. При этом отметим, что профессура оказалась только в списках УОЛЕ. Характерно также, что в составе обществ среди действительных членов не оказалось представителей противоположного полюса — народных, сельских учителей. Очевидно, что их низкий доход, ненамного превышавший, а иногда и равнявшийся заработку среднеквалифицированного рабочего, позволял им принимать участие в деятельности научно-краеведческих обществ только в качестве членов-корреспондентов. Больше половины, 54%, работников сферы образования в составе обществ составлял «средний» слой — это преподаватели средней школы — гимназий, училищ. По

уровню доходов эту группу можно приравнять к среднему слою технической интеллигенции и, следовательно, к буржуазным слоям.

Следующая из выделенных нами профессиональных групп в составе интеллигенции — юридическая. Ее социальная дифференциация не была резко обозначена, поскольку высшее звено чиновников судебного ведомства (руководители судебных палат, окружных судов, адвокаты) представлены в обществах незначительно — всего около 11%, а юристов низшего звена (с доходами менее 1 тыс. руб. в год) не было совсем. Основную массу этих работников составили две близкие по уровню доходов группы. Первая: члены окружного суда, мировые и городские судьи (33%), вторая: судебные чиновники, присяжные поверенные и их помощники (56%). Всех работников судебного ведомства в составе научно-краеведческих обществ можно отнести к буржуазным и наиболее зажиточным мелкобуржуазным слоям.

Четвертая профессиональная группа интеллигенции — работники системы здравоохранения. Выявить их социальное расхождение оказалось сложнее. Источники ограничиваются указанием на принадлежность к «врачам», очень редко давая информацию о том, являлся ли этот врач частнопрактикующим или находился в земской или заводской больнице — доходы их могли быть существенно различны. По нашим наблюдениям, большую часть их все же составляли, видимо, врачи, находившиеся на госслужбе (имеется прямое указание на это в 19 случаях), были среди них и заводские врачи (4 случая). Об остальных сказано только — врач. Поэтому мы можем выделить среди медиков 2 группы: собственно врачи, их большинство, 82%, и средний медицинский персонал (фармацевты, провизоры, аптекари), составлявший 18%.

Последняя по численности профессиональная группа интеллигенции — сельскохозяйственная. В нее вошли агрономы, землемеры, ветеринары, статистики. Во всех списках обществ (кроме Общества «Чердынского края» и списка УОЛЕ 1973 г.) они представлены равным количеством: по 5-7 человек.

Итак, в составе научно-краеведческих обществ Пермской губернии было выделено пять профессиональных групп, которые расположены по степени уменьшения. Самой многочисленной оказалась техническая интеллигенция, составившая 46% общего числа интеллигенции; вторая по количеству и значимости — интеллигенция, занятая в сфере образования ок. 25%; остальные профгруппы интеллигенции примерно равны: в системе здравоохранения — 11%, юридическая 9%, сельскохозяйственная — 8%. Оставшийся процент составили немногочисленные лица, занятые «свободными профессиями» — писатели, путешественники, редакторы, сюда же мы отнесли нескольких студентов.

Анализ профсостава интеллигенции свидетельствует о значительном влиянии в ней представителей дворянства — буржуазной прослойки, но наряду с ними к деятельности научно-краеведческих обществ привлекались все более широкие демократические силы.

В.И. Полищук, Л.А. Полищук

Нижневартовский педагогический институт

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МОНОПРОФИЛЬНОМ ГОРОДЕ

Говорить об интеллигенции сегодня нелегко: вокруг столько неинтеллигентских проблем и явлений, что подобная тема вызывает иногда лишь горькую усмешку. Да и само понятие интеллигенции изменилось и деформировалось за последние годы. Во многом способствовал приходу к власти так называемых демократов, интеллигенция, или те, кого относили к ней в советские времена, вынуждена была заплатить немалую цену за свою активность в конце 80-х. В начале века была схожая ситуация, когда, по словам М.К. Мамардашвили, русская интеллигенция не выполняла свою функцию, каковой является мысль, а не забота о благе народа (См.: «Круглый стол» // Природа.

1990. № 8. С.99). Похожая ситуация сложилась и в конце века, когда российская интеллигенция подалась в политику, возомнив себя «умом и совестью народа», повлияла, и это невозможно отрицать, на смену декораций власти, вытребовала всевозможные свободы, но оказалась в унижительном положении. Отличие лишь в том, что речь сегодня не идет о физическом уничтожении интеллигенции. Хотя, если говорить о ее нищенском обеспечении, то ее обреченность становится с каждым годом все более очевидной.

Часть интеллигенции «западничает», и сегодня об этом даже и говорить не модно. Но уезжают из России в основном высокопробные умы, рафинированные специалисты, причем, как правило, в области естествознания и техники. Структура эмиграции научных работников такова: «другие», в том числе и гуманитарии, составляют лишь 12% от физиков, биологов и химиков вместе взятых. Гуманитарии за границей не нужны. Их и в России-то не особо привечают. Сегодня в относительно небольших и вчера еще невузовских городах открыто множество филиалов крупных вузов из столицы или областных центров. Перечень предлагаемых специальностей ограничен в основном менеджментом, экономикой и юриспруденцией. И вот что интересно: студенты подобных филиалов или У КП сами себя гуманитариями не считают. То есть относят себя скорее к специалистам какой-то околотехнической сферы. Но дело не только в резком сужении сферы гуманитарного образования. Сама организация обучения в таких филиалах соответствует представлениям не о гуманитарном просвещении, а о техническом производстве: челночный способ доставки специалистов, вахтовый метод преподавания, ограниченный до минимума расчет часов, отводимых на учебные дисциплины.

Естественно, что в монопрофильном городе, жители которого в основном обслуживают один из видов промышленности, солидная доля интеллигенции занята в сфере производства. Она менее подвержена негативным следствиям перехода к рынку. Ощутимее он ударил именно по интеллигентам-гуманитариям, работающим в области культуры и образования. Причина ясна:

рынок очень косвенно заинтересован в сохранении этих областей. Не эмигрировав и не мигрировав, зачастую еще и потому, что в монопрофильном городе для этого просто нет возможностей, интеллигенты-гуманитарии сохранили верность своему делу, своему положению в обществе.

Именно в монопрофильном городе понятие интеллигенции сузилось до понятия гуманитариев, то есть тех, кто заботится не о благе народа, а о вне рыночных ценностях — о культуре и образовании.

С.Н. Полторак

Санкт-Петербургский технический университет

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ-ИНОСТРАНЦЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Вероятно, прав был В.О. Ключевский, утверждавший: «В России центр — на периферии». Всем своим прошлым наша страна подтверждает это. Более того, российская глубинка традиционно влияла на формирование интеллигенции из числа иностранцев, волею судьбы запесенных в разные регионы.

Этот феномен до сих пор почти не изучен. Первые попытки его исследования были удачными, но в связи с тем, что начаты они были недавно, говорить об определении каких-то характерных тенденций этого процесса пока рано.

В то же время вполне очевидно, что приток иностранцев в Россию и, стало быть, усиление влияния на него интеллигентской среды происходили тогда, когда Россия переживала экстремальные периоды своего развития: восстания, войны, революционные преобразования.

В связи с этим большой интерес представляют события начала XX века, когда русско-японская и Первая мировая войны в сочетании с революционными событиями сформировали совер-

шенно новую составную часть российской интеллигенции — революционно настроенную интеллигенцию зарубежного происхождения.

Войны и революции начала XX века привели в Россию в общей сложности 4,6 миллиона иностранцев (Подсчитано автором по обобщенным данным более 60-ти архивов бывшего СССР и опубликованных источников.) Среди них основными группами были военнопленные, беженцы, рабочие (в том числе рабочие-отходники), студенты и профессиональные революционеры.

Представители наиболее многочисленных из этих групп — военнопленные, беженцы и рабочие были размещены в основном на российских окраинах.

Так, на западе России к 1917 году находилось много польских беженцев, на юге — беженцы из Румынии и югославянских государств, на востоке страны собралось множество переселенцев из Китая, Кореи и Японии. На севере, на строительстве Мурманской железной дороги, были собраны десятки тысяч китайских рабочих, представлявших собой самую дешевую рабочую силу.

Кроме того, в российских концентрационных лагерях (этот термин в годы Первой мировой войны в России был общепринятым) содержалось 2,2 миллиона военнопленных. Большая часть лагерей находилась в провинции. Особенно много их было на Урале и в Сибири, что вполне естественно.

Таким образом, в 1904 — 1917 гг. на всем пространстве Российской империи сложилась довольно необычная человеческая инфраструктура, ставшая основой для возникновения специфического и совершенно не известного прежде в России отряда интеллигенции, являвшего собой революционно настроенных иностранцев, считавших себя россиянами первого поколения. Как правило, 20 — 30 лет их жизни прошло на исторической родине. Выходцы из европейских государств имели среднее, а нередко и высшее образование. Многие из них были врачами, музыкантами, учителями, офицерами. Это были в целом уже сформировавшиеся люди. Тесное общение с интеллигентами российской провинции, происходившие в стране события «деформировали» их мировоззрение.

Они становились приверженцами социалистических взглядов. Эти факты, а также воздействие бытовых факторов (многолетнее пребывание в России, полная адаптация в новых условиях: женитьба, замужество, получение работы по призванию и т.д.) приводили к тому, что иностранные интеллигенты часто навсегда оставались в России, СССР, принимая наше гражданство.

Многолетние исследования автора показали, что к началу 20-х гг. отечественная интеллигенция пополнилась примерно 200 тысячами иностранцев, прочно вошедшими в творческие, научные, педагогические и другие коллективы страны. Среди них были на редкость образованные и талантливые люди: видные государственные деятели Т. Антикайнен, Х. Раковский, Ф. Кон, И. Косиор; профессиональные военные И. Варга, Д.Варга, Ж.Садуль, Й.Пехливанов; партийные деятели Ф.Дзержинский, С.Дзержинская, Ю.Лещинский, А. Залик, К.Радек, учителя Ю.Хан, Э. Вирлич, врач В. Маркович и многие другие. Большая их часть навсегда осталась в СССР. Некоторые вернулись на родину до или после Второй мировой войны.

Среди иностранцев в России было много музыкантов и других творческих работников. Это были истинные интеллигенты, осознававшие свое профессиональное и человеческое предназначение. Об этом говорят многие факты, в том числе и такой. В феврале 1920 г. оркестр музыкантов-военнопленных обратился в Иркутский губернский ревком и Совет с просьбой разрешить ему поездку по городам России для выступления с концертами, средства от которых предназначалось передать семьям погибших красноармейцев. Обосновывая необходимость поездки в своем письменном обращении, они привели удивительно мудрый аргумент: «Музыка... тоже средство просвещения и воспитания человека» (Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 142. Л.8). Разрешение было дано.

В 20-е годы значительная часть иностранцев, в том числе и интеллигенции, растворилась в российской глубинке. Но процесс этот был не везде одинаков. В ряде регионов активно и плодотворно работали землячества, позволявшие сохранять духовную связь со своими национальными корнями. Интеллектуальный по-

тенциал их был огромен. Так, например, в Казани венгры изучали философию, политэкономия, историю древней Венгрии (до X века), русский, английский, французский языки и даже язык эсперанто, предполагая, что в недалеком будущем (когда победит мировая революция) он станет языком международного общения (Центр документации новейшей истории Татарстана. Ф.868. Оп.1. Д.564. Л.18; Ф.15. Оп.1. Д.52. Л.7). Эти землячества просуществовали в СССР почти до конца 30-х гг.

Иностранная творческая интеллигенция была зачинательницей создания национальных театров, студий и отдельных драматических коллективах при Домах просвещения. Например, на северо-западе страны, в частности, в Ленинграде, помимо прочих национальных театров и студий действовали финский, китайский и ряд других театров (Смирнова Т.М. Национальные театры Петрограда — Ленинграда: 1917-1941 годы. СПб.: Нестор, 1996. 113 с.).

Национальные школы, техникумы и вузы, существовавшие в СССР с 20-х до середины 30-х годов, убедительно доказывают: иностранцы в нашей стране в первой трети XX века не только много перенимали от отечественной интеллигенции, но и сами обогатили ее своей самобытностью.

Есть основание утверждать, что иностранная интеллектуальная, культурная инъекция 1900-х — 1930-х годов в процесс развития интеллигенции России сыграла важную роль в совершенствовании нашего общества. Этот процесс был взаимообогащающим и взаимополезным.

Н.Н. Попов

Уральский университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX В. РОЛЬ И СУДЬБА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Традиционная оппозиционность российской интеллигенции привела к тому, что в первые годы XX в., когда формировали-

сь основные политические партии, именно она оказалась во главе этого процесса. Одной из его особенностей было то обстоятельство, что создание и распространение политических партий в России шло не из центра в провинцию (как на Западе), а наоборот. Вследствие этого, в частности, на рубеже веков возник Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров. Существование, хоть и недолгое, такого своеобразного в основном интеллигентского политического объединения было связано со спецификой социально-экономических условий на Урале.

В уральских организациях всех политических партий периода первой русской революции «большинстве активистов, — как установил, челябинский историк И.В.Нарский, — составляли представители умственного труда различной квалификации». Именно преобладание интеллигенции в руководстве как местных отделений, так и центральных органов всех созданных в начале XX в. политических партий России привело к тому, что для их деятельности (как и для самой интеллигенции) стала характерной крайняя антиправительственная направленность. Для программных установок отечественных политических партий была присуща утопичность, бесперспективность в конкретных условиях страны.

Особенностью Урала было также то обстоятельство, что здесь в руководстве большинства политических организаций возобладали представители не цензовой, достаточно умеренной интеллигенции, а так называемой «полуинтеллигенции», отличавшейся относительно невысоким уровнем образования, а в политическом отношении — левым радикализмом. Это серьезно повлияло на характер политических событий, происходивших на Урале в период революционных потрясений 1905-1917 гг. Партизанская война с властями, развернутая здесь большевиками и эсерами во время первой русской революции, отличалась особой остротой и продолжалась даже после ее окончания, а точнее до 1909 г. В 1917 г. здесь раньше, чем где-либо в России, началась полоса большевизации Советов, а рабоче-сол-

датский Урал занял особое место в ленинском плане вооруженного восстания.

Характерно, что и после Октябрьского переворота руководители уральских большевиков уличались крайним радикализмом. Эта наглядно проявилось в ходе ускоренной национализации промышленных предприятий и целых горных округов, при обсуждении вопроса о сепаратном мире с Германией, при решении судьбы бывшего царя и его семьи. Все это означало падение в пропасть гражданской войны, которая, впрочем, не страшила лидеров местных большевиков, левых эсеров и анархистов, являвшихся, как правило, «полуинтеллигентами», одержимыми идеей построения нового общества, для чего они были готовы уничтожить все так называемые эксплуататорские классы. Вряд ли стоит удивляться тому, что в противостоявшем большевикам белом движении на Урале, по мнению Т.Л. Меркуловой, до 40% участников составляла интеллигенция.

Как же сложились судьбы партийных деятелей, игравших определяющую роль в политической жизни Урала в начале XX в.? Анализ данных о полусотне основных руководителей уральских организаций большевиков показал, что свыше половины из них были уничтожены в ходе сталинских репрессий 30-х гг (Белобородов А.Г., Брюханов Н.Д., Воробьев В.А., Голощекин Ф.И., Дидковский Б.В., Хидинский А.Н., Завьялова К.Г., Крестинский Н.Н., Лепа А.К., Мрачковский С.В., М.К. Ошвинцев, Преображенский Е.А., Рындин К.В., Сосновский Л.С., Уфимцев Н.Л. и др.). Еще треть погибли или умерли в период гражданской войны (Авейде М.О., Дерябина С.Л., Елькин С.Я., Иванов Н.Л., Малышев И.М., Точисский П.В., Черепанов С.А., Цвиллинг С.М. и др.). Только пятая часть руководителей уральских большевиков умерла своей смертью, дожив до глубокой старости. Но и среди них есть прошедшие через сталинские застенки (Парамонов А.И., Спундз А.Д. и др.).

Еще более драматическими оказались судьбы видных уральских политических деятелей небольшевистской ориентации. Они сразу после 1917 г. стали подвергаться политическим преследованиям, а руководители кунгурских, верхотурских, ниж-

нетагильских и осинских кадетов погибли от рук большевиков. Некоторые кадеты, эсеры и меньшевики вынуждены были отправиться в эмиграцию (Кроль Л.А., Штейнберг И.З. и др.). Почти все оставшиеся в советской России были уничтожены в 30-е гг. (Бриллиантов М.А., Гиневский В.П., Поляков М.Х., Хотимский В.И. и др.) и только единицы сумели выжить и даже добиться признания в условиях тоталитарного режима (Бажов П.Д.).

Из вышеизложенного следует, что представители интеллигенции, возглавившие уральские организации политических партий, сыграли важную роль в радикальных преобразованиях в России в начале XX в., не приведших, правда, к успеху. Одновременно они развязали мощную волну насилия, которая крайне негативно отразилась на судьбе как их самих, так и большинства соотечественников.

А.А. Проппин

Уральская юридическая академия

ДРУЗЬЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ФИЛАРМОНИИ. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«Интеллигентность есть восприимчивость к культурным ценностям» (Д.С. Лихачев). С этих позиций представляется очевидным, что лица, входящие в Екатеринбургское филармоническое собрание — общественную организацию, созданную в январе 1993г. и к настоящему времени объединившую около двух сотен любителей музыки, друзей филармонии и Уральского академического филармонического оркестра, по праву могут назвать себя людьми интеллигентными. Каков же он, социальный и духовно-психологический портрет интеллигента — члена ЕФС? Подтвердим или опровергнем существующие об этом представления.

Анализ имеющихся данных подтверждает, что у слушателя филармонии, в основном, женское лицо (соотношение муж-

чин и женщин составляет один к трем), причем это лицо немолодое. Средний возраст члена ЕФС — 47 лет. Однако примечательным является тот факт, что средний возраст пополнивших собрание в новом сезоне 1996/97 гг. снизился до 41 года: четвертую часть последней «волны» составили лица в возрасте от 16 до 30 лет, тогда как в предыдущие годы подобное соотношение выглядело как один к семи. Думается, что в немалой степени «омоложение» ЕФС объясняется деятельностью таких людей как Г.Г. Антонова, заместитель директора по эстетическому образованию средней школы n 208 Железнодорожного района г. Екатеринбурга, которая, являясь слушателем филармонии с 35-летним «стажем», готовит, воспитывает будущего слушателя, начиная со школьной скамьи, помогает ему понять и усвоить классическую музыку, закладывает восприимчивость к ней.

Вторым моментом, заслуживающим внимания при написании нашего портрета, представляется примерно равное число среди членов ЕФС лиц с гуманитарным и техническим образованием (как правило, образование это — высшее), с весьма незначительным преобладанием последнего. В добавление к этому отметим, что достаточно велико и количество музыкально-педагогических работников, для которых музыка является профессией, студентов консерватории. Это позволяет опровергнуть суждение о том, что музыканты и гуманитарии вообще «сыты музыкой по горло» и в свободное от работы время предпочитают заниматься чем-нибудь другим, беря от жизни то, чего им не хватает в их ремесле, как бы подпитывая себя с другой стороны. В этой связи примечательно и то, что среди увлеченный членов ЕФС помимо музыки доминируют литература, живопись, театр. Возможно, что психолога эти сведения навели бы на размышление о том, что рисуемый нами слушатель душевно неустроен и бежит от жизни в «фабрику снов», ведь искусство — это психотерапия. Мы же отметим, что каждый седьмой член ЕФС не пренебрегает и спортом.

Наконец, еще одним обстоятельством, на котором следует остановиться, является подтверждение того факта, что слуша-

тель филармонии — интеллигент в традиционном смысле слова. Практически все члены ЕФС — работники умственного труда.

Таким образом, филармоническое собрание г. Екатеринбурга представляется как слепок с интеллигенции нашего города, отразивший все ее достоинства и вероятные слабости.

В.С. Прядеин

*Верхнесалдинский факультет
Уральского технического университета*

ГАВРИИЛ ДМИТРИЕВИЧ АГАРКОВ — ИНТЕЛЛИГЕНТ ПРОВИНЦИИ

Гавриил Дмитриевич Агарков... Эти слова жители Верхней и Нижней Салды произносят неизменно с уважением и любовью. Потому что в Г.Д. Агаркове проявились великолепные черты российского интеллигента — светлое мироощущение, щедрость души, уважение к каждому человеку, какого бы ранга тот ни был, глубокая порядочность, деятельная забота о благе других, работа не за страх, а за совесть, подлинное подвижничество, чувство нового, умение придать государственный смысл делам мелким, провинциальным, а решение задач общегосударственного масштаба воплотить в повседневную, будничную созидательность российской глубинки.

Г.Д. Агарков многие годы жил, учился, работал в больших городах, «столицах», но самые зрелые, плодотворные десятилетия его жизни связаны с маленьким, провинциальным уральским городком Верхняя Салда, где он появился в марте 1952 г. в качестве директора металлообрабатывающего завода. До этого был немалый жизненный путь, сформировавший его как человека, гражданина.

Главная заслуга Г.Д. Агаркова — создание российской «титановой Магнитки» в Верхней Салде.

В 1954 г. возникает потребность оборонных отраслей в титановых полуфабрикатах. Г.Д. Агарков добивается того, что завод,

им возглавляемый, становится основной базой металлургии титана, равной которой по профилю производства в мировой практике нет.

С 1956 г. началась коренная реконструкция и перепрофилирование ВСМПО с созданием новых уникальных цехов для производства слитков и проката из титановых сплавов и крупногабаритных штамповок из алюминиевых сплавов. В 1957 г. был изготовлен первый титановый слиток. С конца 50-х — начала 60-х гг. лицо Верхнесалдинского металлургического производственного объединения стал определять титан.

Создается мощный научно-исследовательский центр, оснащенный современным оборудованием.

В 60-80-х гг. были введены новшества во всех основных цехах, установлено современное технологическое оборудование. Сегодня ВСМПО — детище Г.Д. Агаркова — уникальное по мировым меркам многоплановое металлургическое предприятие, способное выпускать в год до 100 тыс. т. титановых слитков и до 45 тыс. т. титановых полуфабрикатов в виде листов, плит, прутков, поковок, штамповок, труб и профилей; до 25 тыс. т. слитков из алюминиевых сплавов и до 13-15 тыс. т. полуфабрикатов из них; до 30-35 тыс. т. листа из нержавеющей стали; до 25 тыс. т. семидесятипроцентного ферротитана. (См.: Металлургия легких сплавов. 1993. № 6. С.52.).

Основная продукция объединения применяется в аэрокосмической технике, судостроении, химической промышленности, целлюлозно-бумажном производстве, медицине.

Г.Д. Агарков не только наладил производство титана. Он — руководитель градообразующего предприятия, сотворил город, его социальную инфраструктуру.

Современная Верхняя Салда с многоэтажными домами, своим домостроительным комбинатом, школой искусств, Домом Книги, спорткомплексом с зимним плавательным бассейном, профилакторием, заводской поликлиникой, общетехническим факультетом Уральского технического университета, профессионально-техническим училищем, многочисленными детскими

садами и яслями — все это результат целенаправленных титанических усилий Г.Д. Агаркова.

Г.Д. Агарков — Герой Социалистического Труда, награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, многими медалями. Он — лауреат Ленинской премии. Сегодня эти знаки отличия и доблести советского периода девальвированы. Но уважение салдинцев к Г.Д. Агаркову остается неизменно высоким, так как это был человек высокой пробы, подлинный российский интеллигент.

Л.И. Пыстина

Институт истории СО РАН

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ

Конкретно-историческое исследование взаимоотношений интеллигенции и власти в провинции выдвигает в качестве одной из задач определение местной специфики изучаемых процессов. Период 20-х гг. дает значительный материал и возможности для разработки проблемы соотношения общего и особенного в формировании интеллигенции центра и региона, выяснения региональных особенностей партийно-государственной политики в отношении интеллигенции и др. Тот факт, что Сибирь в годы гражданской войны стала зоной военных действий, оказал существенное влияние на развитие интеллигенции региона и ее взаимоотношений с властными структурами в начале 20-х гг. Находившаяся более полутора лет (с лета 1918 до конца 1919 г.) вне сферы влияния советского правительства Сибирь стала пристанищем множества беженцев, в том числе интеллигенции, из центральной России. Большое число квалифицированных специалистов было эвакуировано вместе с рабочими и оборудованием предприятий из городов Урала и приуралья.

После восстановления советской власти в Сибири вступают в действие военно-коммунистические принципы управления и организации, в том числе и профессиональной деятельности интеллигенции (обязательная регистрация, трудовые мобилизации специалистов, милитаризация предприятий). В широких масштабах начинается привлечение к работе «буржуазных» специалистов. Важнейшим источником комплектования штатов советских учреждений и предприятий стали также сотни специалистов из числа бывших белых офицеров — военнопленных колчаковцев, прошедших соответствующую проверку (филтрацию) в лагерях и направленных на работу по специальности в распоряжение Сибревкома, Сибсовнархоза и других организаций.

Весной — летом 1920 г. в результате эвакуации Сибирь «потеряла» большинство квалифицированных кадров, оказавшихся здесь в период гражданской войны. Только из Омска и Томска к началу апреля 1920 г. было отправлено на Урал более 20-ти эшелонов с оборудованием и работниками заводов Златоуста, Нижнего Тагила и др. городов, с которыми уехало свыше 450 инженеров и техников (РГАЭ. Ф.3429. Оп.1. Д.1690. Л.295, 337). Это обстоятельство придавало дополнительную остроту проблеме привлечения к работе оставшихся специалистов, решение которой сопровождалось к тому же значительным распространением антиспецовских настроений в первую очередь в рабочей среде (политическое недоверие, недовольство относительно высокой оплатой труда и т.п.). Эти настроения и взгляды разделяли многие партийно-советские и профсоюзные деятели разных уровней, вынужденные при этом разъяснять необходимость привлечения специалистов старой школы к ответственной работе. Среди аргументов в пользу партийной политики в 1920-21 гг. преобладали мнения о вынужденности этого шага (без спецов не обойтись, не поднимешь хозяйство, а «своих» пока нет), а также убеждение, что это «не совсем нормальное» положение носит временный характер, поскольку задачей недалекого будущего является подготовка большого числа «своих» специалистов, которые, наряду с новым слоем рабочих-

управленцев, прошедших профсоюзную «школу» руководства деятельностью предприятий, заменят ненадежных спецов.

Весьма устойчивым в 1921-23 гг. было мнение сибирских властей об особой реакционности и консерватизме местной интеллигенции в сравнении с более передовой интеллигенцией центра. В частности, по оценкам политдонесений в 1923 г., дороги Сибирского округа путей сообщения были переполнены (в отличие от дорог центра) «не только пассивно враждебным, но и прочно контрреволюционным элементом из числа высшего комсостава», бежавшего от советских войск с Урала и Поволжья (ГАОО. Ф.981. Оп.2. Д.226. Л.11, 12, 26). В октябре — декабре 1922 г. была предпринята попытка (ГПУ, Сиббюро ЦК РКП(б), СибОНО) организации «высылки» из Сибири наиболее контрреволюционно настроенных представителей профессуры томских вузов. Предлагалось также на основе данных ГПУ составить списки особенно неблагонадежных преподавателей и отправить их в Москву с просьбой заменить (ГАОО. Ф.1-11. Оп.1. Д.1598. Л.279; Оп.3. Д.34. Л.193 об.). Дополнительным штрихом к этим оценкам может служить характеристика, данная томской профессуре Г.И. Ломовым (видный партийный деятель, присланный в Сибирь для укрепления партхозработы; в 1921 г. — председатель Сибпромбюро ВСНХ). В августе 1921 г. в письме к председателю ВСНХ П.А. Богданову он утверждал: «Томский профессор равен советскому профессору 19-го года, он напишет любой проект на любую тему, лишь бы получить премию или паек» (РГАЭ. Ф.3429. Оп.1. Д.1693. Л.195).

Переход к нэпу (в Сибири он произошел позднее, в 1922 г.) внес существенные коррективы в политику и отношения власти с интеллигенцией. Политика «использования», существенным элементом которой было принуждение, сменилась политикой «сотрудничества». Последнее требовало гораздо большего учета интересов интеллигенции, предоставления ей определенных прав, расширения возможностей. В целом период нэпа был временем благоприятного развития конструктивных отношений власти и интеллигенции, несмотря на значительные, порой, колебания в политике, не сходявшую с повестки дня про-

блему «спецедействия» и т.п. Основные качественные изменения в развитии интеллигенции связывались с двумя факторами: осуществлением в широких масштабах делового сотрудничества специалистов с советами и массовым политическим признанием советской власти (многочисленные политические заявления и декларации интеллигенции в конце 1924 — начале 1926 гг.). Тенденция к плодотворному сотрудничеству преобладала и во взаимоотношениях власти и интеллигенции в Сибири. Предпринимались значительные усилия по улучшению материального и социально-правового положения специалистов. Однако сохранялось и давало себя знать глубокое противоречие в этих отношениях: потребность в специалистах вынуждала расширять политику сотрудничества, укреплять их положение в обществе, а недоверие к ним как «чуждым» и неблагонадежным элементам вновь и вновь толкало к применению дискриминационных мер. В ряде исследований по истории интеллигенции Сибири (70-х — начала 80-х гг.) отмечено появление здесь в конце 1926-1927 гг. прежних настроений «конфронтации» с советской властью в среде научно-педагогической интеллигенции. Это положение основано на оценках местных партийных властей: пленум Сибкрайкома ВКП(б) в марте 1928 г. вновь констатировал особую отсталость и реакционность сибирской интеллигенции.

В историографии по истории сибирской интеллигенции получил освещение ряд характеристик и черт, отражающих специфику развития интеллигенции в регионе, в том числе влияние таких факторов, как более позднее введение нэпа, продолжительность существования чрезвычайных органов власти и управления (Сибревком) и др. Публикации последнего времени, значительное расширение источниковой базы выдвинули ряд принципиально новых проблем. В частности, проблему политической ссылки как своеобразного источника «пополнения» Сибири квалифицированными кадрами (работы С.А.Красильникова). Или задачу исследования роли и положения бывших белых офицеров как части интеллигенции региона. Детальной проработки требует и вопрос о мотивах сотрудничества спе-

циалистов с советами (особенно в начале 20-х гг. ^ проблема «востребованности»). В связи с этим заслуживает особого внимания вопрос о роли представителей мелкобуржуазных партий социалистической ориентации в составе квалифицированных кадров Сибири в 20-е гг. (таковых было довольно много, например, в кооперативных организациях).

М.О. Пыцко

Уральский педагогический университет

ХРАНИТЕЛЬ ДАЛМАТОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Накануне Октября 1917 г. на территории России находилось более 1200 монастырей, скитов, подворий, многие из которых имели большое историко-художественное значение. При некоторых монастырях были организованы небольшие церковные музеи, ставившие одну довольно простую задачу: сохранить архитектурный ансамбль и приступить к археологическому исследованию старинных зданий.

В Екатеринбургской епархии накануне 1917 г. числилось 16 монастырей. На территории старейшего уральского монастыря в Верхотурье разместилась детская колония. Уникальный ансамбль Ново-Тихвинского женского монастыря, крупнейшего на Урале и в Сибири, был отдан воинской части. И только в Далматове представителям провинциальной интеллигенции удалось организовать музей-монастырь. Одним из них был заведующий Далматовским музеем-монастырем Иван Андреевич Иванча, имя которого оказалось незаслуженно забытым даже в научных кругах региона. А ведь он создал, по мнению директора Шадринского научного хранилища В.П.Бирюкова, музей, имеющий большую культурную и научную ценность.

Бывший школьный учитель И.А.Иванча вступил в должность заведующего Далматовским музеем-монастырем в марте 1923 г. Одной из главных задач его деятельности должна была стать охрана памятников старины, расположенных на террито-

рии Далматовского монастыря — одного из виднейших архитектурных ансамблей XVIII века на Урале. Руководителю музея, выполнявшему в первое время все обязанности вплоть до сторожа, была определена весьма скромная зарплата — 12 рублей в месяц, которая не всегда выдавалась вовремя, что заставляло И.А.Иванчу порой голодать (Центральный государственный архив РФ. Ф.2307. Оп.10. Д.110. Л.3).

Анализируя деятельность хранителя музея с 1923 по 1928 год, убеждаемся, что вся его работа была сосредоточена в двух направлениях: первое — в области расширения музейного и научного дела, второе — в области сохранения монастырских ценностей и создания материальной и правовой базы музея.

В области функционирования музея И.А.Иванча использовал интересные формы. В целях расширения деятельности и более выгодного расположения экспонатов музей был разбит на отделы: 1) школьный; 2) естественно-исторический; 3) сельскохозяйственный; 4) промышленный; 5) историко-архитектурный и церковно-архивный; 6) отдел быта (Шадринский филиал государственного архива Курганской области (далее ШФГАКО). Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.206).

Приобрела интересное содержание и просветительская работа: сделаны доклады на курсах пионервожатых и проведена геологическая экскурсия с пионерами. Стараясь привлечь к культурно-просветительской работе местное население, музей подготовил в апреле выставку женских кустарных работ. 217 экспонатов принесли женщины, представляя плетение на коклюшках, вязание крючком, на спицах, вышивку, тканье... [ШФГАКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.214).

Планируя работу на 1926 г., И.Иванча определяет ведущими следующие направления: усилить изучение истории освоения края, обратив особое внимание на монастырь как центр военной опоры, духовного и физического порабощения масс, выделяя особо события владычества монахов; приступить к развитию ботанического и промышленного садоводства, огородничества и пчеловодства; развить естественно-исторический отдел, цель которого определялась соответственно атеистичес-

кому направлению того времени — борьбе с религиозными предрассудками.

Особое место отводилось методической работе с населением через лекции, беседы, доклады, экскурсии, планировалась организация кружка любителей естествознания. Еще одно важное направление деятельности — это опыты, наблюдения над живой и мертвой природой, фиксирование наблюдений и примет, проверка этих наблюдений, учет и организация новых по району.

И.А.Иванче интересно было и изучение быта, археологии, местной литературы, учет и изучение курганов, городищ, собирание отдельных предметов и, конечно же, развитие среди населения бережного «отношения к остаткам истории», результатом чего стала организация исторического кружка (ШФГАКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.202).

Просвещая местное население, организовывая сельскохозяйственные выставки, музей тем самым еще и еще раз показывал местным властям, сколь разнообразно может он вести культурно-образовательную деятельность.

К сожалению, став заведующим музеем-монастырем, И.А.Иванча, по сути дела, оказался единственным, кто противостоял различным организациям, способствующим разрушению памятника. В это время на территории кремля располагались Далматовское Кредитное Товарищество, детский дом и несколько частных жильцов, которые вносили осложнения в работу музея. Не прекратил притязания на имущество монастыря и Далматовский Волисполком. (ШФГАКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.41).

Отношения И.А.Иванчи с этими организациями резко ухудшились к концу лета 1923 года, когда разрушения и разграбления ими монастыря приняли широкую форму. Известен случай, когда председатель Кредитного Товарищества П.М.Ножков ночью с револьвером в руке помогал вывозить проданное им имущество с территории монастыря. Однако он был уличен в преступлении, а на все разрушения был составлен акт. Видя, что наступил конец произволу, Ножков начал подкупать хранителя музея, суля ему за дозволение хищения уплату жалованья,

невыплаченного за 5 месяцев. Получив же отпор, он пригрозил местью местных властей, так как имел обширные связи в Далматовском Волисполкоме. В свою очередь, местные власти обрушили на И.Иванчу ряд гонений. Начались доносы. (ШФГАКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.118-119).

Все это вылилось в великое противостояние между музеем-монастырем во главе с заведующим музеем И.А.Иванчей и директором Шадринского научного хранилища В.П.Бирюковым, с одной стороны, и Далматовским Волисполкомом и Кредитным Товариществом, с другой стороны. К тому же местные власти, как писал И.А.Иванча, «никак не могли примириться с тем, что музей-монастырь, то есть его имущество, является им неподвластным и служит только для нужд музея» (Петербургское отделение архива РАН. Ф.155. Оп.3. Д.191. Л.3).

Хранитель музея стал нетерпим местной власти. Волисполком посчитал нужным вывезти с территории монастыря часть имущества для своих нужд. Но И.А.Иванча всеми силами старался противостоять этим разрушительным действиям.

К началу 1924 г. ущерб, нанесенный памятнику, был колоссален. Многое было разрушено, многое безвозвратно утрачено, всюду лежал и мусор и грязь. Ограда монастырского сада пребывала в плачевном состоянии. Многие крайне ценные музейные экспонаты лежали и висели без всякого прикрытия или были свалены в кучу. Часть их во избежание порчи И.А. Иванча переправил в Шадринск. Плюс ко всему музей остался без средств к существованию. (ШФГАКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.71).

В начале ноября 1923 г. в Далматовский монастырь были переведены три детских дома. Несколько комиссий, посетивших в это время монастырь, а также Шадринский Окрисполком сделали вывод, что отремонтированные и занятые музеем комнаты нужно отобрать, а «музейную дребедень» свалить в маленькую темную церковь. Когда же хранитель музея и Шадринское научное хранилище отказались выполнить это решение, была выслана милиция с рабочими, и все экспонаты перенесены в придел Дмитриевской церкви (ШФГДКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.120).

Характер действий очередных «хозяев» постепенно принимал форму произвола. В стремлении побольше урвать из чужого кармана ими попиралась культура и подрывалась научно-просветительская деятельность музея.

С появлением в монастыре детского дома многие помещения и площади земли находились в антисанитарных условиях. И лишь только когда заведующему детским домом пригрозили вызовом санитарной комиссии и судом, темпы разрушений несколько снизились (ШФГАКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.92). Но в начале 1924 г. они вспыхнули с новой силой. «Воспитанники по целым дням не слезят с крыш, упражняясь в битье стекол, у церкви сорван замок», — писал в своем письме В.П.Бирюкову заведующий музеем И.А.Иванча, — «По ограде валяются кирпичи, поленья и вырванные с корнем деревца. Об уборке и очистке нет разговора. Помещения требуют ремонта» (ШФГАКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.137).

Благодаря тому, что к июлю 1924 г. детский дом занял лучшие помещения, которые могли давать ежемесячный доход, надежды на улучшение рухнули, и заведующий вновь вынужден был голодать. (ШФГАКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.147).

В 1924 г. вновь произошли столкновения музея-монастыря с местными властями. 16 марта на заседании президиума Дзержинского райисполкома было постановлено: «Все монастырские здания считать коммунальными, музей, как совершенно ненужный на месте, перевести в Шадринск, а заведующего как политически неблагонадежного, дискредитирующего местную власть, уволить со службы» (ШФГАКО. Ф.683. Оп.1. Д.96. Л.118-120).

Хранитель музея был арестован в 1930 г., едва ли не первым из музейных работников Урала (Государственный архив Свердловской области. Ф.2266-р. Оп.1. Д.3155. Лл.1-4). Он не подозревал, что стал жертвой перелома в государственной политике по отношению к краоведам и краеведению в целом, начавшегося в этот период и достигшего высшей точки в конце 20-х — начале 30-х гг.

После этого события остальные сотрудники Далматовского музея, опасаясь репрессий, покинули монастырь (Ловцов Н. Уральские краеведческие очерки // Советское краеведение. 1932. № 2. С.36). Единственный на Урале музей-монастырь прекратил свое существование, а его архитектурный ансамбль подвергся разрушению.

Хотелось бы верить, что ни наши современники, ни потомки никогда не останутся равнодушными к опыту работы, к судьбе провинциального интеллигента, скромного труженика и защитника уникального архитектурного памятника в Далматове И.А.Иванчи.

М.О. Пыцко, Н.Н. Тагильцева
Уральский педагогический университет

ГЕРОЙ КРАЕВЕДЕНИЯ (В.П. Бирюков)

Весомый вклад в сохранение культуры на местах внесли краеведческие музеи, возникавшие во многих больших и малых городах и поселках в первое десятилетие Советской власти. Подавляющее большинство этих музеев обязаны своему рождению лучшим представителям провинциальной интеллигенции, занимавшихся музейным делом не по должности, а по призванию. Опыт деятельности этих хранителей духовного наследия может и сегодня принести немалую пользу сотрудникам как государственных, так и общественных музеев.

В декабре 1924 г. в Москве состоялась Вторая всесоюзная краеведческая конференция, активное участие в которой принимали такие выдающиеся деятели науки, культуры и просвещения, как непреременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, академики А.Е. Ферсман, Н.Я. Марр, географ В.Н. Семенов-Тянь-Шанский, литературовед Н.К. Пиксанов и многие другие известные ученые и краеведы.

Но бурю аплодисментов вызвали не их блестящие содержательные выступления, а доклад со скромным названием «Работа краеведческого музея в масштабе уезда», сделанный жителем небольшого зауральского городка Шадринска, число жителей которого едва ли достигало в то время двадцати тысяч, Владимиром Павловичем Бирюковым, рассказавшем о деятельности созданного им уникального краеведческого учреждения — Шадринского научного хранилища. В принятой на конференции резолюции говорилось: «Считать работу Шадринского научного хранилища образцовой во многих отношениях для провинциальных музеев» (Дневник II всесоюзной конференции по краеведению. М., 1924. № 4. С.9).

Как могло случиться, что именно в Шадринске, ничем особо не примечательном глухом провинциальном городишке, был создан музей, деятельность которого получила широкое признание по всей стране? Такой музей был организован благодаря самоотверженной работе, фанатичной преданности делу изучения родного края Владимира Павловича Бирюкова (1888-1971).

Вряд ли можно найти в истории краеведения не только Урала, но и всей России столь яркую, активную и самобытную личность, как уроженец маленького зауральского села Першинского, ставший одним из образованнейших людей своего времени.

Академик А.Е.Ферсман называл В.П.Бирюкова «героем краеведения», писатель А.К.Югов «Урало-Сибирским Далем», друзья величали в шутку «ходячей энциклопедией края». Сам же краевед любил скромно именовать себя «секретарем народа».

За свою долгую жизнь он сделал чрезвычайно много. Преподавал в различных вузах, писал книги, создавал музеи и библиотеки, долгие годы посвятил созданию Уральского архива литературы и искусства. Но главным делом его жизни, особенно первой ее половины, было основание на общественных началах краеведческого музея в родном Зауралье.

Зародившаяся еще в юности мечта о создании своего музея в родном Першинском осуществилась В.П.Бирюковым в 1910 г. Начинание молодого краеведа горячо приветствовала ураль-

ская интеллигенция. «Верьте мне, дорогой Владимир Павлович, — все будет по-Вашему: надо только глубоко верить в свое дело и горячо любить свой родной уголок», — писал один из основателей краеведческого музея в Перми П.Н.Серебренников:

Планы Бирюкова шли еще дальше. Он мыслил включить в дальнейшем музей в комплекс сельскохозяйственных учреждений: школ, библиотеки, Першинского сельхозобщества, опытного поля, прокатного пункта сельскохозяйственных машин и орудий (Бирюков М.П. О первом сельскохозяйственном музее и Зауралье // Уральские Бирюковские чтения (вторые). Челябинск, 1974. С.98-99). Первым шагом для этого должна была служить сельскохозяйственная школа, через которую Бирюков думал «насытить село культурными людьми и разумными хозяевами» (Отдел письменных источников государственного исторического музея. Ф.54. Оп.1. Д.1038. Л.161).

Какие цели преследовал Владимир Павлович, предполагая преобразовать созданный им краеведческий музей в сельскохозяйственный? Как представитель лучшей части интеллигенции, Бирюков с молодых лет стремился отплатить простым людям за свою образованность, мечтал о просвещении трудового крестьянства.

В сентябре 1917 г. Бирюков переводит свой музей из Першинского в Шадринск, где разворачивает его под названием Шадринского научного хранилища, несмотря на мнение некоторых «отцов города» несвоевременным расходиться «на собирание камушков и прочий плюшкинский хлам» (Юр. Ис. Научное хранилище (письмо из Шадринска) // Наш Урал. 1919, 13 марта).

В 1920 г. Владимир Павлович был избран научным сотрудником Уральского университета, но с Музеем не захотел расставаться, считая, что профессору надо куда меньше знать, чем организатору «в провинциальной дыре научного учреждения» (ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.1038. Л.166).

Позднее он неоднократно заявлял: «Я выполняю свой урок, данный еще на школьной скамье: не бежать в центр, не гнаться за славой, за богатством, а возвратиться в ту же глушь,

откуда вышел. И этот зарок я твердо выполняю, несмотря на двукратное избрание в университеты, настойчивое приглашение в областном и даже республиканском масштабе» (Центральный государственный архив РСФСР. Ф. 337. Оп.10. Д.219. Л.175). Любимой поговоркой Владимира Павловича была: «Где родился, там и содился».

Благодаря хлопотам основателя, Шадринское научное хранилище в 1921 г. было отнесено к учреждениям Уральского университета. Временное положение о научном хранилище подписал первый ректор университета А.П.Пинкевич (ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.1038. Л.1).

Музей вел большую культурно-просветительную работу. Общее количество посетителей хранилища с начала его основания составило на 1 января 1930г. 543234 человека. За этот срок было проведено 1248 экскурсий (ЦГА РСФСР. Ф.2307. Оп.10. Д.219. Л.63).

Гостями научного хранилища были академик А.Е.Ферсман, директор Эрмитажа академик И.А.Орбели, ректор Уральского университета Б.В.Дидковский. В 1922 г. музей посетила дирекция французской комиссии Красного Креста (ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.1038. Л.57).

Несмотря на значительные успехи Шадринского научного хранилища и всесоюзное признание его деятельности, местные власти равнодушно относились к нуждам музея и его основателя. Заработная плата Бирюкова, трудившегося по 12-14 часов в день, поначалу составляла всего 27 рублей. Иллюстрируя свою нужду, краевед полусуто говорил, что носит одни и те же штиблеты с 1912 г., а во время командировок в Москву и Ленинград обедает запасами домашних сухарей (ЦГА РСФСР. Ф.2307. Оп.10. Д.219. Л.175).

В июне 1927 г. Бирюков был ненадолго арестован. Хотя краеведа через некоторое время выпустили, это событие надолго выбило его из привычной трудовой колеи (ГАСО. Ф.2266-р. Оп.1. Д.3155. Л.1-4).

В 1931 г. краеведа вынудили покинуть Шадринск. Его детище — Шадринское научное хранилище разделило судьбу

других музеев страны, созданных выдающимися краеведами. Вскоре оно превратилось в заурядный провинциальный музей со стандартной экспозицией.

Но подвижническая деятельность «героя краеведения» не пропала даром, она способствовала рождению традиции, которая дала плоды несколько позднее.

А.Н. Радиченко

Чувашский университет

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ВУЗ И ПОДГОТОВКА ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (ЧГУ) — главный центр подготовки специалистов по техническим специальностям в Чувашской Республике. Каждый студент этого вуза имеет реальную возможность не только получить основательные профессиональные знания и навыки участия в научных исследованиях, но и приобрести умение постоянно обновлять и совершенствовать их в соответствии с требованиями жизни. ЧГУ, основанный тридцать лет назад на базе Волжского филиала Московского энергетического института, с самого начала имел в своем составе электротехнический факультет и готовил на нем специалистов технического профиля. В настоящее время в составе университета — 7 институтов, 23 факультета, 2 филиала и 1 учебно-консультационный пункт, 111 кафедр, на которых обучаются 10716 студентов; профессорско-преподавательский состав насчитывает 970 человек, в том числе 94 профессора, доктора наук и 448 доцентов, кандидатов наук. Кроме того, в университете читают лекции профессора из США, Канады, Австрии, Турции, Швеции, Германии (Чувашский государственный университет /Под ред. Л.П. Куракова. Чебоксары, 1996. С.3-4).

В составе ЧГУ действует технический институт, на котором пять факультетов и 24 кафедры готовят инженеров по 16

специальностям, в том числе таким, как промышленная тепло-энергетика, технология машиностроения, программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем, электроизоляционная, кабельная и конденсаторная техника, стандартизация и сертификация (в электронике, машиностроении и приборостроении), дизайн.

Среди преподавателей технического института — такие крупные ученые в области технических наук, как профессора Г.А. Белов, Ю.Я. Лямец, Ю.М. Миронов, А.Д. Поздеев, Ю.С. Яковлев и другие.

Технический институт перешел с 1992 г. на многоуровневую широкопрофильную систему образования, предусматривающую подготовку дипломированных специалистов трех уровней — бакалавров, инженеров и магистров. В связи с этим пересмотрена стратегия организации учебного процесса. Основное внимание теперь уделяется вооружению будущих инженеров основными научными принципами, переходу от информативных методов обучения к более сложным и современным — аналитическим. Это позволяет решать центральную проблему учебного процесса — подготовки специалистов широкого профиля, специалистов — исследователей с солидной теоретической подготовкой и таким запасом знаний, который позволяет им вести научную и производственную деятельность в нескольких прикладных направлениях.

Студенты привлекаются к участию в научно-исследовательской и конструкторской работе, основными направлениями которой в техническом институте являются актуальные проблемы управления, информатизации, электротехники, электромеханики и электротехнологии, оптимизация систем электроснабжения, исследование прогрессивных методов формообразования и повышение долговечности инструмента и деталей машин, исследование и разработка методов повышения эффективности и качества строительства.

В техническом институте открываются новые лаборатории, расширяется спектр специальностей будущих инженеров. При этом, конечно, во главу ставятся практические потребности про-

мышленности в подготовленных на уровне современных требований специальностях того или иного профиля. Так, в 1995 г. на факультете радиоэлектроники и информатики открыта новая специальность — «Художественное компьютерное проектирование изделий текстильной и легкой промышленности». В 1996 г. на электроэнергетическом факультете открылась новая специальность «Автоматическое управление электроэнергетическими системами». Характерно, что подготовка специалистов по этой профессии будет осуществляться на основе сотрудничества с промышленными и научно-производственными предприятиями Чувашии. Базовые предприятия новой специальности — чебоксарские акционерные общества «Чувашэнерго», «Чебоксарский электроаппаратный завод», ВНИИР, СП «АББ Реле-Чебоксары» и другие, объединившиеся в ассоциацию «Чебоксарский центр релейной защиты и автоматики» — ведущая в России в области разработки и производства средств управления энергосистемами. Президент РАО «ЕЭС России», побывавший в Чебоксарах в марте 1996 г., нашел Чебоксарскую инициативу перспективной и распорядился создать «Центр релейной защиты при РАО», а Чебоксарский центр считать его первоосновой, АО ЧЭАЗ, ВНИИР, «Чувашэнерго» и СП «АББ Реле-Чебоксары» учредили стипендии своих предприятий для наиболее отличившихся студентов — энергетиков. А президент СП «АББ Реле-Чебоксары» Горан Малбаллич пообещал организовать для студентов стажировку на предприятиях транснационального концерна АББ в Швеции, Швейцарии, Финляндии. («Ульяновец», 11 июля 1996 г.) Сотрудничество с промышленными корпорациями, в том числе транснациональными, создает дополнительные возможности для подготовки таких кадров технической интеллигенции, которые отвечают международным требованиям.

Готовя технические кадры, ЧГУ широко использует возможности интеграции в систему мировой науки. Так, Объединенная научно-исследовательская лаборатория обрабатываемости, качества и композиционных материалов (научные руководители — доценты Е.П. Шалунов и В.В. Бедункевич) работает с

Венским техническим институтом и рядом научных организаций и производственных фирм Австрии, Германии и Словакии. Результат сотрудничества — более 40 совместных публикаций и участие в пяти международных выставках. («Ульяновец». 1996, 22 августа).

Е.М. Раскатова

Ивановская химико-технологическая академия

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПРОВИНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Исторический анализ событий недавнего прошлого будет неполным без тщательного глубокого и всестороннего исследования деятельности художественной интеллигенции в процессе формирования культурной среды региона, ее усилий по сохранению и развитию традиций отечественной культуры.

Художественная интеллигенция Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей нередко формировалась из выпускников столичных вузов, которые приносили в культурную атмосферу региона новаторские идеи, знакомили с лучшими достижениями современного искусства, часто даже с авангардными произведениями, корректировали художественный вкус. В свою очередь, провинция открывала им широкие возможности самореализации, востребуя крупницы таланта каждого и гарантируя доброжелательность первых оценок.

Однако беспредельная власть местных чиновников при их ограниченной культуре превращала их субъективные оценки художественных произведений в определяющие областную культурную политику, что затрудняло адаптацию талантливых художников, а порой делало невозможным их участие в формировании культурной среды. Подтверждение тому — вынужденные отъезды талантливых режиссеров, предпринявших по-

пытку создать на ивановской земле театр самостоятельно думающего зрителя; кампании публичных осуждений в прессе писателей, позволивших вслух говорить об известных негативных фактах; запрет показа массовому зрителю фильмов, точно подметивших появление в обществе неблагоприятных, даже опасных тенденций и т.д.

Документы подтвердили сознательное участие в проведении такого рода мероприятий художественной общественности, ее конформизм, лояльность режиму, что, вероятно, можно объяснить спецификой региона, проявившейся в преобладании в удельном весе населения рабочих и крестьян, в нетрадиционном революционном прошлом и преимущественно «советских» корнях местной интеллигенции. Наличие древнерусских исторических культурных центров, развитие всемирно-известных народно-художественных промыслов обусловили художественное своеобразие региона; интеллигенция же провинции в подавляющем большинстве взяла на себя труд сохранения и развития богатейших традиций края. Так, писатели Костромы с этой целью возродили практику проведения ежегодных собраний молодых писателей, театральная интеллигенция Ярославля создавала спектакли высокого гражданского звучания, собственным примером подтверждая истину — театр должен быть созвучным времени. Сохранить особенности местной живописной школы помогли Мастеру палехской миниатюры, создав Студию молодых художников и откорректировав прием в художественное училище.

В самые трудные времена художественная интеллигенция провинции конкретными делами (уроками в школах г. Рыбинска, организацией недель «Театр — детям» в Ивановском музыкальном театре, проведением экскурсий в художественный музей г.Владимира и т.д.) стремилась удерживать планку художественного вкуса не только подрастающего поколения, не позволяла современникам впасть в невежество, стремилась доступными ей средствами в каждом зрителе, слушателе, читателе пробудить Художника. И тем самым выполнила важнейшую духовную миссию.

И.Н. Римская, В.И. Букреев
Уральская юридическая академия

ОБРАЗОВАНИЕ ВЗРОСЛЫХ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Одной из важнейших составляющих социальной политики в рамках региона является создание условий для развертывания деловой, хозяйственной, гражданской активности взрослого населения. Сегодня эта активность существенно тормозится неподготовленностью значительной части жителей городов и поселков, сельских районов.

Сложилось так, что реформы в России в настоящее время иницируются «сверху». Многих они привели и приводят к потере работы, к изменению социального статуса, столкновению с преступным миром. Возникло множество проблем, связанных с социальным выбором. С имеющимся багажом знаний и представлений возникшие проблемы не решить. Требуются специально организованные формы учебы. Они нужны тем, кто подвергся сокращению, кто кончил то или иное учебное заведение, дающее только общее образование, тем, кто демобилизовался из армии, кто приехал в область в качестве мигранта, наконец, желающим получить новую профессию или повысить квалификацию.

Такие формы обучения существуют в различных странах. В Европе всевозможные курсы для взрослых решают задачу так называемой «альфаветизации», то есть ликвидации функциональной неграмотности.

В Федеральной программе «Развитие системы дополнительного профессионального образования в России на 1996-2000 годы» (Москва, 1996 г.) подчеркивается, что только из числа специалистов и руководителей 25 миллионов человек нуждаются сегодня в повышении квалификации и переподготовке. Для этого предлагается увеличить масштабы государственной системы дополнительного профессионального образования, усовершенствовать нормативно-правовую базу, создать развитую систему профконсультирования и профориентации.

Реализация названной программы требует маркетинговой проработки. А она, в свою очередь, предполагает анализ спроса на образовательные услуги. Ясно, что спрос и предложение идут рука об руку, при этом опережать может как первое, так и второе.

Важнейшей стороной маркетинга является анализ потребностей различных категорий населения в образовательных услугах. Необходимо учесть и то, что эти потребности динамичны, они определяются множеством факторов: возрастом, материальными условиями и составом семьи, экономическим потенциалом территории и т.п. Рынок не может успешно развиваться без постоянного их отслеживания, то есть мониторинга.

В широком смысле слова, рынок образования включает и такие составляющие части как рынок педагогических кадров (не в последнюю очередь имеющих представление о местных особенностях, в отличие от заезжих иностранцев), рынок содержательных программ, разработок, учебников, пособий. Важна и такая часть рынка как технические средства, наличие которых делает процесс обучения быстрым и экономичным.

Здесь возникает еще одна актуальная проблема — информатизация. Она имеет два аспекта. Первый аспект предполагает информационные технологии обучения, когда процесс организуется на месте. По компьютерным сетям любые программы доставляются в самые отдаленные уголки. Это обеспечивает высокое качество при дистантной форме обучения. Роль педагога состоит в разработке программ, адаптации к конкретной аудитории, консультационном сопровождении.

Второй аспект связан с гласностью и широкой рекламой рынка — процесс объективный. Он не может быть и не является монополией государства. Участниками его могут быть заказчики в лице негосударственных структур: акционерные общества, ТОО, банки, страховые компании, благотворительные и общественные фонды, зарубежные инвесторы (желающие использовать местную рабочую силу) и другие хозяйствующие субъекты.

Данный рынок неизбежно становится частью культуры региона, он связан с его «почвой» — историей, традициями (в том

числе хозяйственными), менталитетом. Следовательно, его успешное функционирование возможно в том случае, если формируется культурный климат, среда, располагающие к культурным контактам, диалогу, связям не только в рамках региона, но и за его пределами.

Широкая культурная информация — атрибут цивилизованного рынка. Благодаря этому он привлекает и включает в свой механизм другие учреждения культуры. Социологический опрос работников музеев Свердловской области, проведенный в ноябре 1996 г., показал, что 86% поддерживают организацию на их базе учебных курсов, 96% считают возможным создание при музеях банков учебных видеофильмов, 100% поддерживают совместные с учебными заведениями формы работы, а также предоставление информационно-справочных услуг для учебных целей.

В научно-практическом плане проблемами образования взрослых занимается специализированная кафедра андрагогики Института регионального развития образования в г. Екатеринбурге (ул. Академическая, 16). Здесь разрабатываются программы повышения квалификации педагогов, механизм информационного обеспечения образовательного процесса для взрослых. Институт заинтересован в научном, практическом, финансовом, организационном сотрудничестве со всеми участниками складывающейся системы образования взрослых.

Потенциал самодеятельности жителей региона еще не раскрыт во многом. По-видимому, социальную роль и духовную миссию интеллигенции здесь трудно переоценить.

Э.В. Рубцова

Уральская лесотехническая академия

ВРАЧИ ИЗ РОДА ОГОРОДНИКОВЫХ

Врачи Огородниковы происходили из старинного хлыновско-вятского рода, представители которого в XVII в. служили подьячими и один избирался бургомистром Хлынова, в XVIII в.

они были купцами, а с конца XVIII столетия и в XIX в., окончив Казанский университет, стали чиновниками. Их дети избирали профессии врачей, учителей, юристов. Семейное воспитание, получившее дальнейшее становление в Казанском университете, подготовило из них всесторонне развитые личности.

Характерна в этом плане жизненная позиция врачей из поколения Огородниковых конца XIX — начала XX вв. Для них свойственно отношение к своей профессии как к исполнению долга перед народом, осознание своей особой социально-культурной функции в общественной жизни России. В этом плане они едины, но к цели стремились разными путями.

Александр Николаевич Огородников, сын мирового судьи, поступил на медицинский факультет Казанского университета в 1883 г. Критически относясь к действительности и разделяя взгляды студенчества того времени, в 1887 г. участвовал в «ленинской сходке», «за участие в беспорядках в здании университета 4 декабря 1887 г. исключен из университета с седьмого семестра, как об этом сказано в приказе от 4.12.1887 г. Дальнейших осложнений сумел избежать, призвавшись в армию. Департамент полиции не переставал интересоваться судьбой юноши. В 1900 г. Казанское жандармское управление запросило университет: «Не поступал ли Огородников вновь в Казанский университет». На что был получен отрицательный ответ.

Александр Николаевич получил степень лекаря только в 1893 г. В начале 900-х гг. он работал земским врачом в Владимирской губернии. Перенесенные неприятности не изменили юношеских идеалов. В 1902 г. он организовал там ячейку РСДРП. В годы 1-ой русской революции распространял прокламации, участвовал в вооруженном восстании в Москве в 1905 г. В 1911-1913 гг. работал врачом в Курской, в 1916 — Калужской губерниях. В 1922-1925 гг. трудился врачом терапевтом и гинекологом в Москве.

Двоюродный брат А.Н. Огородникова Леонид Иванович Огородников закончил медицинский факультет в 1903 г.

По своим взглядам относился к новой интеллигенции, стремящейся активно участвовать в жизни общества, избегая поли-

тических путей решения общественных проблем. Он начал свой трудовой путь, претворяя в жизнь юношеские мечтания. Его врачебная деятельность на станции Мураши и Вятка-2 имела хорошие отзывы. Так, о работе в Мурашах с 1906 по 1916 гг. говорится: «Как врачом им была исходатайствована постройка рабочих барачков, заразный барак, родильное отделение, бесплатная больница-ночлежка для крестьян, высшее начальное училище с общежитием при нем, детский приют, склад сельскохозяйственных машин для окружающих деревень». После перевода в Вятку районным санитарным врачом в 1918 г. Леонид Иванович проводил большую работу по борьбе с эпидемиями.

Удивляет не только большая профессиональная работа Л.И. Огородникова. Поразительно, сколько времени молодой врач уделял общественной и просветительской деятельности.

Он был избран в совет железнодорожного училища, при его инициативе и непосредственном участии на станции Мураши в 1908 г. были организованы драматический и просветительский кружки. И там и здесь Леонид Иванович стал председателем. Для открытия драматического кружка был утвержден устав на 11 страницах, первый пункт которого определял его первейшую цель: «Доставить возможность проводить свободное время с пользой, изучая драматические произведения авторов отечественной и иностранной литературы».

Кружок для своих нужд арендовал помещение, мог покупать движимое и недвижимое имущество. На постановку пьес приглашались режиссеры. О значении, которое придавалось кружку, можно судить по реферату его председателя Л.И. Огородникова: «О значении театра вообще и в частности театра при Мурашинском драматическом кружке».

В первый год его существования действительными членами его стало 87 человек. За год его работы с 1908 по 1909 год было устроено 10 спектаклей платных, три костюмированных вечера, четыре детских бесплатных спектакля, один танцевальный вечер для членов кружка, были вечера с литературными отделениями с декламацией отрывков из драматических произведений русских авторов. Ежемесячно к постановке готовил-

ся один спектакль. Ставились произведения Чехова, Островского и других авторов.

«Режиссерский комитет придерживался взгляда на театр как на школу для взрослых, а поэтому старался выбирать пьесы возможно содержательнее и поучительнее, доставляя пользу как публике, так и артистам-любителям. Практика показала, что публика стремилась более знакомиться с серьезными пьесами» (ГАКО. Ф.639. Оп.1 Д.62).

При устройстве кружком платных зрелищ часть сборов от них предназначалась на благотворительные нужды. Так, в отчете за вышеуказанный период отмечено как «из более важных и заслуживающих внимания два постановления»: 1. Кружок постановил ежегодно ставить три спектакля в пользу местной школы с тем, чтобы деньги, вырученные с этих спектаклей, расходовались администрацией школы на приобретение учебных пособий для наглядного обучения местного железнодорожного училища, а также на устройство общеобразовательных экскурсий для учеников. Такая экскурсия при материальной поддержке кружка была совершена учениками Мурашинского железнодорожного училища летом на Урал и по Каме.

2-ое постановление — об устройстве платного детского спектакля, сборы с которого бы пошли на приобретение всего необходимого для устройства подвижных игр для детей железнодорожных служащих летом на открытом воздухе, а зимой в помещении кружка. Такие игры ранее уже устраивались кружком в его помещении.

Была открыта библиотека с бесплатным читальным залом, велась работа «общества трезвости», в антрактах играл оркестр балалаечников-любителей. Мурашинский драматический театр стал культурным центром станции и окружающих деревень. Леонид Иванович был его председателем десять лет.

В революционные годы за эпидемический кредит в Мурашах был построен лучший на железной дороге рабочий клуб, который после смерти Л.И. Огородникова в 1920 г., стал носить его имя.

Работая в 1928 г. санитарным врачом в Вятке, Леонид Иванович не оставил культурно-просветительной деятельности, организовав на станции Вятка-2 культурно-просветительный кружок, преобразованный впоследствии в районный отдел народного образования, в котором состоял первым председателем.

Служа по мобилизации в армии в 1905 и 1914 гг., Огородников старался облегчить положение раненых солдат, писал об этом в газеты и журналы, и, когда сам тяжело заболел, его по решению солдатского комитета, сопровождали до дома солдаты, чтобы уберечь врача-офицера от неприятностей революционно-настроенных масс.

Об оценке его деятельности можно судить по отношению к нему благодарных пациентов, которые при его отъезде из Мурашей несли его на руках во врачебном кресле от больницы до вагона.

Вся целеустремленная и последовательная деятельность врачей Огородниковых свидетельствует о их жизненной позиции, в которой они руководствовались высшими идеалами человечества. (В тезисах использованы материалы ГАКО, ЦГА РТ и характеристика Л.И. Огородникова из личного архива Огородниковых.)

О.Ф. Русакова

*Информационно-аналитическое управление
Администрации Губернатора Свердловской области*

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНТЕЛЛИГЕНТА В ПРОВИНЦИИ ИЛИ СТАРЫЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

Социальный и материальный дискомфорт, испытываемый сегодня очень многими представителями российской интеллигенции для интеллигента провинции дополняется еще и ин-

формационным дискомфортом, который вызван все увеличивающимся с каждым годом отрывом от источников информации, крайне необходимых для духовного и профессионального роста. Невозможность подписаться на нужную прессу, выехать в научные и профессиональные командировки, приобщиться к опыту своих коллег, принять участие в конференциях, да и просто — позволить себе роскошь духовного общения угнетает провинциального интеллигента не меньше, чем скудные заработки, плохие условия труда и бытовые сложности. Надвигающийся энергетический кризис угрожает интеллигенту небольшого города или села не только снижением количества тепла и света, но также исчезновением последней возможности хоть как-то преодолевать информационный голод — работать допоздна в библиотеке и читальных залах.

Совершенно ясно, что в ближайшее время радикальных позитивных перемен в положении российской интеллигенции не предвидится. При установленных минимальных социальных стандартах, всем бюджетникам в 1997 году придется еще туже затянуть пояса. Однако, некоторые надежды в плане ослабления информационного дискомфорта все же имеются, ибо в этой сфере многое зависит от субъективных факторов, а именно, от информационной политики властей и инициатив общественности. Более того, власть, если она дальновидна, не может не быть глубоко заинтересованной в укреплении постоянных информационных и иных связей с интеллектуальной элитой, с теми, кто по роду своей деятельности (образовательной, художественной, просветительской, врачебательной и т. д.) способен интенсивно воздействовать на массовое сознание и активно формировать общественное мнение.

К сожалению, осознание важности тесных контактов с интеллигенцией чаще всего приходит накануне избирательных кампаний и стимулируется, как правило, чисто утилитарными сиюминутными политическими интересами. Отшумят политические бои, завершится круг выборных гонок и, глядишь, деятели культуры, образования, науки, еще недавно обласканные вниманием высокопоставленных персон, вновь оказываются в

положении несчастных бюджетников, чей труд, как и в прежние времена финансируется по остаточному принципу.

Вместе с тем, есть перспектива, что чувство прагматизма постепенно приведет представителей власти к закономерному выводу о пользе дружбы с интеллигенцией. Ведь даже большевики при всей своей ненависти к «интеллигентской породе» прекрасно понимали, сколь важно иметь в ряду своих союзников «властителей дум» и двигателей научно-технического прогресса. В последнее время на политическом олимпе наблюдаются определенные перемены в осознании важности установления конституционно приемлемого контроля за информационным и идеологическим полем страны, о чем, к примеру, свидетельствует президентская инициатива по созданию общенациональной идеи для России. В ряде субъектов Российской Федерации руководители серьезно задумываются над тем, каким образом обеспечить оперативное информирование населения о принимаемых властями решениях и их квалифицированное разъяснение, что в свою очередь, выступает важным фактором, обеспечивающим снижение социальной напряженности в регионе. При этом нередко вспоминаются старые, испытанные в эпоху КПСС, информационные системы вроде политической учебы и Общества «Знание».

Конечно, полное восстановление прежних систем сегодня невозможно, однако кое-что из старого опыта представляется весьма ценным и для современного момента. Прежде всего это касается возможности установления прямого контакта между представителями власти, их посланниками — просветителями и широкими слоями населения. Система способна приносить хорошие плоды тогда, когда имеется прочная трехчленная связка: власть — интеллектуальный посредник — массы. В роли посредника — просветителя, конечно же, должна выступать интеллигенция, и не столько столичная, сколько та, что хорошо знакома и ближе в силу общности судьбы людям глубинки, т.е. — провинциальная.

Интеллигенция глубинки с точки зрения формирования единого информационного пространства и просветительского

поля должна рассматриваться не столько в качестве транслятора и адаптера информационных потоков, идущих «сверху», сколько, прежде всего, как социальная сила, способная направлять в определенное русло стихию общественных мыслей и чувств. Не кто иной как интеллигенция в состоянии помочь простому обывателю преодолеть сумятицу в мыслях и ценностных ориентирах, побороть химер разорванного сознания, найти щадящие пути для «включения» в новые социокультурные и информационные системы.

Но чтобы данная функция интеллигента провинции сработала, необходимо его самого обеспечить крепкой информационной и государственной поддержкой. Восстанавливая ценные элементы системы Общества «Знание», вводя единые информационные дни, следует помнить, что на одном энтузиазме нынешний, уважающий себя интеллигент работать не станет, хотя запасы бескорыстия и подвижнической энергии у него до сих пор огромные. Зная, что в силу экономических причин от властей в ближайшее время достойной оплаты труда на уровне мировых стандартов не дождешься интеллигент готов идти на компромисс с властью и потребовать свой законный минимум — доступ к информации и своевременная выплата зарплаты. Если власть создаст дополнительные источники оплаты интеллектуального труда в виде заказов на пропагандистские и просветительские услуги для населения, поднимет престиж Общества «Знание» и других подобных общественных организаций, окажет поддержку ряду культурно-образовательных проектов, направленных на формирование необходимой, для воспроизводства провинциальной интеллигенции духовно насыщенной среды обитания, то в итоге в выигрыше окажутся обе стороны: интеллигент, почувствовавший свою социально-политическую востребованность, и власть, получившая надежного союзника. Иначе говоря, чтобы сохранить главное в нашем отечественном интеллигенте, не грех вспомнить и «старые песни».

В.К. Рыжова*Магнитогорская горно-металлургическая академия*

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
УРАЛЬСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
(сер. 80-х — сер. 90-х гг.)**

1. Исследование политической культуры интеллигенции провинциального города на переломном этапе исторического развития является пока неизученной проблемой и здесь возможны только предварительные высказывания о переменах политических представлений и образе поведения, происходящие в этом слое российского общества. Необходимо учитывать, что перелом политической культуры провинциальной интеллигенции является составной частью всеохватывающего процесса радикальных преобразований государства, хозяйственной жизни, социальной структуры, права, отношений собственности, науки и культуры. Драматические перемены в жизни российского общества еще не завершились, хотя уже миновали критический порог. В связи с этим становится возможным проследить некоторые направления в развитии политической культуры интеллигенции провинции периоды второй половины 80-х и середины 90-х гг.

2. Перестроечные процессы второй половины 80-х гг. интеллигенция уральских городов, в основной своей массе, встретила как необходимый, неизбежный и закономерный этап. В ней вновь проснулись имманентные, исторически присущие всей российской интеллигенции такие качества, как стремление к восстановлению правды и справедливости, чувство ответственности за судьбу российского народа и страны. Поэтому она приняла самое активное участие в разрушении старой политической системы. Так же как в революционную эпоху начала XX в. она несла в народ живое критическое слово, знание и анализ политической ситуации, нередко становясь лидерами-теорети-

ками демократических движений. Интеллигенция провинциальных уральских городов участвовала в политических событиях также целеустремленно и активно как и академическая и преподавательская интеллигенция крупных промышленных и культурных центров страны. Но так было только на начальной стадии, наиболее политически подготовленная ее часть занимала важные политические позиции и имела авторитетное влияние как на местные властные структуры, так и на народ в целом.

3. Быстрый развал старой политической системы, воспроизведение в политическом, социальном и экономическом аппарате власти мимикрировавшей в демократов бывшей номенклатуры развили утопические иллюзии в быстрых и радикальных демократических переменах, обнажив полный политический дилетантизм провинциальной интеллигенции, особенно гуманитарной и художественной. Технократы и прагматически мыслящие представители интеллигенции, которые в старой системе находились в тени, приспособляясь к сложившейся ситуации и не примыкавшие ни к какой оппозиции, все больше выдвигаются на передний план, хотя их легитимность, с точки зрения прошлого, можно поставить под сомнение. Большая же часть интеллигенции провинциальных городов ушла с политической сцены, испытывая апатию и разочарования в последовательности и компетентности преобразований, проводимых квазидемократической политической элиты как в центре, так и на местах.

4. Интеллигенция провинции с точки зрения структурообразующих факторов, несмотря на давление внешних обстоятельств в кризисный период подверглась меньшей эрозии и размыванию, чем, к примеру, слой старой партийно-политической элиты, рабочих и служащих низкой квалификации. Поэтому процессы маргинализации ее меньше коснулись. Думается, что в этом смысле интеллигенция провинции понесла относительно меньшие потери, чем интеллигенция столицы и других промышленных городов страны. Это обстоятельство способствует стабилизации политических ориентаций интеллигенции, как единого особого слоя российского общества.

5. Политической участие критически мыслящей гуманитарной и художественной интеллигенции провинции в значительной степени снизилось по причине внутреннего сублимированного социально-психического состояния. В настоящее время, как и раньше, знания, профессионализм, талант остаются невостребованными в полной мере новым обществом, а вознаграждение за труд, требующего больших интеллектуальных затрат остается традиционнно низким. Более того, разрыв между материальным положением интеллигента и «новыми русскими» гигантски возрос. Профессионализм и знания продолжают девальвировать, усиливая внутреннюю неудовлетворенность в результатах своей профессиональной деятельности. Интеллигенции приходится осваивать новые виды интеллектуального труда, прилагая значительные усилия, чтобы удержать свой социальный статус. Данные обстоятельства и порождают явления социально психической маргинальности интеллигенции, что в значительной мере тормозит формирование в этом слое общества демократической политической культуры.

Таким образом, к середине 90-х годов в политической культуре провинциальной интеллигенции присутствует больше умеренности и пассивности, чем это было во второй половине 80-х. Наблюдаемые процессы затрудняют развитие демократической политической культуры не только интеллигенции: но и населения провинциальных городов.

В.В. Савельева

Ивановская химико-технологическая академия

ПРОВИНЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Изучение истории интеллигенции представляет большой теоретический и практический интерес. Это определяется важной ролью интеллигенции в жизни общества, степенью ее воздействия на духовный, нравственный, научно-технический и

социально-экономический прогресс. Состояние культуры в обществе всегда есть показатель его развития.

Огромная роль в развитии российского общества принадлежит интеллигенции провинции. Сейчас многие опытные политики заявляют о том, что Россия сильна провинцией, что именно сюда надо перемещать центр внимания федеральных властей. Каждая партия включает в свою программу положение о том, что региональная политика — это важнейшее направление ее деятельности.

Важнейшей функцией интеллигенции в современном обществе является формирование духовности, образованности, которые, как показывает опыт развития многих стран, является главным критерием цивилизованности и культуры. «Русская интеллигенция, — писал Д.С. Лихачев, — явление в мире почти уникальное. Везде были интеллектуалы, везде развивалась научная мысль. Но нигде, кроме России, жизнь интеллигенции не была так тесно связана с народной жизнью. Нигде не было в ее рядах такого единства, такой преемственности в служении общественному долгу». (Советская интеллигенция. Словарь-справочник. М., 1987. С.48-49).

Культура существует, функционирует и развивается только в определенных социально-экономических условиях, в определенной политической и идейной атмосфере. На практике культурное развитие как отдельной страны, так и целых регионов представляет собой исторически определенную форму единства, взаимосвязи и взаимопроникновения множества элементов. В настоящее время разработана и одобрена Правительством Российской Федерации концепция развития культуры и искусства на 1996-1999 гг. Одна из центральных ее идей — создание единого культурного пространства. Это сложный процесс, связанный с решением организационных, материально-технических и социально-политических вопросов. Основа этого процесса — проведение согласованной культурной политики в условиях взаимодействия, сотрудничества и партнерства регионов и центра, четкого разграничения их полномочий. Как показыва-

ют документы, акцент сегодня делается не на сохранение, а на дальнейшее развитие культуры и искусства.

Сегодня на интеллигенции провинции лежит ответственность за сохранение, передачу и творческое развитие духовных, нравственных, интеллектуальных и других традиций российского общества. Одна из удачных форм сотрудничества творческой интеллигенции регионов и центра — фестивали. Так, в 1995 г. в Вологде прошел фестиваль «Голоса истории». Он проводился как фестиваль спектаклей на историческую тему. В нем приняли участие театральные коллективы из Петербурга, Ярославля, Липецка, Костромы и других городов. Ярославский театр показал пьесу «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, липецкий «Василий Теркин» Твардовского. («Свободная мысль». 1996. № 3. С.96).

Провинциальный театр бережно хранит добрые российские традиции. Большой интерес вызвал фестиваль драматургии А.Н.Островского в городе на Волге — Кинешме. («Известия культуры». 1990. № 5. С.13).

Ярким событием в культурной жизни города Иванова стал V фестиваль современного искусства «Встречи в провинции». Он был посвящен 90-летию со дня рождения Д.Шостаковича. Зрители и слушатели побывали на авторском концерте народного артиста России композитора А.Петрова. Успешно прошла в музыкальном театре премьера двухактного балета «Бесприданница» на музыку столичного (С.-Петербург) композитора в постановке талантливого балетмейстера В. Лисовской. Во втором отделении концерта прозвучали также произведения Д.Шостаковича, Г. Свиридова, П. Чайковского («Рабочий край». 1996, 15-17 декабря).

Организация подобных мероприятий в определенной мере способствует приобщению широких масс населения к подлинным духовным ценностям, их вовлечению в процесс развития музыкальной культуры нашего общества.

Ярко выраженный культурный аспект имеют и процессы демократизации, происходящие в нашем обществе. Они дают возможность каждому человеку включиться в разнообразные

виды общественной деятельности. В последние годы объектом пристального внимания исследователей стали праздники, обряды и ритуалы (Руднев В.А. Праздники, обряды, ритуалы в трудовом коллективе. М., 1984; Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985).

В идеальном своем исполнении праздники, обряды и ритуалы соответствуют всем гуманистическим критериям современной досуговой деятельности; они обеспечивают максимальную массовость, активность участников, нравственное совершенствование самого человека.

Есть современный опыт разработки культурными учреждениями целевых программ и проектов развития тех или иных сфер культуры. Например, развитие народных промыслов и ремесел, песенного фольклора, эстетического воспитания детей и подростков. Поучителен в этом плане опыт нижегородцев: опираясь на многовековые традиции своего края, учреждения культуры определили приоритетные направления культурной политики. Это, прежде всего, обеспечение государственной поддержки, направленной, на сохранение, возрождение и развитие традиционной народной художественной культуры («Встреча». 1995. № 3. С.2).

Ныне культура становится все более народной по духу, обращается к прошлому, возрождает исконные старинные обряды и обычаи. Именно в культуре происходит гармоническое соединение социальных и духовных начал. Так, в Ивановской области ныне организовано 15 домов ремесел, в которых более 1000 человек учатся какому-либо новому для них делу: вышивке, вязанию, плетению («Клуб». 1996, № 7. С.18).

Большое значение в культурной жизни придается краеведению. Внимание к этому замечательному явлению культуры, науки, общественной жизни, связано прежде всего с усилением познавательного интереса к историческому прошлому, национальным традициям своего региона. В последнее время все большее внимание привлекают самостоятельные движения и объединения, занимающиеся вопросами изучения и сохранения культурного наследия, народных традиций и промыслов. Энтузиас-

ты вместе с отдельными представителями науки и культуры участвуют в реставрации памятников архитектуры, ведут поиск уходящих корнями в прошлое названий городов, улиц и т.д.

Еще одна отличительная черта — организация конференций и совещаний, отражающих различные подходы к проблемам развития краеведения. Первыми в их ряду были всесоюзные научные конференции по историческому краеведению в Полтаве — 1987 г., в Пензе — 1989 г. Это были попытки активизации историко-краеведческих исследований в рамках исторической науки, ее официальных структур.

Рост национального сознания, а также ломка прежних стереотипов духовной жизни и формирование новых, зарождение принципиально иной общественной психологии — все это во многом определяет содержание социально-политических перемен в обществе. Именно интеллигенция в культурном плане и выступает как носитель образцов цивилизованного поведения в быту, в семье, отношения к работе и отдыху, художественной культуре.

С.С. Садина

Ивановская химико-технологическая академия

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОЛЕТКУЛЬТА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

Новые возможности, открывшиеся в России в последнее время, позволяют взглянуть на многие события и явления прошлого, в том числе на проблемы культурной революции в СССР, более широко, с позиций общезначимых ценностей. В этой связи деятельность организаций Пролеткульта в условиях формирующегося тоталитарного режима представляется заслуживающей внимания с точки зрения новых форм приобщения масс к культурным ценностям.

Для Ивановской промышленной области в начале первой пятилетки были характерны относительная грамотность населения (57,3% — по переписи населения 1926 г.), и насыщенность учебными заведениями и учреждениями культуры. В области действовали два вуза — Ярославский педагогический и Иваново-Вознесенский политехнический, Ивановский музыкальный техникум (Ивановская промышленная область: Сб. материалов по районированию области // Иваново-Вознесенск, 1929. С.75, 145, 149) В начале 1929 г. в Иванове был создан рабочий театр Пролеткульта, а затем и театр для детей. Спектакли, подготовленные театрами, бурно обсуждались на молодежных диспутах, о которых сообщала местная периодическая печать. Драматические кружки, созданные пролеткультовцами при рабочих клубах, народных домах приобщали молодых текстильщиков к драматургической классике, учили ценить живое, образное слово. О популярности и авторитете театра Пролеткульта свидетельствовали отзывы и обобщающие данные, опубликованные в областной газете «Рабочий край»: «...14 спектаклей драмтеатра в 1929 г. привлекли 7000 зрителей» («Рабочий край». 1929, 1 декабря). Следует, правда, признать, что уровень театральных постановок был невысоким, о чем можно судить по тем же рецензиям в печати. Нередко журналист в этих рецензиях давал прямые указания коллективу самодеятельных артистов, что и как, с точки зрения газеты, надо делать. Вероятно, уверенность в праве давать советы была, с одной стороны, оправдана тем, что в отсутствии профессиональных искусствоведов журналисты невольно брали их функции на себя; с другой — тем, что журналисты общались в основном с еще неграмотным населением; наконец, позиция журналистов объяснялась теми масштабными функциями, которые постепенно брала на себя формирующаяся партийно-советская печать.

Ярким событием духовной жизни области стало открытие рабочей оперы, которая была создана по инициативе филармонического иваново-вознесенского общества (ФИВО). Подготовка к открытию велась два года. Премьера — опера Делиба «Лакмэ» — состоялась в январе 1929 г. Выпускники Ивановского

музыкального техникума, работая в различных учреждениях и на предприятиях, объединились, чтобы создать самостоятельный оперный театр. Возглавить коллектив энтузиастов согласились директор техникума, композитор и дирижер Ф. Цабель и режиссер К. Алексеев. Газета «Рабочий край» подробно рассказала о том, кто занят в премьерном спектакле: «Небывалое явление. На оперной сцене появились слесаря, каменщики, красноармейцы, конторщики» («Рабочий край». 1929, 6 января). После «Лакмэ» театр осуществил постановку оперы Ж. Бизе «Кармен» и других оперных спектаклей и выезжал с ними в районы области. Везде молодых артистов, работавших на общественных началах, встречали с горячей заинтересованностью. Следует однако заметить, что и здесь первые ростки тоталитарного идеологического контроля начали давать себя знать. Одному из инициаторов создания рабочей оперы областная газета обращала рекомендации: «Было бы крайне желательно, чтобы тов. Цабель свои композиторские дарования использовал для создания современной, созвучной эпохе оперы» («Рабочий край». 1929, 24 марта). Таким образом, в условиях формирующегося тоталитаризма деятели Пролеткульта в меру своего энтузиазма и возможностей в определенной степени способствовали внедрению культуры в жизнь трудящихся пролетарского края.

О.С. Семенова

Уральский университет

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНЕСТВ

Праздники — наиболее древняя форма культуры и необходимое условие существования и специфического выражения человека, обладающего способностью праздновать, т.е. «включать в свою жизнь радости других людей и опыт культуры предшествующих поколений» (Мазаев А.И. // Праздник как социально-художественное явление. Л., 1978. С.9). Праздники яв-

ляют собой важнейшее средство формирования и утверждения общности, так что большое значение имеет функция их организации, которая лежит на плечах творческой интеллигенции.

Существует тесная связь между праздниками и искусством. Одним из связывающих их моментов является театрализация. В отечественных исследованиях театрализация выступает как «метод реальной и игровой деятельности масс, организуя художественно, по законам театра как содержание массового праздника, так и саму деятельность его участников». (Генкин Д.М.// Театрализация как творчески метод культурно-просветительской работы. Л., 1976. С.5) Театрализация синтезирует реальную и художественную деятельность в моменты, когда требуется осмыслить необыденное значение того или иного события. В этих условиях особенно сильна тяга к художественному осмыслению, к символической обрядности, к организации деятельности по законам театра. Таким образом, театрализация — сложный творческий метод, имеющий глубокое социально-психологическое обоснование и наиболее близко стоящий к искусству.

Первые массовые театрализованные представления и праздники на открытом воздухе были осуществлены в начале 20-х годов режиссерами-новаторами, среди которых: Мейерхольд, Марджанов, Вахтангов, Пиотровский, Радлов, Охлопков и др. Эти блестящие представители творческой интеллигенции устраивали свои постановки не только в столице, но и в провинции: в Иванове, Курске, Калуге, Иркутске, а также в Одессе и Киеве. На волне всеобщего энтузиазма оказалось возможным сотрудничество идеологов культуры (Луначарского и Крупской) с силами творческой интеллигенции, которые претворили в жизнь массовые театрализованные представления как революционного содержания («Гимн освобожденному труду», «Мистерия-Буфф»), так и на классические сюжеты («Царь Эдип» Софокла, «Овечий источник» Лопе де Вега). Специфику этих представлений составляло большое число участников (несколько тысяч), а также то, что в кульминационный момент зрители соединялись с актерами в массовом действе, например, в сим-

волическом штурме Зимнего в инсценировке Виноградова «Свержение самодержавия».

Таким образом, народ выступает творцом, а не потребителем культуры. В соединении искусства с массовыми формами социального общения и проявляется праздник. Быть в празднике — значит участвовать в массовом действе, которое основывается на сопереживании и совместных действиях большой общности людей. Массовая деятельность, стимулируемая праздничной ситуацией, выступает в качестве важнейшего проявления коллективной эмоциональной жизни и является одним из путей удовлетворения коллективной потребности масс в искусстве. Ведущим методом ее реализации является театрализация.

Одна из целей театрализации — создание на основе эмоциональной реакции на те или иные события общественной жизни стереотипа их восприятия. Эти социальные эмоционально-окрашенные образные стереотипы способны оказывать влияние на сознание людей, придавая ему эмоциональную силу, энтузиазм. Поэтому та сфера культурной деятельности, к которой относились массовые театрализованные праздники, подпала под жесткий государственный и партийный контроль. Разработкой сценариев стали заниматься инструкторы отделов пропаганды и агитации областных и районных комитетов КПСС и ВЛКСМ. В начале 80-х годов на страницах газеты «Вечерний Свердловск» развернулась дискуссия о новых обрядах и праздниках. Участниками «круглых столов» были : секретарь Октябрьского райисполкома, инструктор горкома партии, секретарь комитета комсомола Уралмаша, член городской комиссии по внедрению новых праздников и обрядов, инструкторы отделов пропаганды обкома и горкома ВЛКСМ. По этому составу видно, что профессиональные режиссеры, культурологи, искусствоведы, историки, филологи — представители научной и творческой интеллигенции были исключены из процесса разработки художественных и идейных концепций городских праздников, оставаясь лишь исполнителями, а зачастую и игнорируя участие в них.

В настоящее время к традиционным городским праздникам, таким, как День города, День молодежи, Праздник весны и труда, День Победы, Сабантуй, Проводы зимы, добавляются новые, инициаторами которых выступают коммерческие структуры города: дни своих юбилеев сделали праздником для горожан компания «Богатый Дом», городские телекомпании «АСВ» и «4-й Канал». Фирма «Вимек» организовала летом 1996 года детский праздник в Историческом сквере в рекламных целях. Однако, несмотря на это обилие старых и новых праздников, интересная и плодотворная концепция праздника-карнавала, праздника-массового действия воплощения пока не получила. И хотя костюмированные процессии появляются на Дне города, они несут скорее функцию зрелища, но не рожают эффекта соучастия. А ведь «карнавал не созерцают, — в нем живут и живут все, потому что по идее своей он всенароден». (Бахтин М.Ю.// Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С.12):

Сейчас существуют прекрасные возможности для организации театрализованных праздников в уральской провинции. Это возможности и финансовые (уже несколько лет городские праздники проходят при поддержке фирм-меценатов), и творческие. С исчезновением идеологического пресса роль интеллигенции в создании городских праздников должна возрасти. Сейчас в городе насчитывается около тридцати центров, дворцов и домов культуры, действуют Уральские отделения Союза художников и Союза кинематографистов России, Центр японской культуры, филармония, тринадцать театров. Будущих творческих работников готовят Екатеринбургский Государственный Театральный институт и областное училище культуры. Потенциал творческих сил велик.

Что же касается новых форм, то интересен отечественный и зарубежный опыт проведения фестивалей музыки, моды, кино и театра в провинциальных городках (например, фестиваль исполнителей музыки П.И.Чайковского в Клину). У нас в области могла бы получить развитие идея проведения фольклорного фестиваля в поселке Нижняя Синячиха, в этом музее под от-

крытым небом. Городок на время проведения фестиваля становится чувственно-обозримым пространством праздника, большой театральной площадкой или концертным залом. Именно в этой атмосфере рождается чувство свободы и коллективности. Здесь в общении с другими людьми мы прикасаемся к идеальному в жизни, физически и духовно ощущаем гармонию бытия, свое материальное единство с другими людьми. Именно в этом пространстве праздника распространяются и укореняются в душах идеи красоты, гармонии, гуманизма и патриотизма, что является важным фактором воспитания сознания и духовного обновления россиян.

Т.С. Сергеев

Чувашский университет

А.А. Суриков

Чувашский педагогический институт

ВУЗЫ ЧУВАШИИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА

На территории Чувашской Республики, относившейся к числу районов с чертами национальных окраин, в дореволюционный период своих высших учебных заведений не было. Лиц, окончивших вузы, насчитывалось около 70 человек.

В 1919-1921 гг. в г. Алатыре функционировал институт природоведения, являвшийся своеобразным научно-производственным учебным заведением. Из-за последствий голода, отсутствия материальной базы, кадров он был закрыт.

В 1921 г. в Чебоксарах был открыт Чувашский рабфак, который за первые десять выпусков до его реорганизации на три новых самостоятельных рабфака, подготовил к поступлению в вузы 349 человек, среди которых лица коренной национальности составляли 77%. Это были выходцы из рабочих и крестьян. Большинство чувашей поступало в вузы центральных городов: Москвы, Ленинграда, Казани, Нижнего

Новгорода, Иванова, Симбирска и др. Специалистов для чувашских школ готовил Симбирский практический институт народного образования (1920-1923 гг.). В 1926-1930 гг. функционировало чувашское отделение Восточного педагогического института в Казани. В 20-х гг. ежегодно от 300 до 700 уроженцев Чувашии направлялись на учебу за пределы Чувашской Республики. Большинство из них по завершении учебы непременно возвращались в родную республику. Активно работали тогда чувашские студенческие землячества.

Начало развитию сети высших учебных заведений на территории самой Чувашии положил педагогический институт, открытый в Чебоксарах 1 октября 1930 г. Через четыре года при нем начал работать учительский институт, просуществовавший 18 лет. 1 октября 1931 г. открылся Чувашский сельскохозяйственный институт. Сравнительно короткое время просуществовал Алатырский учительский институт (1939-1941 гг.) успевший дать лишь один выпуск из 74 учителей для неполных средних школ.

В 1940/41 учебном году в четырех вузах, включая учительские институты, обучалось 1693 студента. К этому времени в народном хозяйстве Чувашии было занято 2100 специалистов с высшим и 7800 — со средним специальным образованием, более половины из них составляли чуваша.

В годы Великой Отечественной войны вузы Чувашии, несмотря на большие трудности, продолжали функционировать. Пединститут выпустил 281 учителя, сельскохозяйственный институт — 82 агронома и 110 зоотехников.

В 1949 г., в связи с введением обязательного семилетнего образования, был открыт еще один — Канашский учительский институт, который за семь лет существования подготовил 1417 специалистов по дневной форме обучения и 246 — по заочной. В общей сложности учительские институты Чувашии дали дипломы о незаконченном высшем образовании 3520 педагогам.

Бурное развитие электротехнической, машиностроительной, химической, текстильной промышленности побуждало к

открытию новых вузов и новых факультетов. В 1955 г. был открыт Чебоксарский учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института (УКП ВЗПИ). Через четыре года на 9 факультетах УКП по 30 специальностям обучалось 452 студента. (В 1992 г. УКП ВЗПИ был преобразован в Чебоксарский филиал Московского государственного открытого университета — МГОУ).

В 1958 г. в Чебоксарах начал работать филиал вечернего факультета Горьковского политехнического института с контингентом 90 человек, где к началу 1960 г. уже проходило учебу 700 человек. К этому времени в Чувашском пединституте обучалось 1178, в сельскохозяйственном — 765 студентов. Таким образом, в 50-60-х гг. возросла доля студентов, занимающихся без отрыва от производства.

В 1961 г. в Чебоксарах на базе филиала Горьковского политехнического института был открыт Волжский филиал Московского энергетического института (ВФ МЭИ), где в 1965 г. на 6 факультетах по 24 специальностям обучалось 4299 студентов.

В 1962 г. был открыт Чебоксарский УКП Московского кооперативного института Центросоюза. В 1974 г. он преобразован в заочный филиал, в 1976 г. — в дневное отделение, в 1977 г. — в Чебоксарский филиал Московского кооперативного института, в 1996 г. — в Чебоксарский кооперативный институт Московского университета потребительской кооперации, где обучается свыше 4 тыс. студентов.

В 1967 г. на базе ВФ МЭИ и историко-филологического факультета Чувашского пединститута был открыт Чувашский государственный университет, в котором в 6 институтах и 23 факультетах обучается свыше 11 тысяч студентов, в том числе 320 человек из 20 зарубежных государств. Здесь имеется аспирантура по 32 специальностям с охватом 263 аспирантов. С 1994 г. заработали Батыревский и Алатырский филиалы университета, функционируют 15 центров довузовской подготовки абитуриентов из глубинных сельских районов. Университет стал центром науки и культуры

Чувашии. Достаточно отметить, что здесь трудятся 94 доктора наук из 116, 420 кандидатов наук из 765, имеющих в республике. По итогам аттестации вузов Чувашский университет входит в число десяти лучших в Российской Федерации.

В 1994 г. открыт Чебоксарский филиал Московского юридического института МВД Российской Федерации.

В целом в вузах Чувашии обучается 18,9 тыс. студентов, из них 12,8 тыс. — по дневной форме обучения. Вузы республики за время своего существования подготовили для народного хозяйства свыше ста тысяч специалистов.

Если в первые годы кадры для Чувашии, готовились вне республики, то теперь она сама участвует в формировании интеллигенции для других областей и республик. Так, ВФ МЭИ принимал на учебу уроженцев республик и областей Поволжья. Чебоксарский кооперативный институт обслуживает Чувашскую, Мордовскую, Марийскую, Удмуртскую республики, Пермскую и Кировскую области. Каждый третий выпускник Чувашского университета трудоустраивается за пределами Чувашии.

Несмотря на высокие темпы развития высшей школы, на 10 тысяч населения Чувашия имеет меньше студентов, чем в среднем по России. Число лиц, имеющих высшее образование, на тысячу человек среди чувашей, составляет 65 человек против 113 среди русских.

Из стен вузов Чувашии вышли известные специалисты и руководители народного хозяйства, деятели науки и культуры, космонавты, спортсмены, прославившие свою «малую родину». Олимпийскими чемпионами стали студент Чувашского пединститута В.Ярды (велосипед), студент Чувашского сельхозинститута В.Соколов (бокс).

В переломный период истории на интеллигенцию ложится большая ответственность за дальнейшую судьбу страны. Соответственно возрастают требования к вузам — основной кузнице кадров различных отрядов интеллигенции.

И.Б. Сесюнина*Томский политехнический университет*

ОБЩЕСИСТЕМНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОВИНЦИИ

Духовная жизнь общества являет собой сложную многоуровневую систему. Одним из элементов этой системы выступают региональные особенности духовного производства, в силу чего скорость и ритм духовных процессов, их интенсивность и направленность могут отличаться в различных точках континента, страны и т.д.

Взаимосвязь «центра» и «провинции» неоднозначна, и зависит от ряда исторических условий: чем более развиты общественные отношения, тем менее, как нам представляется, влияние «центра» на «провинцию». Система духовного воспроизводства общества не может существовать только как «культура центра». В этом случае замедляются ее темпы развития, происходит «замыкание» на собственной основе, исчезает импульс движения. Для развития науки, искусства и других форм духовного производства системе необходим приток свежих идей, новаций, нетрадиционных подходов, сформированных в условиях иного образа жизни, несколько иного мировоззрения.

Любая система запрограммирована на самовыживание. Поэтому во все времена культурный «центр» «притягивал» к себе творческие силы ученых, интеллигенцию провинции. Оставляя себе самых талантливых, гибких и удачливых, центральная власть вместе с тем избавлялась от «еретиков», отправляя их подальше от столиц в явные и неявные ссылки, поскольку вольнодумцы были источником возможной «разбалансировки» системы. Оказавшись в провинции, эти представители интеллигенции нередко объективно становились «возмущающим фактором» окружающей среды, «призывом гордым к свободе, к свету».

Духовные процессы, идущие в провинции, соединялись, в конце концов, с общесистемной тенденцией развития «центра», и тогда даже репрессивные меры не могли повернуть вспять общекультурные процессы.

В то же время провинциальная интеллигенция сама становилась источником движения за переустройство системы (политической, общекультурной, образовательной, религиозной и т.д.). Отсюда — движение «снизу», борьба за открытие образовательных центров, театров, спасение памятников культуры и т.д.

Общесистемное понимание целостности включает в себя и неоднородность, и противоречивость, поскольку именно это и является источником развития системы в целом. «Единомыслие», приведение всего и вся к единому знаменателю особенно опасно для творческой интеллигенции, так как губит в зародыше ростки нового нестандартного мышления, лишает систему перспективы.

Особенно велика роль интеллигенции в переломные эпохи смены общественных отношений. Одна ее часть трагически ощущает разлад жизни, воспринимая его как «конец света», закат культуры (например, эпоха распада Римской империи, времена крушения феодального общества и т.д.). Другая часть интеллигенции пытается увидеть перспективу развития нового, становится его идеологом, движущей силой «новой волны». Именно в это время в «центр» из «провинции» начинается мощное перетекание творческих сил. Романтическая жажда перемен толкает интеллигенцию провинции в неведомое: ей нечего терять в прошлом и настоящем, а в будущем — светит надежда на признание, славу, воплощение творческих замыслов.

Система духовного воспроизводства того или иного общества исторически детерминирована информационными связями «центра» и «провинции». Замедленность развития духовного производства в эпоху феодализма во многом, например, была обусловлена неразвитостью информационных каналов, в то же время эта своеобразная изоляция придавала своеобразие традициям и культуре региона. Нивелирование этого своеобразия насту-

пило в условиях буржуазного развития общества, породило так называемую массовую культуру, придало некую стандартность духовному производству.

Мощное развитие средств массовой информации современности приблизило географическую провинцию к культурным и научным центрам, транспортные связи и открытость границ все более делают человека «гражданином мира». В то же время провинция в силу природного консерватизма образа жизни во многом сохраняет черты культурных традиций. Представителям провинциальной интеллигенции во многом свойственны черты целостного мировосприятия, народного оптимизма, близости к национальным истокам и общечеловеческим ценностям.

В то же время некоторая негибкость мышления и образа жизни затрудняют для этой интеллигенции вхождение «на равных» в круг интеллигенции центра.

Объективно современные условия жизни все более превращают понятие «провинция» из культурно-географического в понятие нравственное. И «Садовое кольцо» может быть средоточием провинциальности мышления в его традиционном понимании, а интеллигенция бывших «медвежьих углов» — стоять на европейском уровне мировосприятия и творческого потенциала.

И.В. Сибиряков

Челябинский технический университет

А.И. ШИНГАРЕВ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОЛИТИК ИЛИ ПОЛИТИК ИЗ ПРОВИНЦИИ?

История России — это во многом история российской провинции. Именно здесь традиционно шли наиболее важные политические, экономические и духовные процессы, определявшие многие стороны жизни российского общества. Именно здесь происходили самые серьезные, масштабные и болезненные трансформационные сдвиги и социально-классовые конфликты.

Именно здесь сформировались новые группы российской политической элиты, сыгравшие в начале 20 в. важную роль в истории нашей страны. Судьба многих российских политиков из провинции представляется нам сегодня крайне показательной и очень поучительной. Судьба А.И.Шингарева — типичного русского провинциального интеллигента — из их числа. Политическое кредо А.И.Шингарева — радикальный либерализм, самобытное и своеобразное явление российской провинциальной неолитической культуры. Нам кажется очень важным понять сущность этого явления и причины его возникновения. Для этого необходимо исследовать основные этапы политической биографии А.И.Шингарева. А.И.Шингарев родился в 1869 г. на хуторе недалеко от города Воронежа. Его отец был приписан к купеческому сословию. Мать принадлежала к одной из незнатных дворянских фамилий. Семья была небогатой, но в ней царил атмосфера любви, уважения и взаимопонимания. Реформы 60 — 70-х гг. 19 в. резко политизировали жизнь российской провинции. О положении дел в стране, о перспективах реформ, о будущем России говорили везде и много. Семья Шингаревых не была исключением. В 1887 г. А.И.Шингарев поступил в Московский университет. Он был для него первой серьезной школой политического воспитания. А.И.Шингарев много читал, посещал студенческие собрания, участвовал в работе землячества. Его желание стать врачом очень показательно. Оно точно отражает одну из наиболее важных, сущностных черт российской провинциальной интеллигенции — стремление принести своему народу настоящую, реальную пользу. В основе этого стремления и пресловутый «комплекс вины» интеллигенции перед народом, и осознание очевидной несправедливости порядков, существующих в России, и типичный юношеский максимализм.

После окончания медицинского факультета А.И.Шингарев отправился в Воронежскую губернию. Тяготы крестьянского быта, почти полное отсутствие медицинской помощи на селе, тотальное пьянство — все это произвело на него тяжелое, гнетущее впечатление. Но А.И.Шингарев был еще далек от «боль-

шой политики», он много работал и отчаянно пытался выправить ту критическую ситуацию, что сложилась в воронежских деревнях. Однако, несмотря на его поистине колоссальный труд и огромные личные жертвы, положение дел там по-прежнему оставалось почти катастрофическим. Можно предположить, что именно тогда А.И.Шингарев и осознал безнадежную тщетность своих индивидуальных усилий. Он мучительно искал ответ на вопрос: «Что же нужно изменить в России, чтобы действительно улучшить жизнь людей?» Он видел эту жизнь не через стекла столичных кабинетов и страницы газет, он ощущал настоящую, повседневную страшную боль усталых и обозленных людей. Его политические взгляды в этот период становились все более и более радикальными. Но он никогда не был приверженцем революционной диктатуры. А.И.Шингарев считал, что Россию может спасти конституция, парламент, гражданские свободы. Истоки его либеральных воззрений — в семье, в традициях московского университета, в его общении с людьми. В 1895 г. А.И.Шингарев был избран гласным депутатом Усманского уездного земского собрания. Он попытался мобилизовать силы земства для разрешения самых важных, насущных проблем края. Но и эта попытка дала почти минимальный результат. Оставалось или смириться и вновь заняться обычной медицинской практикой, или искать путь к реальным рычагам власти с тем, чтобы действительно изменить ситуацию в стране. Переломным этапом в политической биографии А.И.Шингарева стал 1905 г. В дни октябрьских событий в Воронеже он принимал активное участие в демонстрациях, митингах, политических собраниях, много выступал, дискутировал, спорил. А.И.Шингарев чувствовал себя нужным людям. Его ум, знания, способности были востребованы. Общение с городскими обывателями придавало ему силы и уверенность в себе. Вскоре он вступил в партию кадетов и очень быстро сделал там головокружительную партийную карьеру. А.И.Шингарев был молод, по провинциальному честолюбив, энергичен. Ему не хватало знаний, опыта и связей. Но зато в избытке было желания работать, участвовать в большой политической игре. «Звездный час» А.И.Шингарева как

политика — это работа в Государственной Думе. Неоднократно он входил в состав бюджетной, финансовой и других комиссий, активно занимался проблемами местного самоуправления, аграрным вопросом. Его добросовестность, честность, огромную работоспособность признавали не только соратники по партии, но и политические оппоненты; они же отмечали и его непрофессионализм, упрямство провинциала и своеобразную политическую наивность. Революция 1917 г. поставила российских либералов перед нелегким политическим и нравственным выбором. Не разделяя «революционный оптимизм» многих своих коллег, А.И.Шингарев тем не менее вошел в состав Временного правительства и попытался не допустить новой российской смуты. Однако ему опять не повезло. В июле 1917 г. он был вынужден покинуть министерское кресло. Осенью 1917 г. А.И.Шингарев был арестован, а 7 января 1918 г. убит в Петропавловской крепости. Могла ли политическая карьера А.И.Шингарева сложиться по-другому? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Но если внимательно проанализировать основные вехи его политической биографии, то следует признать, что трагическая смерть А.И.Шингарева во многом закономерна. Всю свою жизнь он пытался совместить несовместимое: радикализм и либерализм, человеческую порядочность и политический прагматизм. Не случайно этот эксперимент закончился катастрофой.

Л.Г. Сидорчукова

Пермский институт культуры

ЛИЧНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АКТРИСЫ В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАЧАЛА XX В.

(творческий портрет актрисы Е.Г.Ковельковой)

Вопрос о формировании социально-психологического портрета провинциальной художественной интеллигенции представляет

большой интерес среди историко-культурных проблем и относится к числу малоисследованных. Изучение вопроса осложняется тем, что положение художественной интеллигенции в провинции отличалось своеобразием, связанным в частности с более ярко выраженным индивидуализмом ее представителей. Поэтому для составления общей картины духовной жизни необходимо обращение к конкретным характеристикам, особенностям быта людей искусства, где неповторимые яркие качества отдельной личности тесно переплетались с общепринятыми в данном кругу правилами, морально-этическими ценностями и нормами жизни.

Интересным для подобного анализа представляется образ актрисы русской провинциальной сцены начала XX в. Екатерины Георгиевны Ковельковой (1876-1964). Размышляя над ее творческой и личной судьбой, автор не ставит задачи анализа ее творчества как оперной певицы. В данном аспекте более значимы нюансы восприятия и осмысления ее личности в контексте культуры начала века.

Личность Ковельковой скупо освещена в имеющейся о провинциальном музыкальном театре литературе, тогда как она была известна как одна из ярчайших оперных звезд русской провинциальной сцены начала нынешнего столетия. В качестве архивных материалов имеются ее воспоминания и материалы биографии, составленные пермским театроведом А.И.Чайкиным, переписка актрисы с профессором П.С.Богословским, исследователем уральской культуры.

Ковелькова Е.Г. родилась в 1876 г. в Казани, в семье губернского секретаря. Росла и воспитывалась в атмосфере любви к музыке. Уже в гимназические годы выступала на концертах. Брала уроки пения у Л.Н.Люценко, бывшей артистки Императорских театров. Благодаря своему голосу (необычайно низкое густое контральто), стала рано (почти с 17 лет) петь самостоятельно, еще не закончив учебу. Ее дебютом была партия княгини в опере «Русалка». Критика отметила молодую дебютантку: «... певица обладает всеми данными для занятия в будущем видного места на русской оперной сцене». (ГАПО. Ф.-Р.973. Оп.1. Д.534. Л.2)

Свою артистическую карьеру певица начала в Перми в 1897 г. Пермский театр существенно отличался от других провинциальных театров, т.к. его делами руководила в то время выборная городская театральная дирекция. Поэтому формирование актрисы началось в условиях творческого театрального коллектива с благоприятным психологическим климатом. Благодаря директору Б.С.Плотникову и режиссеру Н.Н.Боголюбову, Ковелькова получила в Пермском театре хорошую сценическую школу. В ее репертуар вошли партии Вани («Жизнь за царя»), Леля («Снегурочка»), Ратмира («Руслан и Людмила»), Ольги («Евгений Онегин»), близкие артистке особым лирическим аспектом русской духовности.

В воспоминаниях Ковельковой нет того, что происходило бы за пределами театральной сферы. В этом просматривается существенно важный для людей актерской среды того времени момент: нравственные категории, которым следовали в искусстве, становились чертами характера. Жизнь и театр были неразделимы.

Провинциальный театр обслуживал широкие круги демократического зрителя, настойчиво требовавшего от театра жизненной правды и высоких эстетических впечатлений. Отсюда в провинциальном театре прочно держалась традиция актера-романтика, воплощавшего идеал.

Верность жизненной правде, яркость и убедительность создаваемого на сцене образа — вот те черты сценического поведения, которые Ковелькова наблюдала у лучших мастеров оперы и выбрала в качестве своих ориентиров. Актриса вспоминала: «В будущем я пела Федора в «Борисе Годунове» со многими знаменитостями, но никто так не трогал меня, как Крутлов в этой опере, часто шедшей в Перми. Когда он прощался с сыном, я каждый раз горько плакала на сцене, а Крутлов закрывал меня своим рукавом, чтобы не видно было как по лицу тек размазанный грим. И когда я пела с Шляпиным, я всегда вспоминала Крутлова...» (ГАПО. Ф.-Р.973. Оп.1. Д.534. Л.6)

Другое качество, которое характеризовало Ковелькову и, вероятно, других лучших представителей русской сцены того времени, это — необычайная серьезность в отношении своей работы,

строгость к себе, дисциплинированность. Здесь не было ничего от стереотипного, так называемого «богемного», стиля поведения. Это следует подчеркнуть в данном случае, ведь Ковельковой очень рано сопутствовал шумный успех. Уже в первом театральном сезоне в Перми она имела свой бенефис в опере «Руслан и Людмила». Менялись города, сценические площадки и спектакли, а рецензенты едва ли не каждый раз подчеркивали: «... видно, что актриса много работала над ролью».

Характерно, что это качество отмечали у русских актеров иностранные корреспонденты. Так, французская критика писала по поводу выступлений балета С.П. Дягилева: «Русский балет чарует нас <...> той добросовестностью и тем энтузиазмом, с которым вся труппа исполняет малейшие детали... Можно подумать, что они исполняют какую-то священную миссию...» (Тутенхольд Я. Русский сезон в Париже. Аполлон. 1910. С.14).

Эти слова справедливы и применительно к провинциальным актерам, хотя условия их существования отличались от столичных. В условиях частной антрепризы актеру провинции нужно было надеяться только на собственные силы, уметь все. Как отмечал известный в начале века актер провинциальной драмы В.Н. Давыдов: «Я верю только в силу чародея-актера, актера-мастера, актера — вдохновенного художника». (Давыдов В.Н. Рассказ о прошлом. Л., 1962. С.17)

Поэтому вплоть до 1917 года на провинциальной сцене сохранялся тот тип актера-гастролера для которого создается весь спектакль. Необычайно обширный и разнообразный репертуар, включавший и оперу, и оперетту, и водевиль, и драматический спектакль с музыкальными номерами, характерный для провинциального театра той поры, требовал от актера большого напряжения творческих сил.

Понятна в этом смысле обеспокоенность екатеринбургской публики, когда Ковелькова в сезон 1908/09 г. будучи уже серьезной певицей, в зените своей славы, вновь гастролируя на уральской сцене, выступила в оперетте. По этому поводу в прессе того времени писали: «...может быть г.Ковельковой, игравшей молодую вдовушку Каролину в оперетте Валентинова «Ночь любви»

было очень грустно и тяжело, как серьезной и талантливой оперной певице, спускаться до гривуазных шансонеток..., но публике было весело, потому что артистка спустилась до оперетты легко, грациозно, без одной мучительной гримаски обиженного самолюбия ...» (ГАПО. Ф.-Р.973. Оп.1. Д.534. Л.54)

Ковелькова принадлежала к той категории оперных артистов, в творчестве которых рождались черты новой актерской эстетики.

Знаменательной чертой культурной эпохи начала века, к которой принадлежит эта актриса, было изменившееся отношение к искусству. В отличие от актеров XIX в. актер начала XX в. осознавал себя не как учитель, борец, гражданин, а именно как актер-носитель и творец красоты. В условиях краха прежних ценностей и жизненных основ на рубеже веков искусство воспринималось как важнейшая сторона познания мира и человека, противостоящая хаосу.

Неслучайно поэтому современники отмечали, что в провинции необычайно любят оперу, ведь она полна классическими образами идеальной красоты. Так, например, в Перми в сезон 1916/17 г. критики отмечали, что наряду с кинематографом и даже больше, публика стремилась в оперу и требовала «красоты и радости глаза».

Для провинциальной публики олицетворением этой красоты была Актриса: хрупкая, нежная Миньон; роковая, темпераментная Кармен; веселая, беззаботная Ольга ... «Она создавала совершенную форму истинного театра, где каждое представление уносит зрителя-слушателя к другой, преображенной жизни», — писал о Ковельковой в биографическом очерке А.И.Чайкин. (ГАПО. Ф.-Р.973. Оп.1. Д.533.)

Новым личностным воплощением Е.Г.Ковельковой явилась ее дальнейшая творческая деятельность после окончания карьеры певицы (преподавание в музыкальном училище, консерватории и т.д.), но она относится уже к другой культурной эпохе.

Таковы некоторые черты, характеризующие личность русской актрисы начала XX в. Е.Г.Ковельковой, и в то же время

квалифицируемые как типические для определенного круга провинциальной художественной интеллигенции того времени.

Л.М. Совин

Писатель, Екатеринбург

ПРОВИНЦИАЛИЗМ — ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Не очень-то и редко в разговорах географическое понятие Урал сопровождает дополнение — провинция. Да, Урал — одна из российских провинций. Но слово это — всего-навсего означает нестоличный. Однако с легкой руки обитателей столиц в русском языке появились устойчивые словосочетания — провинциальное мышление, провинциальная наука, провинциальная жизнь. Словосочетания с явно малопочтенным скрытым смыслом. Как нечто, представляющее то же самое, но на неизмеримо более низком уровне.

Оспаривать подобные утверждения и труда-то никакого не составляет.

Мир давно убедился — не географическое положение местности определяет значимость его обитателя в земной истории. Тому есть тьма хрестоматийных примеров.

Дерптский университет, стоящий за дальней околицей Европы, явил человечеству одного из самых ярких мыслителей за всю его историю.

Захудалый австрийский монастырь становится местом рождения генетики.

Из затерянного в швейцарских Альпах города мир узнает о теории относительности.

А самый что ни на есть заштатный городок в российской глубинке стал колыбелью космонавтики.

И еще один смысл придается слову «провинциальный». Нечто патриархальное, покойное, малоподвижное, закоснелое. Ну уж к Уралу это можно отнести в самую последнюю очередь. Он никогда не был спокойным регионом. Задолго до появления всех

трех российских столиц он сделался местом сшибки мировых интересов, перекрестком весьма значимых для землян движений людских потоков. На Урале схлестывались интересы севера и юга, запада и востока. Варяги и персы, булгары и монголы стремились сюда свои стопы. Отсюда изошли гунны и венгры, финны и даже, как утверждают, коренные американцы. Урал не одно тысячелетие является горнилом, в котором сплавляются культуры и традиции, встречаются цивилизации и мировоззрения. И даже Бог здесь не один. Десятки веков здесь соседствуют (не всегда мирно) Христос и Аллах, Будда и языческие идолы. На Урале век за веком испытуются в личном сопоставлении, проверяются на прочность опыт предков и новации современников, укоренившиеся традиции и совершенно новые способы производства и технологии.

На семи ветрах природных особенностей выполощенные, в семи щелоках соревнования на выживаемость вываренные, идеи, изобретения, технологии, рожденные или привитые на Урале, быстро расходятся по стране и миру. Примеров тому не счесть. И пермские ножи с дохристианских лет покорили Европу своим качеством, и паровоз-то первый в России здесь придуман был, и первым очагом цветной металлургии в России Урал прославился.

А теперь оказывается, что Урал был одним из самых древних на Земле центров цивилизации. О чем недвусмысленно свидетельствуют раскопки в Аркаиме.

Какая уж тут провинция?!

Ю. Соркин
Екатеринбург

ВРАЧ, УЧЕНЫЙ, ЖУРНАЛИСТ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В 1890-1892 гг. в Пермской губернии разразился неурожай. Голод сопровождался вспышкой брюшного и сыпного тифов, холерой. Повсеместно началась борьба с эпидемией, в ко-

торой приняли участие городские и земские управы, Уральское медицинское общество и врачи-энтузиасты. Среди них был и Б.И. Котелянский (1860-1892). Возглавив сыпнотифозный барак, ухаживая за больными он заразился сыпным тифом и умер 20 апреля 1892 г. Было ему в ту пору всего 32 года. Он ушел из жизни в расцвете своих сил и таланта. Несмотря на короткую жизнь, он внес значительный вклад в развитие науки, культуры, медицины, журналистики Урала.

Б.И. Котелянский — неординарная личность: он работал врачом Екатеринбургского родильного дома, выпускал научные труды, проводил занятия в школе повивальных бабок, печатался в местных и столичных журналах, в газете «Екатеринбургская неделя», был секретарем правления Уральского медицинского общества, библиотекарем Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ).

С Б.И. Котелянским дружил Д.Н. Мамин-Сибиряк, он очень ценил его и привлек в свой «Маминковский» кружок. В 1893 г. в журнале «Божий Мир» была опубликована повесть писателя — «Жид» (точная фотография — как об этом писал О.И. Клер — создатель УОЛЕ жизнеописания Б.И. Котелянского).

Окончив гимназию в Петербурге, Борис Иосифович поступает на медицинский факультет университета Святого Владимира в Киеве, но вскоре переводится на медицинский факультет Казанского университета, который и заканчивает в 1884 г. Работает надзирателем при Казанской психиатрической больнице, занимается микроскопическим изучением нормальных и патологических тканей, его интересует генетическая связь между физическими и психическими аномалиями.

В 1885 г. он переезжает в Екатеринбург и занимается частной практикой, лечит бедняков и кроме того бесплатно работает в роддоме. Пациенты ценили его тактичное отношение, доступность и умение в большинстве случаев обходиться домашними средствами или дешевыми лекарствами.

Нередко он сам давал больным деньги на покупку медикаментов. Видя незаурядные способности Б.И. Котелянского, руководство роддома в 1889 г. зачисляет его в штат в должности

помощника заведующего роддомом и назначает жалование в сумме 600 рублей в год. В этом же году он женится на старшей дочери нотариуса Ланде. У них рождается дочь, и на милом этом ребенке сосредоточивается и любовь, и научно-разумный уход родителей. Но девочка заболевает сыпным тифом и умирает вслед за отцом через несколько месяцев.

Врачебную работу Б.И. Котелянский совмещал с широкой общественной деятельностью. Он представил Уральскому медицинскому обществу проект устройства «Самаритских курсов» с целью обучения всех желающих приемам первой медицинской помощи.

Интересен был Котелянский как полемист. Обладая обширными знаниями не только в области научной медицины, но и философии, филологии, истории, политической экономии и изящных искусств, он мог осветить факты всесторонне. Путем остроумных сравнений, взятых из более знакомых собеседнику областей знаний, он добивался того, что все его суждения становились понятными. В диспутах его диалектика обнаруживала редко встречающиеся качества: он никогда не терял из виду главной темы разговора, не задевая самолюбия собеседника, он умел заставлять принимать свои суждения, всегда широко аргументированные. Но если противник приводил вполне доказательные факты и доводы в пользу своего мнения, Б.И. Котелянский откровенно признавал себя побежденным. Горячий поклонник истины, честности и бескорыстия, он был в то же время и непримиримым врагом всякой лжи.

Б.И. Котелянский был блестящим журналистом. «В лице Бориса Иосифовича редакция «Екатеринбургской недели», — писалось в некрологе, — потеряла одного из лучших своих сотрудников. Обширная эрудиция, знание в совершенстве французского, немецкого, частично английского и итальянского языков давали ему возможность при его литературных трудах непосредственно пользоваться и иностранными источниками. Прекрасный стиль и многолетняя опытность в работе для периодических изданий делали его незаменимым газетным сотрудником».

После смерти Б.И. Котелянского, по предложению Уральского медицинского общества, были выпущены «Записки Уральского медицинского общества», посвященные ему; в этом сборнике была помещена последняя научная работа Б.И. Котелянского — «О распознавании внематочной беременности в ранних стадиях».

Когда умер Б.И. Котелянский, доктор медицины А.А. Миславский сказал: «Одаренный выдающимися интеллектуальными способностями, быстрым, светлым соображением, громадной энергией как физического, так и умственного труда, почивший отличался прямою душою, честностью и гуманностью. Обширные его сведения по разнообразным предметам, знакомство с техническими врачебными приемами отдавались им с готовностью каждому собрату, обращавшемуся к нему за советом. Его участие в серьезных случаях, в важных хирургических операциях всегда высоко ценилось. Как человек безукоризненной нравственности и испытывший много горьких случайностей, Борис Иосифович всегда сердечно относился к несчастным и нуждам ближнего: он горячо ратовал за угнетенных и стойко защищал обиженных. Граждане, без изъятия сословий, пользовались знаниями Бориса Иосифовича, как врача. Нам не приходилось слышать, чтобы он отказал кому-либо во врачебной помощи из обращающихся к нему за ней. Чем сложнее, чем опаснее данный болезненный случай, тем более являлась с его стороны забота и энергия. Как служителю науки — Борису Иосифовичу следует по справедливости отнести — Почетное место!».

По решению Уральского медицинского общества был основан особый фонд имени Котелянского по выдаче пособий членам общества, впадшим в бедность вследствие старости или несчастия.

В 1894 г. на могиле Б.И. Котелянского был установлен памятник со скромной надписью: «От Уральского общества любителей естествознания и почитателей». Ныне могила Б.И. Котелянского не сохранилась.

В.Л. Соскин*Институт истории СО РАН*

ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ — НОВЫЕ «ПОЛЮСА» ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ

Парадоксальный, на первый взгляд, феномен расширения исследовательского поля историков советской интеллигенции России получил уже первые объяснения в литературе. (См. В.Л. Соскин. Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, НГУ, 1996) Помимо субъективных факторов — деятельности отдельных лиц и научных центров, важную роль в этом сыграло возникновение новой общественной атмосферы. Свобода творчества, выразившаяся, прежде всего, в критическом отношении к былому историографическому опыту, оказалась силой, способной противостоять натиску неблагоприятных обстоятельств материального порядка.

Сам по себе этот факт, в глазах обывателей, достоин удивления, хотя исторически его нельзя признать неожиданным. Интеллигенция, к каковой принадлежат историки, не раз демонстрировала жизненную стойкость и силу духа, что в первую очередь проявлялось в преданности своему профессиональному долгу. Хотя это иногда изображалось как уход от жизни, от служения народу, на деле именно в профессиональной сфере отдача со стороны интеллигенции была наиболее полной и адекватной.

Что же касается вопроса, почему особенно заметна активность именно историков интеллигенции, то, по-видимому, здесь в опосредованной форме сказалось не всегда четко осознаваемое обществом понимание возрастающего значения интеллекта в переходные эпохи, как и понимание опасности пренебрежения им.

Увеличение масштабов изучения интеллигенции сопровождается не только расширением, но и изменением тематики. (См.:

В.С. Меметов, О.Ю. Олейник, И.И. Олейник. Интеллигенция в формулировках тем диссертационных исследований (1954 — 1994 гг.) // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов. Иваново, 1996). В этом проявляется естественное стремление изучить «забытые» вопросы. В то же время неоправдано новое «забвение»: исчезновение из поля зрения известных вопросов, прекращение изучения отдельных социально-профессиональных групп интеллигенции (об этом говорится в упомянутых тезисах выступления В.С. Меметова и др.). Такая смена ориентаций носит механический характер, она не отвечает главному направлению развития историографии, которое состоит не только и не столько в изучении «пропущенных» сюжетов, деятельности «забытых» интеллигентов и отдельных групп, сколько в новой интерпретации с использованием новых источников уже известных вопросов.

С этим связано и понимание так называемых «белых пятен». Многие понимают их сугубо фактологически. Не отрицая правомерность подобной трактовки, считаю, что содержание термина гораздо шире. Если то или иное известное явление интерпретируется в координатах «давно прошедшего», то в этом случае оно остается во многих случаях «белым пятном». Через призму такого подхода следует посмотреть на проблему, обозначенную в заголовке настоящего сообщения.

Тема «Центр и провинция» в последнее время быстро набирает «очки». Причины этого разнообразны. Думается, что во многом интерес к теме определяется остротой современной обстановки в России. Одной из ее черт является усложнение отношений между центром, который ассоциируется с верховной властью, и субъектами федерации, составляющими «провинцию». Сфера этих отношений входит в орбиту общего кризиса, выход из которого многие связывают с повышением роли мест в политической, хозяйственной и культурной жизни страны. Логика подобных настроений имеет историческую основу: провинции не только не раз доводилось «выручать» центр в трагических ситуациях, но и постоянно служить источником раз-

личных ресурсов. Полезный опыт установления взаимовыгодных отношений между центром и периферией демонстрируют также некоторые современные демократические государства. Таким образом, актуальность постановки темы очевидна.

Имеется уже немало публикаций на эту тему (см., например, В.И. Шишкин. Москва — Сибирь: история взаимоотношений (1917-1930 гг.) // История Сибири: человек, общество, государство. Новосибирск, 1995). Состоялись специальные конференции, в частности, в Екатеринбурге (см. Региональная структура России в геополитической и цивилизованной динамике. Доклады. Екатеринбург, 1995). Проблемы провинциальной интеллигенции обсуждались на конференции в Иваново в 1996 г. Данные тезисы пишутся еще для одной подобной конференции. Можно полагать, что «соревнование» в этом направлении будут продолжаться. В этой связи, видимо, бесполезно высказывать некоторые суждения относительно подходы к теме.

Судя по публикациям, принадлежащим в основном провинциальным ученым, одним из направлений исследований является поиск провинциальной «особости», в рамках которого делаются попытки выявить некоторые специфические черты провинциальной культуры и их живых носителей — интеллигенции. При этом подчас проводится противопоставление, в котором столичная интеллигенция наделяется «плохими» качествами, тогда как провинциальная — «хорошими». Если против «особости» в принципе не приходится возражать, ибо она отражает многообразие условий жизни в провинции, то распределение качеств вызывает возражения хотя бы потому, что само понимание «хорошего — плохого» весьма субъективно.

Для примера приведу тезисы выступления на конференции в Иваново в 1996 г. двух авторов — Л.Н. Ермолаевой и С.В. Коваленко. По их мнению интеллигенция обеих русских столиц традиционно «была склонна к заимствованию западного опыта, абсолютизации индивидуального, частного интереса», что вело к «нравственной деградации». Интеллигенция же провинции создавала духовные ценности, которые отражали «глубокоорганичную, естественную для русского человека систему взаимо-

зависимости индивидуального, личного и доминирующего общего». Хотя и невянятно, но авторы проводят мысль, что первая тенденция породила трагический раскол 1917 года и гражданскую войну, тогда как вторая тенденция выражала стремление «служить общей идее возрождения и развития России». Очевидная неприязнь к столичной интеллигенции подвела авторов к выводу о наличии в ее деятельности «преемственности». Суть таковой определена с откровенной политизированностью: «попытки современной столичной интеллигенции дискредитировать мировоззрение советского человека ведут к тем же результатам», т.е. к гражданской войне. (Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов. Иваново, 1996. С.38).

Не имея лишь возможности подвергать тезисы обстоятельному разбору, скажу лишь, что на такой грубо сколоченной, примитивно-идеологизированной платформе нельзя строить серьезное изучение темы «Центр и провинция». В жизни все обстояло значительно сложнее. Взаимозависимость двух «полюсов» исторического процесса находилась в пределах силового поля, в котором силы притяжения и отталкивания на разных исторических этапах проявляли себя не одинаково. Представляется, что в условиях советского строя возникшие в прошлом противоречия, объективная основа которых во многом сохранялась, были под спудом. Всомогущество и диктат центральной власти вели к тому, что фактически на нет сводилась местная инициатива и не признавалась специфика периферийных интересов. В этих условиях культурная жизнь в целом и деятельность интеллигенции в частности едва ли могли иметь оригинальный облик. Доминирующей чертой эпохи была духовная унификация на основе стереотипов. Их утверждением с равным рвением занимались и руководящие деятели центра, и их назначенцы в провинции. Сектор хотя бы относительно свободного поиска оставался крайне узким. В итоге картина развития культуры на огромных просторах страны неизбежно должна была приобрести однотонный колорит.

Е.В. Стихина
Уральский университет

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЯХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА

Сегодня мы вновь говорим об обновлении России, и, следовательно, невозможно здесь обойти тему русской интеллигенции. «Обновиться же Россия не может, не обновив (вместе с многим другим) прежде всего и свою интеллигенцию. И говорить об этом громко и открыто есть долг убеждения и патриотизма». Эти строки из статьи С.Н.Булгакова в «Вехах» (1909 г.) соответствуют современной ситуации конца XX века. Именно интеллигенция была и остается «лучом», просвещающим общество, в ее руках всегда была ответственность перед будущим нашей страны. Это историческое призвание интеллигенции возлагает на нее огромную ответственность за судьбу России в наши дни.

«Если русское общество, действительно, еще живо и жизнеспособно, если оно таит в себе семена будущего, то эта жизнеспособность должна проявиться прежде всего и больше всего в готовности и способности учиться у истории. Ибо история /.../ есть жизненный опыт /.../, составляющий условие духовного роста» (Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. С.27). Душа интеллигенции выросла в русском дворянстве, радевшем о благе государства. Именно дворянам был доступен «западный воздух», воздух просвещения, который проникал в Россию через петрово «окно в Европу». Думаю, не бесполезно обратиться к этой странице в истории русской интеллигенции, которая посвящена дворянству.

XVIII столетие дает нам пример обновленной России. Указ 1762 г. о вольности дворянства положил начало новой эпохе. До этого русская культура главной своей доминантой имела подчиненность государственным интересам, жизнь дворянина рег-

ламентировалась государством и посвящена была службе. Манифест открыл возможности для появления в России аристократического общества частных лиц. Это были первые свободы в русском государстве. Результатом их стало переустройство основ жизни, создание новой русской культуры, воспринявшей лучшие черты западной культуры и верной народным традициям.

Необязательность государственной службы способствовала формированию индивидуальности дворянина. Новая общественность строилась на частных знакомствах, личных инициативах и пристрастиях; общение стало нормой жизни, а насущной потребностью — обустройство домашнего обихода. Этой новой формой общественной жизни России, которая стала противоречием государственности столиц, оказалась усадьба.

На рубеже XVIII-XIX столетий на просторах нашей страны возникло огромное количество усадеб. Усадьба была «идеальным местом тишины и покоя» вдали от суеты столиц, но главным было то, что дворянин стал полновластным хозяином своих владений. В обустройстве усадебного пространства немаловажную роль играла эстетическая сторона дела. Важна не только практическая выгода, но и красота мира, в котором живет человек. Художественный мир усадьбы владелец устраивал для себя. Едва ли не каждый стремился воплотить в действительность идеальную модель мира, в основе которой всегда лежало представление о личном счастье. В зримых формах: в архитектуре, в садах и парках, в окружающем пейзаже — отражалась личность хозяев. В условиях России были созданы необычайно одухотворенные, на редкость поэтические, очень глубокие по замыслу усадебные постройки. Крупные усадебные комплексы, такие как Архангельское, Марфино, Остафьево, Грузино, Суханово, отличались сложностью планировки, разнообразием убранства. Простые незамысловатой архитектуры усадьбы с липовой аллеей (Дворяниново, Спасское-Лутовиново, Мелихово, Михайловское). У каждой усадьбы были свои притягательные черты.

Архитектурная гармония и гармония природы в усадьбе должны были способствовать наиболее полному раскрытию луч-

ших свойств человека, его индивидуальности. Конечно, не обходилось здесь без «азиатского произвола», самодурства и деспотизма русского барства. Стоит признать, что в массе своей усадебная жизнь была еще достаточно убога. Но созданная красота, зримые свидетельства стремлений помещиков сотворить «земной рай» в определенной степени являются оправданием грехов русского дворянства. Кроме того, в усадьбах росли и воспитывались многие известные деятели русской культуры. Усадьба давала приют и вдохновение художникам и композиторам, ее духовный облик долгие годы питал русскую культуру.

В закрепощенной государственностью России усадьбы стали своеобразной формой проявления личной и родовой независимости. Выражалось это в культе просвещения, в поклонении прекрасному, в семейном общении, в праздной жизни на лоне природы как противоположности столичной казенщине и службе. Можно назвать это самоутверждением личности дворянина, его внутренней свободы. Общественная роль дворянства постепенно менялась. Новое поколение дворянской элиты было охвачено желанием стать общественным и культурным руководителем народа, просветителем и посредником в европеизации быта русского общества. Эта новая общественная роль и есть роль интеллигента, который призван направлять свои силы на поиски способов преобразования общества. Немаловажную роль в процессе становления русской интеллигенции сыграла усадебная жизнь, носившая творческий, жизнепреобразующий характер. Усадьбы дали своеобразный толчок воплощению идеальных устремлений к свободе личности, к гармоничной жизни. В подтверждение важной роли усадеб можно привести слова Д.С. Лихачева о том, что «русскую культуру XVIII-начала XIX вв. надо считать усадебной, так как усадьба определяла в ней все основное и новое, весь культурный и духовный характер русской жизни».

«Дворянство служит земле /.../ служило делу просвещения и образования. Наши лучшие имена записаны на его скрижалях. Пускай оно не забудет, что /.../ у нас одно дворянство грамоту знало, что на него только и падал свет». (Тургенев И.С.

Сочинения. М., 1983. Т.11). Именно дворянство было тогда тем «образованным классом, который составлял цвет нации, был опорой культуры и «идеологом» общества России. Смыслом жизни для этого класса стало желание быть полезным обществу. Преемником этой духовной миссии стала интеллигенция.

В современной ситуации мы вновь осознали важность духовного начала, которое вносит интеллигент в жизнь и культуру России. Духовный облик усадьбы, питавший дворянскую культуру, сама усадьба как символ независимости личности являются собой пример той среды, в которой зарождался и воплощался импульс трудиться на благо общества. Дворянство любило и берегло красоту жизни. Русская провинция хранит еще образцы былого великолепия усадебного зодчества. После нескольких десятилетий серости советского быта, бездушной жестокости по отношению к прошлому мы начинаем понимать значение и силу красоты, над которой надругались. Руины усадеб, городских особняков напоминают сегодня о прошлом. Сохранить традиции, возникшие в усадебной культуре России, сберечь оставшиеся плоды этой культуры, где в окружении прекрасного возникала потребность творить и ценить красоту, данную природой и сотворенную человеком, – в этом должна заключаться миссия современной интеллигенции. Духовный рост невозможен, когда забывают уроки прошлого, когда сердце и разум глухи к прекрасному.

Н.Н. Тагильцева

Уральский педагогический университет

РОЛЬ КРАЕВЕДОВ 1920-Х ГГ. В СПАСЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

«Краеведческое движение я называю великим потому, что это было действительно беззаветное общее движение провин-

циальной интеллигенции спасать от бесчисленных в то время случайностей все многочисленные памятники культуры как в городах, так и в сельских местностях», — писал в начале 1920-х гг. видный краевед (сын выдающегося географа), В.П. Семенов-Тянь-Шанский (Звезда. 1989. № 4. С.117).

В первые годы Советской власти по всей стране, в том числе и на Урале, активизировалось возникновение новых краеведческих музеев и обществ. Одной из основных причин роста краеведческих учреждений явилось закономерное слияние двух тенденций: продолжение традиций деятельности провинциальной интеллигенции в дореволюционный период и назревшая необходимость спасти и сохранить достояние национальной культуры, обреченное на гибель в горниле революции и гражданской войны. Благодаря активности энтузиастов краеведческого движения уже к концу 1920-х гг. организованное в 1924 г. в Свердловске Уральское областное бюро краеведения возглавляло деятельность 120 обществ различного масштаба, объединявших в своем составе около трех тысяч краеведов (Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф.677-р. Оп.1. Д.22. Л.106).

Члены краеведческих обществ остро ощущали необходимость спасения культурных ценностей, архивных фондов и памятников архитектуры. В 1925 г. при Уральском областном бюро краеведения была организована комиссия по охране памятников старины и искусства (Архив Свердловского областного краеведческого музея. Ф.5716/122, Л.10). Секретарь комиссии видный краевед А.А.Берс разработал программу учета памятников истории материальной культуры Уральской области (ГАСО. Ф.2111-р. Оп.1. Д.27. Л.30).

На заседаниях комиссии рассматривались вопросы охраны исторических объектов, например, домов декабристов Е.П.Оболенского и А.Е.Розена в Кургане (ГАСО. Ф.101. Оп.3. Д.191. Л.41-42). Большое внимание вызвал доклад краеведа Л.М.Каптерева о необходимости охраны памятников Далматова монастыря. В 1922 г. краеведами, ставившими задачу охраны архитектурных памятников и монастырской утвари, был основан Далматов-

ский музей-монастырь (Санкт-Петербургское отделение архива РАН. Ф.155. Оп.3. Д.191. Л.1). Музей возглавил местный учитель И.А. Иванча.

Краеведы Верхотурья приняли меры по охране Одигитриевской церкви, единственного дошедшего до нас памятника древнерусской деревянной архитектуры на Урале (ГАСО. Ф.233-р. Оп.1. Д.60. Л.23). Был спасен по инициативе краеведов Дом Боеводы в Соликамске, переданный для размещения экспозиции краеведческого музея (ГАСО. Ф.677-р. Оп.1. Д.22. Л.80). Много сделал для спасения культовых памятников Нижнего Тагила директор краеведческого музея А.Н.Словцов, вставший на защиту от сноса Входа-Иерусалимского собора и Выйско-Никольской церкви, творения великого Тона (Ганьжа С.В. «Был узником спецкорпуса» //Тагильский рабочий. 1992, 11-12 июня).

Краеведческие организации, накопившие значительный опыт в деле охраны памятников, обычно являлись поставщиками кадров для работы в музеях, архивах, памятникоохранительных учреждениях, экскурсионных объединениях. Особенно много сделали краеведы для музейного строительства. Тесная связь краеведческих обществ с музеями способствовала выполнению последними их основной функции — быть хранителем научных материалов о местном крае, лабораторией, в котором ведется его изучение, и могучим фактором просвещения, внедряющим достижения научных исследований в широкие народные массы. Деятельность краеведческих музеев и обществ проходила в тесном контакте, при участии одних и тех же лиц, зачастую сливаясь воедино.

Именно на Урале был создан один из первых в стране комплексных краеведческих музеев — Шадринское научное хранилище, опыт разнообразной работы которого под руководством В.П.Бирюкова был широко известен краеведческой общественности страны.

Много сделали краеведы Урала и для охраны документальных памятников. Еще в 1919 г. известный пермский краевед И.Г.Остроумов опубликовал статью «Архивы и музеи как государственное достояние». Выявлению и сохранению истори-

ческих архивов уделял внимание основатель Кунгурского общества краеведения Д.Н.Кузнецов; на защиту архива села Вильгорт близ Чердыни встал краевед И.А.Лунегов (Остроумов И.Г. Архивы и музеи как государственное достояние // Вестник просвещения. 1919. № 4. С.8-9; Кунгурский филиал ГАПО. Ф.78-р. Оп.1. Д.2. Л.46; Научный архив Чердынского краеведческого музея. Д.4428/18. Л.16).

Руководитель Кружка по изучению Северного края при Пермском университете профессор П.С.Богословский в своей едва ли ни уникальной в отечественном источниковедении статье указывал на значение таких материалов, как консисторские архивы (метрики, исповедальные и т.д.) для изучения народонаселения, истории быта, генеалогии (Богословский П.С. О научно-краеведческом изучении консисторских архивов // Краеведение. 1926. № 4. С.527-528).

Особенно много сделали уральские краеведы для изучения этнографии, фольклора, народного искусства, промыслов, сохранения памяти о красоте народных обычаев, традиций, верований. Их деятельность способствовала сохранению народной культуры. П.С.Богословский писал: «Изучение народной жизни — одна из основных проблем краеведения. Долг краеведа — сохранить для научного исследования обломки уходящего быта, особенно умирающую народную поэтическую старину» (Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып.1. С.128).

Уральские краеведы, как и члены краеведческих организаций других регионов, с горечью отмечали, что после революции крестьянская культура, восприняв культуру городских низов, порождает сквернословие, хулиганство, пьянство.

Именно такие объективные оценки окружающей действительности послужили одной из причин репрессий, обрушившихся на краеведов в конце 1920-х гг. По краеведам, составлявшим в этот период значительный отряд российской интеллигенции, был направлен один из первых ударов тоталитарного государства.

Краеведы обвинялись в идеализации буржуазно-помещичьего строя, «идеалистическом мракобесии, пропаганде рели-

гии», «явно контрреволюционной трактовке исторического материала» (Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново, 1931).

Многие уральские краеведы, происходившие из среды старой интеллигенции, духовенства и купечества, подверглись арестам, были отлучены от любимого дела и вынуждены заняться поисками нового места работы.

Еще в 1931 г. был арестован защитник Далматовского монастыря И.А.Иванча, в 1934 г. обвинен как создатель и руководитель антисоветской группировки в музее А.Н.Словцов, в 1935 г. репрессиям подвергся П.С.Богословский, в 1937 г. расстрелян в лагере А.А. Берс.

Ликвидация краеведческих обществ, аресты и гибель краеведов, носителей традиций, защитников историко-культурного наследия Урала нанесло непоправимый ущерб науке и культуре региона.

Талашова Н.С.

Ивановский университет

ИНТЕЛЛИГЕНТ ПРОВИНЦИИ ПЛУТАРХ В ОЦЕНКЕ К. МАРКСА

Вопрос об интеллигенции сравнительно недавно исследуется в нашей исторической науке. Ученые долго не могли выработать общих исходных позиций по вопросам — что такое интеллигенция и когда она появилась в истории.

Если считать, что интеллигенция создает и сохраняет духовные ценности, ее возникновение можно связать с развитием социума, когда появляются люди, обслуживающие интеллектуальные потребности общества. В процессе исторического развития интеллигенция принимает все более активное участие в целенаправленном создании культуры как системы общечеловеческих ценностей.

В античном мире интеллигенция сначала появилась в Греции, затем в Риме. Провинциальным интеллигентом в Римской империи 1-11 вв. н.э. был Плутарх, проживший почти всю жизнь в маленьком городке Хоронен.

Горячий патриот своего города, один из образованнейших людей своего времени (прекрасно знал философию, литературу, музыку), Плутарх был частью «греческого Возрождения», для которого были характерны повышенный интерес к моральной проблематике, религиозно-нравственные искания, культ эллинской старины, стремление к просвещению, уважение к традиции. Плутарх стремился обратить свою образованность на благо родной Хоронен и всей Греции, прославляя историческое прошлое Эллады. В своих сочинениях — «Сравнительных жизнеописаниях» и «Нравственных сочинениях» или «Моралиях», обращаясь прежде всего к вопросам этики человека, он учил людей жить, научая их добродетелям и умению подавлять в себе пороки — жадность, завистливость, болтливость, раздражительность и др. Исповедуя принцип Цицерона «История — учительница жизни», Плутарх изображал человека в истории, настойчиво воспитывал своих читателей, желая исправить их нравы. Плутарх — это интеллигент в самосознании и осознании жизни, он создает традиции осмысления общечеловеческих ценностей в жизни.

Каждая эпоха находила у Плутарха созвучные себе идеи, но всегда людей привлекал в произведениях римского историка культ гражданских и общечеловеческих добродетелей. Декабристы признавали влияние на них гражданских идей Плутарха. Плутарх был любимым чтением в XVIII — XIX веках.

Имя Плутарха встречается и в произведениях Карла Маркса в разные годы. Первый раз — при написании докторской диссертации, второй — в работе «Немецкая идеология» (т.3, с.127), третий и четвертый — в переписке (т.29, с.447 — письмо к Ф.Лассалю; т.35, с.55 — письмо к Ф.Энгельсу) и последний — в конспекте книги Л.Г. Моргана «Древнее общество». К. Маркс любил в переписке использовать крылатые выражения из Горация, Ювенала, Теренция, Вергилия из произведений гречес-

ких философов. Редкое обращение к Плутарху, видимо, имело свои причины.

Плутарх нелицеприятно характеризуется К. Марксом при написании докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

Маркс в тетрадах по эпикурейской философии конспектирует сочинение Плутарха «О том, что следуя Эпикуру невозможно жить счастливо» со своими замечаниями. Эти замечания по поводу трактата Плутарха довольно резкие. Маркс обвиняет автора в «грубой хвастливости», нелепом истолковании эпикурейской философии, в «полной неспособности к философской критике», в том, что тот «пустословит, он рассуждает, как подмастерье» (т.40, с.52-53). Маркс даже пишет по поводу рассуждений Плутарха: «Как жалок по сравнению с этим решительным, здоровым индивидуумом какой-то Плутарх, который припоминает Эсхила, Еврипида и даже врача Гиппократ, лишь бы только не наслаждаться здоровьем!» (т.40, с.64). Маркс употребляет такие характеристики как «елейные слова Плутарха» (с.72), имманентная, самодоволевляющая глупость блаженного Плутарха (с.83), «Плутарха по его философским взглядам мы можем причислить к обыденным людям» (с.83), Плутарх бросает... глупые реплики, достойные самого ограниченного деревенского школьного учителя» (с.86). Сравнивая Лукреция, свежего, смелого, поэтического властителя мира с Плутархом, «прикрывающим свое мелкое «я» снегом и льдом морали» Маркс в их оценках Демонстрирует свое понимание предназначения человека. Он писал о Плутархе, как униженно гнущем спину индивиду, о «классной комнате» Плутарха, выйдя из которой человек чувствуют себя нравственнее и свободнее... (т.40, с.91). Плутарх, в оценке Маркса, предстает как человек, вечно копающийся в самом себе вместо того, чтобы быть «творцом мира» (т.40, с.91). Лукреций, философски понимающий Эпикура, в отличие от Плутарха обладает, по мнению Маркса, «первой основой философского исследования» — «смелым свободным духом» (т.40, с.92).

В тексте докторской диссертации таких высказываний нет, но, правда, сохранившаяся часть рукописи обрывается на интерпретации мыслей Плутарха. Во введении есть замечание о «болтовне Цицерона и Плутарха», которую продолжают повторять до настоящего времени (т. 40, с. 152), а в примечании Маркс обрушивается на моралистическую манеру, «сладостные морализирующие мечтания» Плутарха (т.40, с.208-209). Такое замечание по поводу Плутарха делается Марксом на основе биографии Мария, замечание, если обратиться к тексту самого Плутарха (Плутарх. Марий, XXI), несправедливое и натянутое.

Маркс, написавший докторскую диссертацию о греческой философии самосознания, заявляет о себе как создателе нового сознания, революционного вызова обществу и его религии. Готовясь к борьбе, он бросает вызов традициям общечеловеческой этики.

Воплощением этих традиций для общества был Плутарх, Маркс обрушивает на него свой насмешливый язвительный гнев; позднее он, хорошо знавший античную философию, литературу по отношению к нему прибег к формуле умолчания. Около 180 раз встречаются античные реминисценции в переписке Маркса, множество античных сюжетов в его публицистике и научных трудах, но Плутарха он невзлюбил еще в юности — греческий интеллигент Плутарх стал для Маркса «*persona non grata*».

О.В. Топоркова (Прони)

Учитель средней школы, Среднеуральск

ВЛАСТЬ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ УРАЛА В НАЧАЛЕ 20-Х ГГ.

Процесс политического и идеологического завоевания высшей школы начался сразу после прихода большевиков к власти, но в период гражданской войны перед руководством страны стояли другие, более важные проблемы, и главная из них —

любой ценой удержаться у власти. После того, как эта задача была решена, партия и Советское правительство получили возможность вплотную заняться реорганизацией высшего образования.

Весной 1921 г. появилось «Положение об управлении высшими учебными заведениями республики», а 2 сентября 1921 г. В.И. Ленин подписал первый советский Устав высшей школы, главная идея которого заключалась в полном подчинении университетской системы интересам новой власти.

Согласно «Положению», ставшему основной частью Устава, во всех ВУЗах страны начались перевыборы ректоров и членов Правления. Перед местными партийными органами встала сложная задача — попытаться повлиять на эти выборы и провести на должность ректора конкретного ВУЗа кандидатуру коммуниста. Так как ректор нес единоличную ответственность за высшее учебное заведение и мог отдавать обязательные распоряжения от своего имени, было очевидно, что от его политической ориентации и состава Правления зависит и идеологическое содержание лекций, и выполнение директив партии и правительства, и отношение к пролетарскому студенчеству — то есть судьба образовательной реформы в данном ВУЗе. Между тем реальное влияние партийных ячеек на настроения профессуры было крайне незначительным. Так, в Пермском государственном университете из всего профессорско-преподавательского состава, насчитывающего 211 человек, в том числе 52 профессора, по состоянию на 1921 год было всего 5 коммунистов, а вместе со студентами — 40 членов и кандидатов в члены партии при 2296 студентах. (Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г. Первый на Урале Пермский государственный университет. 1916-1986. Пермь, 1987. С.25). Пермский губернский исполком при содействии отдела народного образования попытался административно назначить своего кандидата на должность ректора, что вызвало возмущение и сопротивление всего преподавательского состава ПТУ. После обращения профессоров к заведующему отделом ВУЗ Главпрофобра Волгину была получена директива о том, что «крутые перемены в ВУЗе

пока нежелательны», а местный исполком не должен превышать свои полномочия, так как назначение ректора не входит в его компетенцию. (ГАПО. Ф.Р-180. Оп.1. Д.9 Л.20).

После вмешательства Москвы положение стабилизировалось, ректором стал беспартийный профессор А.А.Рихтер, который и возглавлял ВУЗ до 1923 г. Правда, в члены Правления, помимо профессора В.В. Чирковского, парторганизации удалось провести коммуниста С.Н. Седых. В феврале 1923 г. ректором снова был утвержден беспартийный — профессор В.К.Шмидт. Только к концу 1924 г. партячейка сумела достичь поставленной цели, и должность ректора ПГУ занял С.Н.Седых, член партии с 1917 года, преподаватель истории ВКП(б) и основ ленинизма.

Несмотря на приверженность кадетским взглядам и открытое неприятие политики Советской власти в высшей школе, пермская профессура практически не пострадала от местного ОГПУ в этот период, в отличие от своих коллег из Уральского университета.

Как известно, с 1922 по 1924 год в УГУ наблюдалась кризисная ситуация, которая выразилась в противостоянии Правления университета во главе с коммунистом Б.В. Дидковским — с одной стороны, и беспартийной профессуры — с другой. Дидковский был назначен ректором в 1921 г., так как являлся членом РКП(б) и обладал хорошей хозяйственной хваткой. За время своего правления он значительно улучшил материальную базу университета. Однако его политика мелочных придилок по отношению к профессуре наталкивалась на полное непонимание беспартийных коллег. К моменту выборов Правления весной 1923 г. их недовольство достигло критического уровня. Но вследствие «допущения неправильности на предвыборном собрании профессоров и преподавателей при выборах членов Правления», как выразился профессор К.К.Матвеев, ректором снова стал Б.В. Дидковский (ГАСО. Ф.227. Оп.1. Д.104. Л.21). В знак протеста профессорско-преподавательский состав отказался направить своего представителя в Правление.

Уралбюро ЦК РКП(б), проанализировав сложившуюся ситуацию, пришло к выводу не рекомендовать Дидковского на должность ректора. После этого обстановка несколько разрядилась. Но принципиальных изменений произойти не могло, так как ректором стал коммунист В.В. Алферов, который, стараясь избегать крайностей, продолжил политику своего предшественника.

К зачинщикам беспорядков были приняты жесткие административные меры. Местный отдел ГПУ принял решение о высылке за пределы Урала профессоров А.А. Гапеева и И.А. Левина, оставив им право преподавания в высшей школе. Несмотря на то, что абсолютное большинство профессоров и преподавателей УГУ было беспартийным, во главе университета утвердили Правление, состоявшее в основном из коммунистов и впоследствии активно проводившее политику советизации ВУЗа.

Таким образом, представители уральской научной интеллигенции, столкнувшись с неограниченной властью местных партийных организаций, должны были либо полностью подчиниться и не сопротивляться реорганизации высшего образования, либо обратиться за помощью в Москву, чтобы защитить себя от произвола. Проводимая партией реформа высшей школы была, безусловно, очень болезненной для старой беспартийной интеллигенции, а местные партийные лидеры зачастую доводили некоторые ее аспекты до крайности, делая жизнь профессуры в провинции невыносимой. Профессор В.Е.Грум-Гржимайло писал в 1924 году о своих коллегах: «Все это создает такую атмосферу в провинции, что Обломов побежал в Питер и Москву, под защиту главарей революции, где, конечно, эти издевательства не имеют места» (Из бумаг металлурга В.Е. Грум-Гржимайло // Минувшее: исторический альманах 2. М, 1990. С.296). Интеллигенту в провинции требовалось огромное мужество, чтобы не покинуть конкретный ВУЗ или систему образования вообще.

Со временем и в центре, и в провинции партийным организациям удалось в основном установить контроль над руково-

дящими органами ВУЗов и реорганизовать систему высшего образования в духе коммунистической идеологии.

С.Г. Тушин

*Информационно-аналитический центр
администрации г. Екатеринбурга*

О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПРОВИНЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Особенности исторического, политического, социально-экономического развития российского государства в большой степени предопределили специфические особенности интеллигенции столичной и интеллигенции провинции. В столице интеллигенция рассматривает себя в качестве некой духовной элиты, которая и по занимаемому положению и по своим интеллектуальным, моральным, нравственным потенциям, по степени своей значимости имеет право претендовать на духовную элитарность, претендовать на то, чтобы предопределять вектор духовного развития общества и идеологию — государства. При этом предметом особой гордости столичной интеллигенции является некая отстраненность ее от власти и соответственно близость к народу. В последнем столичная интеллигенция является традиционной русской, «Веховской».

Возникает вопрос о необходимости корректировок самооценок столичной интеллигенции и соответственно подходов к ее принципам и базовым установкам, необходимости передачи или разделения ею позиции духовного лидерства, «субсидиарности» — перераспределения, трансляции на возможно более низкий уровень социальных функций интеллигенции. Необходимости возникшей, хотя бы по причине безверия, цинизма и бездуховности, имеющегося в обществе.

Интеллигенция провинции сама по себе имеет несколько иную, локальную, может быть даже местечковую роль — образование населения, сохранение местных культурно-нравствен-

ных традиций. Но отсутствие глобализма (но не масштабности) задач во многом оберегают провинциальную интеллигенцию от вируса восторженного самосозерцания своей значимости. Интеллигенция провинции не боится «испачкаться» властью, идет на контакт с ней, идет во власть и от этого имеет больше возможностей влиять на нее, использовать потенциал властных структур для достижения собственно целей и задач интеллигенции на нынешнем этапе развития Российской государственности и общества — сохранение отечественного духовного потенциала, сохранение с необходимой трансформацией устоявшихся и создание новых ценностных ориентиров российского человека.

Наиболее полно и эффективно реализовать локальные задачи провинциальной интеллигенции может помочь местное самоуправление, как некая традиционная составляющая российской общественной жизни, как тот уровень, на котором интеллигенция может вести непосредственный разговор с народом. Географическая масштабность Отечества и отдельных субъектов федерации не позволяет даже в условиях информационного взрыва и развивающихся коммуникационных сетей вести интеллигенции диалог с народом. Местное самоуправление по определению включает в себя ответственность за культурное, духовное, нравственное состояние провинции, несет в себе исторические традиции земства, имеет отлаженную систему связей внутри органов местного самоуправления. Потенциал местного самоуправления, закрепленный конституционно и законодательно реально не востребован, во многом по причине искоренения традиций самоорганизации в российском обществе. Одной из задач провинциальной интеллигенции и является помочь осознать и дать возможность воспользоваться государству, обществу, народу этим потенциалом. Одновременно предостерегая от опасности поиска универсальной панацеи простых одномерных решений. «Сильная государственная власть», «реальный федерализм», «местное самоуправление» — понятия, ставшие общеупотребительными, не должны становиться инструментом в политической борьбе, а быть самоценными в оп-

тимальном сочетании, учитывающем взаимные интересы, уровень социально-экономического развития государства, что может позволить создать необходимые условия для реализации потенциала российского народа, Российского государства.

Интеллигенция провинции оказалась более вписываемой в новую систему экономических взаимоотношений, что позволяет ей сохранять свою независимость и одновременно менее восприимчивой к разлагающему потоку материальных благ. Это во многом избавило ее от необходимости «сниматься в рекламных роликах» новой России и обеспечило относительно высокую степень сохранения интеллигентской микросреды, в смысле недопущения в нее представителей, обладающих формальными (высшее образование, даже меценатство и благотворительность), но не сущностными чертами интеллигента. Это не останавливает ни в коей мере саморазвитие интеллигенции провинции, не сделало ее закрытой социальной группой, а скорее позволяет обеспечивать преемственность и сохранение традиций для «новой (по возрасту не захватившей советского периода) русской интеллигенции».

При всех положительных составляющих провинциальной интеллигенции имеется различный, по сравнению со столичной интеллигенцией, уровень возможности для приобщения к общероссийским и общемировым культурным ценностям, к основным внутрироссийским и мировым информационным потокам. Социально-экономические условия сегодняшней действительности еще более сужают информационное и культурное поле. В этой связи наиболее актуальным видится доступ как технической, так и гуманитарной интеллигенции провинции к современным информационным сетям, в первую очередь к Internet, для оптимального использования их информационных и коммуникационных возможностей для межрегиональных и межгосударственных контактов.

С.М. Усманов
Ивановский университет

ЖУРНАЛ «ПРОВИНЦИЯ» И ОРИЕНТИРЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГГ.

Петербургский журнал «Провинция» возник во время русско-японской войны и начинавшейся в России революции. Это издание как бы выросло из опыта деятельности редактора журнала «Беседа», известного литератора и публициста И.И. Ясинского (Независимого), стремившегося напрямую обращаться к провинциальной интеллигенции.

Хотя в советской историографии Ясинского-публициста начала XX в. относили к консервативному лагерю, содержание журнала «Провинция» показывает нечто иное. Редакция журнала не просто отражала жизнь провинции и знакомила российских читателей с ее делами и проблемами. Она пыталась внести в сознание провинциалов некоторые понятия и ценности, выходявшие за рамки сложившихся прежде устоев. И потому «Провинция» по своему замыслу и самоопределению представляла собой «политический журнал».

Взгляд «Провинции» на войну имел свои особенности. Здесь не было постановки вопроса о российских государственных интересах на Востоке. Не проявлялось внимания к сложностям мировой политики, связанных с войной, в том числе к маневрам западных держав, зачастую приобретавших антироссийскую направленность.

Разговор «Провинции» о войне был лишь поводом для рассмотрения внутрироссийских проблем, обоснования необходимости устройства «гражданской жизни». Журнал ставил вопрос — «зачем мы терпим поражения?» — для того, чтобы развернуть обличение существовавших в России порядков. Больше того, подвергались осуждению распространенные общественные настроения («наше умонастроение, чуждающееся какой

бы то ни было критики правительственных мероприятий, избегающее участия в гражданских движениях и выражающееся в безучастном ко всему, вредном и тупом шовинизме /.../». На этом фоне Япония была выставлена как образец «культурности» и «патриотизма».

Таким образом, журнал не только фиксировал то, «что думают и делают в провинции», как подчеркивалось в подзаголовке его названия. Он предпринимал усилия к тому, чтобы очень кратко и ясно изложить провинциалам необходимость политического переустройства в стране, изменив соответствующим образом их ценностные ориентиры.

Уже в то время одним из важных методов в достижении политических целей стало для различных органов прессы проведение опросов собственных читателей. В феврале 1905 г. «Провинция» поставила перед своими читателями вопрос о мире, а затем объявила — подписчики выступают за «мир и союз» с Японией. В этом начинании журнал противостоял правым изданиям, заявлявшим о получении совершенно противоположных результатов.

В целом материалы журнала «Провинция» шли в русле тех настроений, которые нарастали в среде русской интеллигенции в 1905 г.: обличать самодержавие и возлагать на него ответственность за неудачную войну.

В.Л. Усманова

Оренбургская партийная академия

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЫ

В 30-е годы происходил процесс формирования инженерно-технической интеллигенции, способной решить поставленные хозяйственные задачи и целиком подчиненной целям

командно-административной системы. В этом процессе можно выделить следующие основные тенденции: наряду с широко-масштабной подготовкой инженеров и техников велась идеологическая работа партии среди ИТР с целью внедрения коммунистической идеологии и морали прежде всего через систему партийно-политического просвещения. Осуществлялось воздействие на их общественную активность посредством вовлечения в работу профсоюзных, а также других общественных организаций. При этом для интенсификации инженерно-технического труда широко использовался мировоззренческий фактор.

При анализе этих тенденций развития ИТР ясно прослеживается их противоречивость. Прежде всего ускоренная система подготовки специалистов новой формации была связана не только с нуждами развития производства, но и с задачей вытеснения старой интеллигенции с ее прежних позиций в экономике страны. В итоге, на смену специалисту широкого профиля, общей высокой культуры, пришел узкоспециализированный инженер, доучивавшийся конкретно на производстве. Дискриминации и репрессии по отношению к «старым» специалистам расчищали место для инженеров рабоче-крестьянского происхождения, но при этом разрывалась связь между двумя поколениями российской интеллигенции. Кроме того, система террора и страха сказывалась и на специалистах новой формации.

Партийно-государственное воздействие на процесс общественной активизации ИТР порождало другую группу противоречий. Так, постановка под партийно-государственный контроль общественных организаций инженеров и техников, на первый взгляд, обеспечивало условия для их процветания. Однако административно-командная система по мере своего укрепления приходит в противоречие с относительной самостоятельностью их существования. В итоге общественные организации инженерно-технических работников ликвидируются.

Вовлечение ИТР в ряды ВКП(б), способствуя улучшению качества руководства народным хозяйством, имело обратную сторону, так как это породило в рядах инженеров целый слой

карьеристов-»общественников». Использование идеологических факторов для интенсификации инженерно-технического труда при недостаточном материальном стимулировании, с одной стороны, приводило к слабой эффективности этой политики. С другой — создавались возможности для выдвижения в командный состав промышленных кадров и формирования впоследствии номенклатуры. При этом часть ИТР, не попавшая в «актив», по уровню и образу жизни начинает сближаться с рабочими, резко отличаясь от инженеров, вошедших в партийную элиту.

Л.А. Фадеева

Пермский университет

ИНТЕЛЛИГЕНТ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ: ПОНЯТИЙНЫЙ АСПЕКТ

В современных дискуссиях об интеллигенции с резко критичным «веховским» видением этой категории совпадает взгляд на русскую интеллигенцию как на «общественно инфантильный нарцисс, замкнутый, самодостаточный «орден» (М.Колеров), «явно мистифицированную» группу не профессионалов, самозванных учителей жизни, неприкаянных устроителей общественного благоденствия» (А.Быстрицкий), «образованные классы», которым присущи «идеализм, социальный утопизм, иррационализм в помыслах и действиях» (А.Кива).

С другой стороны, все активнее предлагаются и принципиально иные определения: «интеллигент — душа и ум мира» (А.Бузгалин), «интеллигенция — это не просто образованные люди, это не профессионалы, а революционеры, перестройщики» (Ю.Бородай), «особого рода партия образованных людей, объединенных общим умонастроением» (В.Межуев). Придать позитивное содержание понятию «интеллигенция» призывают многие авторы. Д.С.Лихачев дает следующее определение: «Интеллигент — представитель профессии, связанной с умственным трудом, и обладающий умственной порядочностью». Т.На-

умова считает необходимым дополнить характеристику интеллигенции как особой социальной группы людей, занятых интеллектуальным трудом, наличием интеллигентности, то есть подвижничества, гражданского чувства, высокой нравственности, обширных и разносторонних знаний.

Действительно, в представлении об интеллигенции социальные, профессиональные и образовательные параметры соединяются с этико-нравственными. Однако, на мой взгляд, приписывание интеллигентам таких замечательных черт скорее затрудняет, нежели помогает защитить интеллигенцию от нападков. В самом деле, мыслимо ли обнаружить, спускаясь с теоретических высот в историческую реальность, десятки, если не сотни тысяч людей с такого рода идеальными чертами? Еще задолго до революционных катаклизмов Н.К.Михайловский с горечью говорил: «Я далек от мысли объявлять нашу интеллигенцию стоящей на высоте своего призвания: тупость, мракобесие, клеветничество, ложь, клевета, донос, всего этого у нас вдоволь, и все это получает особенно паскудный характер по сравнению с той высокой ролью, которую могла бы играть русская интеллигенция».

Даже в верхнем слое мыслителей и властителей думать нелегко найти ангелов во плоти, не случайно слабости и пороки их с упоением смакуются обывателем со времен скандальной книги Н.Успенского. А одним из последних примеров такого рода может послужить книга бывшего редактора «Нью Стейтсмен» Пола Джонсона, изрядно поправившего в последнее время. Она названа «Интеллигенты» и содержит портреты людей из разных стран, которых автор называет интеллигентами и характеризует так, что каждый герой выходит негодяем и самозванцем, заслуживающим беспощадного поношения. Замечательную отповедь Джонсону дал английский же публицист Д.Рейфилд, сказав: «Тот факт, что интеллигенты часто обманывались и ошибались, приближает их к нам: при всей своей гениальности они были человеческими существами».

На мой взгляд, наиболее удачной из дореволюционных дефиниций интеллигенции была трактовка ее Д.Н.Овсяннико-Ку-

ликовским как особой среды, где вырабатываются умственные блага, так называемые «духовные ценности», поскольку в этом определении упор делается на группу, а не на отдельных индивидов. Именно группа являлась носителем общечеловеческих ценностей и стремилась распространить их в обществе. Таким образом, интеллигентность можно рассматривать скорее всего как особый идеал, который вполне сопоставим с идеалом «образованного класса» других стран. Бытующее в нашей интеллектуальной среде представление, что возможное приближение нашей интеллигенции к западному «образованному классу» означает крушение и лишение идеалов, глубоко ошибочно, поскольку «образованный класс» каждой страны и в целом, и отдельные его части обладали и обладают не только своими интересами и целями, но и собственными идеалами и устремлениями. И вполне посильная задача для историка — сравнить, сопоставить идеи, идеалы и ценности «образованного слоя» разных стран.

Русские мыслители начала века были в массе своей значительно менее категоричны относительно «особости» России и уникальности русской интеллигенции. Например, П.Б.Струве и П.Н.Милюков, несмотря на различия в оценке интеллигенции, сходились в том, что она состоит из различных слоев и групп, некоторые из которых, безусловно, существуют во всех более или менее развитых странах. «Интеллигенция вовсе не есть явление специфически русское, — утверждал Милюков. — Ведь и во всех других странах интеллигенция, как отдельная общественная группа, возникала, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с совершенствованием государственно-общественного механизма и демократизацией управления создавали потребность в специализации и профессиональной группировке интеллигентского труда». По его мнению, эволюция интеллигентского духа в других странах представляет ряд любопытных аналогий с нашей историей.

При анализе интеллигенции следует учитывать не только идейно-политические, но и профессиональные, образовательные, квалификационные характеристики. Даже беглый обзор

российской прессы рубежа XIX-XX вв. показывает, что интеллигенция не чуждалась обсуждения профессиональных вопросов, была в курсе аналогичных проблем западного «образованного класса». Подобно тому, как в борьбе за свободу слова и конституцию она апеллировала к западному парламентаризму, в профессиональном плане интеллигенты брали за образец англосаксонские профессиональные ассоциации, добившиеся автономии, контроля за доступом в профессию и за уровнем профессионального образования и квалификации. Так, русских адвокатов вдохновляли статус и права английских и американских барристеров. И напротив, отступление от профессиональных норм и правил вызывало осуждение. Лишь диффамация социального и профессионального продвижения в советскую эпоху привела к изъятию профессиональных этических ценностей из комплекса интеллигентности.

А. Федорова

Оренбургский аграрный университет

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Единственным творческим союзом бывшего Советского Союза, который не разбежался по национальным квартирам после известных событий 1991 г. оказался Союз художников. Он просто трансформировался в конфедерацию. В настоящий момент появилось несколько творческих проектов как внутри самой конференции, так и с привлечением творческих объединений и отдельных художников стран дальнего зарубежья, реализация которых позволит создать более открытые отношения между народами многих стран и выйти на более высокий уровень духовности. К подобным относится и проект «Интерформ ЕвроАзия — АРТ, Россия — Оренбург».

Для создания центра культуры и искусств было предложено несколько территорий от Челябинска до Байкала. Орен-

бург оказался наиболее приемлемым для реализации задач этого проекта, так как лежит на стыке двух мировых цивилизаций, а значит, различных по глубине и пониманию культур.

Спонсорами проекта стали РАО «Газпром», банк «Восток», АО «Сибирьлес», заводы Среднего Урала, в том числе и АО «Уралмаш», глазная клиника С.Федорова и корпорация «Кора».

В числе авторов «Интерформ ЕвроАзия — АРТ» входят Международная конфедерация художников СНГ, Российская государственная Третьяковская галерея, Оренбургское отделение Союза художников России и другие.

Проект предусматривает на базе трех сельских районов Оренбургской области создать постоянно действующий центр культуры и искусства, где в летнее время могли бы работать художники из различных государств мира. В 1996 г. получено согласие о приезде художников из стран Прибалтики, Канады, Австрии, Казахстана и Узбекистана. Всего около тридцати человек.

Много сил реализации проекта уделяет Энгель Исхаков, узбекский художник, русский авангардист, президент академии Шаман — Арт, которая уже несколько лет работает при Российской государственной Третьяковской галерее. Администрация Оренбургской области пожелала войти соучредителем этого проекта.

Более тесными становятся творческие связи оренбургских художников с коллегами из дальнего зарубежья и особенно из Франции. Посещать художественную Мекку оренбургским живописцам помогает Администрация Оренбургской области. В ноябре 1996 г. из Парижа вернулись председатель правления Оренбургского отделения Союза художников А.Васильченко, директор галереи «Оренбург» Ю. Рысухин, члены Союза художников М.Борисова и Александр Масловский.

15 июня 1995 г. управлением юстиции Оренбургской области зарегистрирован Союз литераторов Оренбуржья — новая писательская организация, уже зарекомендовавшая себя активным проведением есенинских чтений и признанная в ряде городов и областей России, вошедшая также в движение «Воз-

рождение Оренбуржья». Очень интересны совпадения: именно 15 июня 1918 г. в Оренбуржье был создан по инициативе Н.А.финогенова (Н.Степной) Союз литераторов и журналистов Оренбургского края. В 1922 г. именно 15 июня по инициативе писателей Антонова (Изгнанник) и Лидии Сейфулиной был создан Союз поэтов, писателей, журналистов. Третья попытка привела к созданию Союза литераторов Оренбуржья.

В СЛО входит более 30 писателей, филологов, критиков, журналистов. СЛО провело свободные есенинские чтения, юбилей писателя А.Г.Рыбина, пресс-конференцию, презентацию книги Н.Веркашанцевой «Струна» — о бардах Оренбуржья с концертом, встречу с редакторами всех областных газет — «Газета и литература». Готовятся — Всероссийский турнир поэтов, в жюри предполагается приезд Евгения Евтушенко, Риммы Казаковой и Лиры Ерошевской. Лира Ерошевская родилась в г. Соль-Илецке, выпускница Оренбургского сельскохозяйственного института (1961 г.), проживает в настоящее время в г. Москве, автор шести книг. Готовятся также выезды литературно-концертных бригад в районы Оренбуржья, издание рукописей.

Плодотворно работают сельские литераторы. 24 октября 1996 г. в селе Саратовка Соль-Илецкого района проводилась презентация книги Валентины Рузавиной «Грусть и радость». В Оренбуржье широко известна подвижническая деятельность В.Рузавиной. Валентина Васильевна не только поэт, но и директор школы.

Высоко оценена российской общественностью и деятельность оренбургских театров, в частности кукольного. На III Всероссийском съезде Союза театральных деятелей России председателем Оренбургской организации СТД Владимира Флейшера избрали членом Центрального правления.

Возрождая сильное и богатое Оренбуржье, оренбуржцы возрождают и свои культурные традиции.

А.А. Федоровских
Уральский университет

САКРАЛЬНЫЙ И ПРОФАННЫЙ АСПЕКТ ДУХОВНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ МИССИИ ИНТЕЛЛИГЕНТА В ПРОВИНЦИИ

Интеллигент в провинции живет иной жизнью, чем интеллигент в столице. Эта инаковость вызвана иным ритмом, иным стилем жизни, иной скоростью обмена информацией. Провинция консервативнее, а, следовательно, более традиционна. Некие духовные архетипы (архетип по Юнгу: «...является непредставимым бессознательным, пресуществующей формой, являющейся частью наследованной структуры психического бытия...» (Юнг К. Г. Аналитическая психология. С.-Петербург. 1994. С.123)) здесь более заметны из-за того, что четко и часто проявляются и поэтому могут быть зафиксированы.

Провинция более традиционна и опирается на определенные сакральные ценности, главным накопителем и интерпретатором которых является интеллигенция (хотя, все более усиливается роль Православной церкви).

Интеллигенция является носителем знания и культуры. Знание -- это не только научные результаты, но в нем закрепляются духовные, житейские, художественные достижения. Знание, которым обладает интеллигенция, несомненно носит характер сакрального. Сакральное, священное — реальность, проявляющаяся как нечто совершенно иное, отличное от мирского, и противопоставленное мирскому, и связанное с религиозным опытом. В знании есть определенный язык, определенные ритуалы, непонятные непосвященному.

В системе знания духовность занимает главенствующие место. Ее значение для интеллигента несомненно. Она является эталоном, идеальным образцом. Идеальный же образец всегда сакрален. Когда же интеллигент прилагает усилия для внедрения этого образца, то он несомненно упрощает и тем самым

профанирует его. Духовные ценности не становятся от этого хуже, они становятся понятнее для большинства. Это основа создаваемых социальных идеалов, необходимых обществу. В этом один из аспектов социальной роли интеллигента.

Касается это и других проявлений знания. Чем качественнее и выше уровень знания, тем более оно сакрально. При его передаче многим оно десакрализуется и на самых низших, бытовых уровнях носит характер профанного. Профанное, мирское — повседневная, обычная реальность, обыденное течение жизни человека.

Но часть знаний, предназначенных для передачи ученикам или совсем не предназначенная для передачи, является строго сакральной. Оно есть основа для порождения нового знания, то есть для интерпретации. Интерпретация, скажем мы, это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении...» (Рикер Поль. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. «Academia — Центр», «МЕДИУМ». М., 1995. С.18). Именно поэтому невозможно полностью профанировать знания. Всегда будет создаваться новое, в силу своей специфики не предназначенное для многих. В этом социальная функция интеллигента: воспроизведение знаний, их сохранение и передача не только на профанном, но и сакральном уровне, который является стержневым.

Вышеизложенное касается интеллигенции в целом. Особенностью провинциальной интеллигенции является связь с «местной» культурой, ее возделывание и хранение. Консервативность, традиционность интеллигенции в провинции помогает сохранить культуру как таковую, потому что ее суть в многообразии и различии. Сакральное связано с бессознательным, с архетипами данного «места» (место — это не только географический аспект, но и национальный, экономический, духовный и т.д.). Народ данной провинции носитель, а интеллигенция создатель и охранитель культуры, в том числе и в ее сакральном аспекте.

М.А. Фельдман

Уральская лесотехническая академия

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Осуждение интеллигенции за антигосударственное мышление и действия стало обычным в публицистике и научной литературе. Действительно, на протяжении XIX-XX вв. интеллигенция рассматривала себя как оппозицию власти. Объединяющей идеей этой части интеллигенции, начиная с Радищева и кончая марксистами, — стала мечта о разрушении старой России и построение на ее обломках нового мира. Наиболее полно этот феномен исследован Н.А. Бердяевым в книге «Истоки и смысл русского коммунизма». Противоборство части интеллигенции с государством подталкивало страну к цивилизационному кризису.

Не следует однако забывать и об еще одной составляющей данного кризиса: постоянного давления, противоборства государственной власти с интеллигенцией.

Выделим некоторые этапы.

1. 60-70-е гг. XVIII в. узкий, только народившийся слой интеллигенции привлечен «просвещенной» царицей к участию в работе журналов, вольного экономического общества, конкурсам экономических и культурных проектов. Гласность на марше. С конца 80-х гг. Екатерина II проводит политику репрессий. Пресветители оказываются не у дел. Многие — «далече»;

2. Начало нового века дает мыслителя европейского масштаба — М.М. Сперанского, переложившего случайные высказывания Александра I на язык законов и в проект Конституции. Конечно, история знает и более суровые примеры расправы монархов с теми, кто приносил пользу Отечеству. Но все же, случай памятен.

3. Сегодня стало ясно: не существовало дворянских революционеров-декабристов до 1821 г. Не существовало до тех пор, пока царь, два десятилетия завлекавший образованный слой общества проектами реформ, демонстративно не отрекся от преобразований. Отметим и другое. Типичный случай в ис-

тории России: имперские программы и обязательства в 1821 г. перекрывают саму возможность реформ.

4. Не существовало и выдуманного советской историографией революционера М. Петрашевского. Был литературный кружок с такими «карбонариями» как Достоевский, Плещеев, Майков. Неадекватность наказания не за поступок, — за мысль столь очевидна, что толкает ряд интеллигентов к эмиграции. Эмиграция интеллигентов станет постоянной величиной российской жизни.

5. Есть особая страница отношений власти и интеллигенции. Речь идет о запрете Николая I на преподавание философии в вузах. Данный запрет на ряд десятилетий лишил интеллигенцию мировоззренческой науки. Целое поколение людей 40-50-х гг. XIX в. выросло без систематического знания философии. Не отсюда ли та готовность, с которой книга Фурье, Гегеля, Маркса принималась за истину в последней инстанции?

Список можно продолжать и продолжать. Но есть и общее, закономерное. Это традиция XIX-XX вв. в России: традиция пренебрежения власти к интеллигенции. В критические минуты лидеры государства призывают мыслителей. Незавидна судьба последних. Но расправа с составителями реформ раз за разом заставляла Россию идти по кругу. Сила государственной власти во многом определяется умением опираться на интеллект интеллигенции. Интеллект интеллигенции должен включать запрет на раскачивание лодки по имени «государство». Сколько раз будет нарушено это правило, столько раз мы вновь будем обнаруживать себя «в начале пути».

В.В. Филатов

Магнитогорская горно-металлургическая академия

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПОИСК СВОЕГО МЕСТА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Катаклизмы переходного периода вносят значительные изменения в социальную сферу. Реформы второй половины

80 — 90-х гг. не замедлили сказаться на интеллигенции. Бурный, эмоциональный подъем в ее среде в конце 80-х гг. с предложениями к правящей элите провести коренные реформы в политико-экономической и социально-культурных системах завершился разочарованиями, аффективным состоянием середины 90-х гг. Многие предложенное оказалось не реализованным в силу ряда причин: неспособностью руководства страны уметь проводить реформы и решать насущные социальные вопросы из-за постоянной конфронтации исполнительной и законодательной властей и т.п.

Оставив за чертой прожиточного минимума большую часть работников бюджетной сферы, власть таким образом определила место интеллигенции в обществе.

В этих условиях, конечно, можно обидеться на власть, на государство, уединиться в своем мирке и ждать лучших времен. Или выйти на демонстрацию с требованиями, которые, вероятнее всего, не услышат. Каков же выход? Главное в этот непростой момент остаться интеллигентом, найти пути реализации своего интеллектуального потенциала, не превратиться в маргинала.

Безусловно, столичная интеллигенция имеет большие возможности для творческого роста, но при желании они не меньшие и у интеллигенции провинции. Хотя существует провинциальная интеллигенция и провинциальная интеллигенция. Есть областные центры, есть крупные, средние и малые города, сельские центры, а возможности у них далеко не равные, интеллигенция высшей школы ограничена в средствах для участия в научных конференциях различного уровня. Без постоянной работы в архивах и научных библиотеках преподаватель-обществовед деградирует как ученый. Научные журналы недоступны по своей цене для подписки. Перечень проблем провинциального среднего города можно продолжить.

Важно в этих условиях не отчаиваться и находить пути самосовершенствования, не отставать от научной жизни — публиковать тезисы к научным конференциям, следить че-

рез межбиблиотечный абонемент за новинками научной литературы и т.д. Так, в практику кафедры истории, теории государства и права и социологии Магнитогорской горно-металлургической академии вошли научно-методические семинары по актуальным проблемам истории, политологии, социологии, права. Эти семинары стали своеобразным институтом повышения квалификации. Все больший интерес как среди ученых, так и горожан вызывает академические чтения в стенах академии. Выступления профессора Н.И. Иванова по проблеме экологии, доцента М.В. Мнухина о политической культуре россиян и другие, не менее интересные доклады, высоко оценены слушателями.

Событием в культурной жизни города становятся спектакли в местном драматическом театре известного режиссера В.Ахадова, проведение российских театральных конкурсов. Не только заядлых театралов привлекают постановки петербургского режиссера И. Ларина в Магнитогорском театре кукол и актера.

Традиционными стали музыкальные вечера, в которых принимают участие Магнитогорская хоровая капелла, доцент Магнитогорского музыкально-педагогического института, лауреат международных конкурсов, заслуженная артистка России В. Олейникова и другие музыканты.

С лучшими работами современных художников и художников прошлого магнитогорцы знакомятся в картинной галерее. Творческая интеллигенция ежемесячно собирается на так называемые «чистые четверги», чтобы обсудить новинки магнитогорских прозаиков и поэтов, услышать творческие замыслы режиссеров, художников, музыкантов, архитекторов и т.д.

Как видно на примере г.Магнитогорска, провинциальная интеллигенция стремится найти свою нишу в период реформ. Конечно, есть немало проблем у магнитогорской интеллигенции, но главное, что не все пали духом, находят силы к творчеству, приобщают горожан к духовным ценностям.

Л.А. Фофанова
Уральский университет

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ УРАЛА В КОНФЛИКТЕ С ВЛАСТЬЮ ЗА СВОИ ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА (20 — 30-е гг.)

В 20-х — 30-х годах в стране, и в том числе на Урале, систематически проводилась массовая, широко организованная кампания лишения избирательных прав. В категорию лишенцев попадали представители практически всех социальных слоев населения. Не стала исключением и интеллигенция. Утрата избирательного права влекла за собой целый спектр дискриминационных мер политико-социального характера: понижение по службе, увольнение с работы, отказ от выплаты пенсий и пособий, исключение из профсоюзов и других общественных и профессиональных объединений. Как правило, все это распространялось и на семью пострадавшего, включая близких и даже дальних родственников. Маховик повсеместных массовых лишений приурочивался к очередной избирательной кампании и запускался сельскими и городскими советами всех уровней в соответствии с инструкциями ВЦИК о выборах в советы.

Как свидетельствуют личные дела лишенцев Уральского региона (ГАСО. Ф.Р-88 и Р-286) интеллигенция попадала в категорию бывших государственных служащих, что и являлось основанием в отказе права голоса. Помимо людей умственного труда сюда были отнесены выходцы из рабочих и крестьян, до революции работавшие в царской полиции, колчаковской милиции, земских управах, городских думах, выборных следственных комиссиях, причем занимавшие самые низшие строчки в «табели о рангах» этих ведомств.

Исследование разнообразного массива документов 75-ти личных дел, во всем объеме их официальной и неофициальной информации, доказывает абсолютную эфемерность и надуманность вины этих людей. Отмобилизованные прежней властью на свои «государственные должности» в годы империалистической и гражд-

данской войн или занявшие их в результате разорения хозяйств и тотальной безработицы, они в многочисленных жалобах и заявлениях вынуждены были просить органы местной и центральной советской власти о пересмотре своей участи, получая чаще всего отказы и отписки.

В источниках личного характера — жалобах, заявлениях, прошениях, ходатайствах — ярко раскрываются человеческие индивидуальности, во всей разнообразии их судеб, позиций, характеров, темпераментов, интеллектов. Явно неодинакова и их манера общения с властью. Если выделить два крайних полюса, то на одном — выпрашивающие прощенный клянущие себя за политическую отсталость, на другом — отстаивающие свою невиновность, абсурдность предъявляемого обвинения, и в конечном счете, защищающие свое человеческое достоинство. Документы убеждают, что именно такой стиль поведения, при всех исключениях, был присущ интеллигенции. Конечно, помимо специфики характеров, принципиальную роль здесь играли образ жизни, уровень образования, в том числе юридическая грамотность, возраст, состав семьи и целый ряд других обстоятельств.

На общем фоне лишенцев, приниженных, растерянных изгоев общества, зачастую готовых признать свою несуществующую вину, не способных доказать обратное в силу своей малограмотности, а то и вовсе неграмотности, интеллигенция выглядит блестящим исключением. Приведем лишь некоторые факты, говорящие об убедительной, а иногда и непреклонной защите своих гражданских прав тремя ее представителями. Это Кленов А.М. и Ауэрбах Л.Ф., лишенные прав на основании формулировки — «бывший земский начальник» (ГАСО. Ф.Р-88. Оп.8. Д.717, Ф.Р-286. Оп.3. Д.20) и Панфилов Н.И. — как служащий царской армии и сын заводчика-лишенца (ГАСО. Ф.Р-286. Оп.3. Д.312).

Кленов Александр Матвеевич, 1886 года рождения, беспартийный, служащий, техник-металлург, член профсоюза металлистов с 1917 г. В 1918 г. без отрыва от производства был председателем Надеждинской волостной земской управы. С 1929 г. работал на строительстве завода в Магнитогорске, где в 1930 г. был впервые лишен избирательного права, как «классово-чуждый эле-

мент». Вскоре Троицкая окружная избирательная комиссия, вняв его объяснениям, восстановили Кленова А.М. в правах. С 1932 г. он стал начальником по труду на строительстве Средуралстроя. В 1934 г. Ревдинский избирком опять включил его в списки лишенцев, хотя повторное лишение было запрещено законом.

Ходатайство Александра Матвеевича Кленова в Свердловскую областную избирательную комиссию о восстановлении в правах свидетельствует о его твердом и независимом характере, воле, интеллекте, несомненной юридической образованности. Он логично и точно с отсылкой к соответствующим статьям инструкции о выборах в советы от 1 окт. 1934 г. опровергает все основания своего лишения. Не отрицая, что являлся в 1918 г. председателем Надеждинской волостной земской управы, А.М.Кленов разъясняет советским властям, что эта должность ничего общего с понятием «земский начальник» не имеет. Более того, ссылаясь на конкретный закон царского правительства, он доказывает, что, не будучи дворянином, в принципе не мог занимать должность земского начальника, для которой требовался нравственный ценз, установленный для судей, высокий имущественный ценз и принадлежность к местному дворянству, в том числе служба в течение 3-х лет в должности предводителя дворянства. Объяснив все это, автор источника напоминает, что институт земских начальников был вообще ликвидирован Февральской революцией.

Отметая все обвинения политического характера, А.М.Кленов подчеркивает, что Надеждинская земская управа — это орган рожденный революцией, а ее председатель — выборная должность. Он пишет следующее: «Но ни закон о выборах в Советы 1930 г., ни закон от 1 окт. 1934 г. (гл.II) не предусматривает лишения избирательных прав только по этому признаку. Наоборот, ст.15, п.»Л» инструкции 1930 г. определенно указывает, что лица занимающие эти выборные должности, не лишаются избирательных прав. А современный закон об этом даже не упоминает, считая таких лиц, безусловно, правоспособными» (ГАСО. Ф.Р-88.Оп.8.Д.717. С.10). Заканчивает он свое ходатайство также отнюдь не в просительном тоне: «Полагаю, что Избирательная комиссия учтет все вышеуказанные обстоятельства и на основе действи-

тельных документов и оправок в соответствующих государственных органах, а не сплетен, вынесет решение о восстановлении меня в избирательных правах» (ГАСО. Ф.88. Оп.8. Д.717. С.10). Самое же поразительное, что Кленов А.М, как видно из выписки Уралоблика, был восстановлен в правах. Местная власть, как правило отказывавшая лишенцам о подобными формулировками, на сей раз не взяла на себя ответственность за отказ, столкнувшись с юридически выверенным и фактически неуязвимым опровержением.

Ауэрбах Лев Федорович, 1888 года рождения, беспартийный, служащий, с высшим юридическим образованием, техник-строитель, член Всесоюзного профсоюза строительных рабочих с 1920. Он также пытался доказать, что не имел непосредственного отношения к институту земских начальников, а будучи военнообязанным в 1915 г. временно и неполно замещал в Каменском заводе мобилизованного на военную службу земского начальника, о единственной и необходимой обществу обязанностью — помогать беженцам и семьям мобилизованных. Видимо, понимая некоторую формальную уязвимость своего объяснения, Л.Ф.Ауэрбах подчеркивал свою лояльность власти: «Заверяю, что возвращение мне права гражданства не только убедит меня в правильности оценки моей работы органами Советской власти, но и вызовет у меня еще больше энергии и энтузиазма в дальнейшей моей работе на социалистической стройке». (ГАСО. Ф.Р-286. Ов.З.Д.20. С.10).

Панфилов Николай Иванович более категоричен и тверд в своем несогласии с решением райсовета г. Свердловска о лишении его избирательных прав в 1932 г. На Урале он был одним из 3-х специалистов-рыболовов с высшим образованием, и 1924 г. Панфилов Н.И. закончил сельскохозяйственную Академию. С 1931 г. работал в «Уралрыбе», причем всегда квалифицировался как высокопрофессиональный специалист. В связи с лишением прав Уральская областная комиссия по чистке соваппарата резко сменила положительные характеристики на отрицательные и присвоила ему III категорию, запретив занимать руководящие должности. ^^

Панфилов Н.И. отрицал свою причастность к царскому офицерству, указав, что в 1916 г. был мобилизован из студентов Московского с/х института в школу прапорщиков. Последние же не являются типом царского офицерства. Судя по стилю заявления, автора возмутило указание на связь с отцом-лишенцем, которое, по его мнению, не могло служить основанием для исключения из списков избирателей. Действительно, согласно инструкции ВЦИК, право голоса утрачивали те члены семьи, кто материально зависел от лишенца. Николай Иванович Панфилов в довольно независимой манере объявил Урализбиркому, что «... эта связь заключается в материальной помощи отцу-старiku 70 лет, доживающему свои последние дни жизни и совершенно безопасному и безвредному для Советского Союза» (ГАСО.Ф.Р-286.0п.3. Д.312. С.4.)

Показательно, что, хотя на свои прошения о восстановлении в правах Л.Ф.Ауэрбах и Н.И.Панфилов и получили в Уралболике отказы, их личные дела были препровождены в Избирком ВЦИКа. Эта подстраховка для местных советских чиновников не случайна. Люди, умеющие отстаивать свои права и свое достоинство, не опускающиеся до прямого заискивания и унижения перед властями, в общей массе растерянных просителей-лишенцев были большой редкостью, и значит являли собой нечто незнакомое, непредсказуемое и опасное в представлении власти.

Л.И. Футорянский

Оренбургский педагогический институт

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. Противоречия в культурной жизни на Южном Урале это развитие тех явлений, которые были налицо в дореволюционный период. Оценить в целом влияние гражданской войны на состояние культуры нельзя, не учитывая уровень ее развития до первой мировой войны и Февральской революции. Измерять уровень развития культуры нельзя только расколом в

среде интеллигенции, возникновением «зарубежья» эмиграцией даже видных представителей науки, просвещения, литературы, музыки, искусства. Сейчас этот последний происходит весьма бурно, но пока еще рано говорить о деградации культуры. Нельзя допускать идеализацию развития культуры до революции, забывать о низком уровне грамотности и образованности населения, прикрываясь достижениями элиты.

2. Необходимо учитывать, какие изменения произошли в указанный период в уровне образования широких масс, библиотечного дела, в культурной и агитационной работе среди населения, их приобщение к знаниям и культуре. В ходе гражданской войны на Южном Урале, который был с лета 1918 г. ареной ожесточенной борьбы белых и красных, бесспорно, что в агитации к политической деятельности было несомненное преимущество красных.

3. С установления 18 января 1918 г. Советской власти в Оренбурге продолжали регулярно выходить в свет «Оренбургский церковно-общественный вестник». Он прекратил свое существование в период дутовской власти, примерно за два месяца до ее падения. Факт бесспорно примечательный, но не единственный. Вспомним, как оценивал рейд Мамонтова А.И. Деникин, который узнав о том, что участники прорвавшихся в советский тыл кавалерийские части по пути грабили даже церкви, назвал это событие «похоронным звоном по белой армии». Думается, подлежит основательному изучению вопрос о репрессиях против священнослужителей православной церкви. Он был не только со стороны красных, но и со стороны белых.

4. Особого внимания заслуживает вопрос о пропагандистской деятельности красных и белых. Такие видные белые генералы, как А.И. Деникин и фон Лампе, размышляя над причинами провала белого движения, видели одну из них в слабости агитационно-пропагандистских лозунгов выдвинутых белыми, которые не сумели придумать в качестве идеала ничего, кроме идеи реставрации. У белых, как ни странно, не было и хороших агитаторов и пропагандистов, хотя количество образованных людей среди них было не меньше, чем у красных.

5. Нельзя игнорировать бесспорно прогрессивную роль Советов по ликвидации неграмотности среди рабочих, крестьян и казаков. Только в Оренбурге к весне 1920 г. было 25 школ-ликбезов для русских и около 30 для мусульман. К концу 1920 г. в Орске насчитывалось 5 школ-ликбезов, а в Орском уезде их было 64. За 1920 и начало 1921 г. в Оренбуржье была ликвидирована неграмотность у 40 тыс. человек.

6. Нельзя закрывать глаза на создание в период революции и гражданской войны системы образования, доступной для всех слоев населения, с оказанием широкой помощи детворе не только бесплатным питанием, но одеждой и обувью. В обстановке ожесточенной гражданской войны есть школ в Оренбургской губернии не сократилась, а даже несколько возросла. В 1914-1915 гг. в Оренбургской губернии в школах обучалось 82,5 тыс., а к середине 1920 г. — 86,5 тыс.

7. Многочисленные трудности стояли на этом пути: нехватка учительских кадров, голодный рацион питания, острая нужда в помещениях для занятий, отсутствие керосина, электрического освещения, дров и угля для отопления, бумажный голод, отсутствие учебников и букварей, карандашей, ручек, чернил и т.д. — все это не стало преградой, хотя и тормозило приобщение к грамоте и образованию масс.

8. Попытка штурмовыми методами решить проблемы культуры приводила зачастую к снижению уровня преподавания. Особенно в тех местах, где потери в учительских кадрах оказались наиболее значительными. Подготовленные на краткосрочных курсах учителя не могли стать вровень с квалифицированными специалистами. Бесплатность образования снижала возможности материального обеспечения учительства. Осуществляемая кавалерийской атакой политизация школы отталкивала часть учительства от просвещения в другие сферы деятельности.

9. Несмотря на ужасы войны гражданской росла сеть рабоче-крестьянских клубов. В Оренбургской губернии в середине 1920 г. их было 64, к концу этого года их стало 139, расширилась и сеть библиотек-читален в губернии. В сентябре 1920 г.

их было 209, и к концу гражданской войны их стало 430. Если библиотек было 206, то к концу года их стало 334.

10. Следует особо сказать о расширении сети детских домов. К середине 1920 г. за период Советской власти было организовано 27 детских домов в городах и 28 в сельской местности (до революции в Оренбурге было всего только 3 детдома). В конце 1920 г. в Оренбургской губернии их насчитывалось 94.

11. Думается, нельзя игнорировать развивающуюся в годы гражданской войны художественную самодеятельность. В середине 1920 г. в губернии было 14 народных театров. Действовал и один из первых в стране Детский пролетарский клуб-театр.

12. К сожалению, деятельность учительских кадров, а так же отдельных писателей и других представителей интеллигенции Южного Урала отрицательно влияли на процесс приобщения широких масс народа к культуре. Политизированный подход к оценке деятельности учреждений культуры тормозил приобщение старой интеллигенции к важнейшим проблемам: ликвидации неграмотности, демократизации системы образования.

А.К. Хромова

Стерлитамакский педагогический институт

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Обращение к изучению российской истории невольно подталкивает и поискам причин, приведших к столь драматичным и трагическим событиям, которыми изобилует век двадцатый. И попытка разобраться в этих сложных переплетениях всевозможных событий и явлений вряд ли окажется состоятельной, если не обратиться к рассмотрению роли и места интеллигенции в общественном развитии.

Сам факт обращения к проблеме интеллигенции в переломные этапы развития общества подтверждает ее огромную роль в постановке проблем социально-политического порядка,

поиске способов их решения, идеологического обеспечения конкретных программ преобразований.

Однако, прежде чем оценить степень ее влияния на общественный процесс, необходимо определить, что из себя представляет интеллигенция и в каком значении мы будем использовать это понятие в своих рассуждениях. Как известно, термин «интеллигенция» как философская категория обозначился в России и охватывал людей, получивших западное образование. С этой точки зрения, на наш взгляд, главная черта интеллигенции — беспочвенность и численное меньшинство. Вполне понятно, что этот вестернизированный слой не может являться носителем духовно-культурных, нравственных начал народа и оказать существенное влияние на социально-политический процесс в целом.

Другой подход рассматривав интеллигенцию как особую социальную группу, принадлежность к которой определяется двумя качествами: озабоченностью проблемами общества, способностью быть публичной «совестью». В этом аспекте интеллигенция выступает как творец и хранительница идей и идеалов, стиля человеческой деятельности, общения и поведения. И ее инновационные качества прежде всего проявляются в генерировании новых идей, способных обеспечить ей в обществе прежде всего интеллектуальное лидерство и, как следствие, возможное политическое и социальное лидерство. Хотя претензия на роль духовного лидера и лидера политического — это, как правило, особенность только российской интеллигенции.

Если вернуться к действительности, то в советской литературе интеллигенция определялась как особая прослойка между рабочим классом и крестьянством. Часто содержание понятия «интеллигенция» расширялось за счет добавления к этой категории лиц так называемых служащих. Это привело к тому, что роль интеллигенции сознательно принижалась, что не могло не сказаться на дальнейшем развитии нашей страны.

С другой стороны, всевозможные социально-политические потрясения, охватившие Россию, лишили интеллигенцию ее ес-

тественного союзника в лице формирующейся буржуазии, тем самым — и ценностей гражданского общества. Во-вторых, революции, изгнание, репрессии, формирование в последующем государственной интеллигенции лишили ее преемственности со старой интеллигенцией.

Лишившись блеска и образованности старой интеллигенции, наша российская интеллигенция сохранила глубочайшую веру в уникальность России и ее дальнейшего развития и, естественно, в свое уникальное предназначение в плане переустройства общества. Однако, очень часто трудно объяснить, почему эта же часть интеллигенции без всякого критического переосмысления пытается перенести на российскую почву западный опыт развития.

Сегодня отношения интеллигента и власти становятся весьма важным фактором политики, общественного развития в целом. Это, требует пересмотра позиций власти по отношению к интеллигенции и наоборот. Люмпенизированная, ангажированная интеллигенция не может являться генератором общественного развития, совестью страны. Следовательно, интеллигенция, способная чувствовать боль страны, выражающая дух народный, по-иному взаимодействует с властью и народом. В данном случае она вправе, окультуривая власть, активно влиять на политическое развитие, внедряя свое видение мира в политическое сознание как власть имущих, так и рядовых граждан. Однако, по мнению многих исследователей этой проблемы, интеллигенция должна ограничивать свою активность только сферой духовного воздействия.

Попытка понять характер взаимодействия власти и интеллигенции требует разграничения понятий «интеллигенция» и «политическая элита». Все обсуждения этого вопроса строятся на негласном признании того, что это — два различных социальных слоя. Такой подход даже не допускает мысли, что они хоть в каких-то пределах совместимы. Этот тезис скорее всего базируется на аксиоматичном признании того, что власть всегда отчуждена от человека, соответственно, и от интелли-

генции как носителя духа народного. Поэтому многих пугает и вхождение интеллигенции во власть.

Если смириться с этой точкой зрения, то вряд ли можно говорить о каких-то перспективах развития России, ее возрождении. Интеллигенция, без конца оппозирующая власти, вряд ли способна стать конструктивной силой. Интеллигенция, взаимодействуя с властью, сама являясь властью, должна утверждать единство и гармонию в обществе.

Э.А. Черноухов

Уральский педагогический университет

ПРОБЛЕМА УЧИТЕЛЯ В ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛАХ УРАЛА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В первое десятилетие XIX в. на Урале возродилась сеть казенных горнозаводских школ. Это были начальные общеобразовательные учебные заведения, где периодически пытались ввести элементы профессиональной подготовки. К 1847 г. в шести казенных округах действовало 28 мужских школ при всех заводах, а также крупных рудниках и селениях. В них обучалось 2 649 мальчиков (РГИА. Ф.44. Оп.2. Д.1455.).

В 1806 г. Горный департамент и Синод согласовали обязанность заводского духовенства преподавать в местных училищах. Оно и составляло абсолютное большинство учителей в казенных горнозаводских школах Урала на протяжении всей первой половины XIX века. По меткому замечанию Н.К.Чупина ожидать больших успехов в обучении не приходилось. Местное духовенство либо не имело свободного времени для преподавания, либо охоты к нему, либо соответствующего образования (ГАСО. Ф.129. Оп.1. Д.138. Л.9.).

Проблему еще более обостряла продолжавшаяся бескомпромиссная борьба правительства с расколом. В ряде заводских селений старообрядцы, составляющие большинство населения, просили назначать учителей из своей среды или, по крайней мере,

из гражданских лиц. Однако правительство и горные власти придерживались противоположного мнения. В.А.Глинка писал, что «основной целью школы является водворение правил религии у поступивших малолетов, а это сподручней делать священнику», естественно православному. А этого как раз и не желали раскольники. Так в Шарташском селении противостояние властей и населения по открытию школы продолжалось долгие годы. И после рапорта о начале занятий в 1848 г. она реально существовала лишь в отчетах. Несмотря на все требования властей и старания старшины селения родители не отпускали отобранных детей в школу (Там же. Ф.25. Оп.1. Д.1770; Ф.41. Оп.1. Д.1508. Л.94-95.). Кроме духовенства горные власти, как и в XVIII в., пытались привлечь к преподаванию в школах желающих и способных гражданских лиц по совместительству с основной службой. Но этому препятствовали низкие социальный статус и жалование учителей при большом числе учеников в классах. В итоге многие из гражданских лиц попадали в школы отнюдь не по педагогическим соображениям.

Так в 1802-1803 гг. первыми учителями в Березовской и Уктусской школах стали «лишенные чинов» (ссылные): бывшие подпоручик, коллежский регистратор, священник. (Там же. Ф.31. Оп.1. Д.6.). В Златоустовском округе получила распространение практика привлекать к преподаванию в школах гражданских лиц или не способных по старости выполнять обязанности в конторах, или проворовавшихся и отрабатывающих здесь свои задолженности (Там же. Ф.43. Оп.2. Д.1640. Л.55-67.).

В 1837 г. новый главный горный начальник В.А.Глинка в рапорте в Штаб Корпуса горных инженеров сообщал, что большинство школ «находятся в дурном виде, как относительно наружного помещения, так и самого обучения» (РГИА. Ф.44. Оп.2. Д.652. Л.1.). Он распорядился о повсеместном внедрении в первых классах казенных школ ланкастерского метода обучения. Необходимость этого обосновывалась, в том числе, и большим числом учеников, несоизмерным с количеством учителей (ГАСО. Ф.43. Оп.2. Д.1640. Л.87-89, 94.).

В рапортах горных начальников, запрошенных по поводу готовящейся реорганизации системы образования, подчеркивалась настоятельная необходимость замены учителей из духовных лиц на гражданских. Отмечалось, что «если преподают духовные лица, то сберегается часть школьной суммы, но успехи учеников весьма малы, так как священники и дьяконы слишком загружены на основной работе, а практически все причетники вовсе не способны к преподаванию» (Там же. Ф.41. Оп.1. Д.1389. Л.12-15.).

В 1847 г. были утверждены новые штаты уральских казенных заводов. Во всех школах всем предметам, кроме закона божьего, стали обучать гражданские учителя. Но в сравнении с первоначальным проектом, разработанным в канцелярии В.А.Глинка в 1839 г., их жалование существенно понижено. Большинство учителей не получили прав на классный чин. Таким образом, проблема комплектования казенных горнозаводских школ квалифицированными учителями не была разрешена.

Похожие проблемы с подбором учителей испытывали владельцы частных горных заводов Урала. В 1843 г. в Пермской губернии ими содержалось 44 училища, в которых преподавало 113 учителей и обучалось 1589 учеников. Большинство учителей были из духовных лиц (Подсчитано по: ГАСО. Ф.24. Оп.32. Д.2433. Л.9-49.).

Лишь некоторые владельцы крупных округов обеспечивали свои главные училища квалифицированными преподавателями. Для Выйского училища Демидовых главного учителя нанимали столичные конторы. Их контракты оговаривали солидное вознаграждение: 1-3 тысячи жалования, провиант, готовую квартиру с прислугой, бесплатный проезд до завода и обратно. Кроме того в Выйском училище преподавали, в том числе и иностранные языки, крепостные воспитанники Демидовых, получившие образование за границей и в столичных высших, учебных заведениях (РГАДА. Ф.1267. Оп. 3. Д.448. Л.43-44; Оп.7. Д.1752. Л.1-8; Д.2004. Л.1-6; ГАСО. Ф.743. Оп.1. Д.510, 624, 816.).

Нередко таким же способом готовили из своих крепостных главных учителей для школ в уральских имениях Строгановы и Лазаревы (Новокрещенных Н.Н. Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб., 1889. С.93-95; Рогов Н.А. Ма-

териалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых. Пермь, 1892.). Верхисетское заводууправление Яковлевых в конце 30-40-х гг. периодически заключало контракты с Екатеринбургскими горными офицерами на обучение наиболее способных учеников местного училища дополнительным специальным предметам. (ГАСО. Ф.72. Оп.1. Д.2465. Л.1-4. С.11-25.).

Многие из этих учителей столкнулись с откровенным произволом управляющих частных округов, пренебрежительно относящихся к нуждам школ. Иногда это выливалось в достаточно громкие дела, разбираемые центральными властями (Е.М. Мосцепанова в Нижнетагильском округе, П.Поносова в Чермозском заводе). Гораздо чаще свободные учителя просто быстро уезжали с заводов, а крепостные спивались. Особенно много таких примеров в Нижнетагильском округе Демидовых в 20-е гг. XIX века.

Таким образом, в первой половине века горные власти и частные заводовладельцы Урала, несомненно, пытались решать проблему учителя для местных школ. В них стало больше квалифицированных преподавателей. Однако, в целом, социальный статус и материальное положение учителя в большинстве школ остались далеко не соответствующими его предназначению.

Г.С. Чеурин

*Центр Экологического Выживания и Безопасности
(Екатеринбург)*

ВЫЖИВУТ ЛИ АВТОРЫ?

*Провинция: «...территория
страны, удаленная от крупных
центров...» (Словарь С.И.Ожегова)*

Отложив в сторону излишнюю скромность, в очередной раз констатируем: Россия (не обязательно этнические русские, а именно Россия как геополитическое явление, Российский этнос) буквально питает весь мир инновациями, идеями и изобретениями. И то, что они, попадая в развитые промышленные страны, «бурно рас-

цветают» и приносят своим авторам неслыханные материальные и тем более моральные дивиденды — факт очевидный. Как очевидно и то, что у себя на Родине Автор у «кормушки» всегда последний! Почему же?

Вначале «шутливый» вопрос! Представим профессора Оксфордского университета, стоящего на пороге библиотеки в Лондоне и аборигена, находящегося на берегу Индийского океана на острове Баунти, то есть в точке географического антипода. Кто из них к Господу Богу ближе?

Мы не случайно в первых же строках обратились к понятию Бога! Интеллигентность — это понятие не на уровне Разума, а именно на уровне Духа!

Разум дает возможность выразить себя, определяет язык, на котором можно донести свою идею до человечества. Но не более того! Идея, новейшее знание приходит не к тому, кто (по К. Марксу) «стоит на плечах гигантов», а к тому, через кого (по И.Ньюто-ну) «волит» сам Господь Бог.

И поэтому наличие Оксфордской библиотеки в центре цивилизации поможет лишь донести мысль до человечества, а сам процесс прихода идеи на Землю определяется в первую очередь духовным состоянием Автора.

И возникает вопрос! Если Идея имеет право выбора между будущими Авторами, то что она предпочтет? Явится на Землю в уродливом, якобы культурном (к сожалению более «промышленном») центре, или же в сравнительно «экологически чистом» маленьком городке?

Так где же сейчас находится Ее Величество Провинция?

Конечно, атеистически настроенный читатель может улыбнуться и отложить данную работу...

А для заинтересовавшихся рассмотрим продолжение этой темы, теперь уже на тривиально земном уровне:

«Родившаяся» идея начинает «путь к человечеству»! Каков же он из малого уральского (и не только уральского) городка?

В самом городке зачастую и обсудить то ее не с кем. Поэтому ищется партнер в «центре».

Центр — это как правило, областной, либо даже столичный город, в котором обязательно находится «контора», которая «занимается» данной проблемой, где есть «специалисты». И далее запускается «мельница», до боли всем знакомая:

На первое предложение следует: «Это очень интересно, не могли бы Вы изложить предложение письменно...!»

Окрыленный Автор через считанные дни (а иногда и часы) приносит свой проект в «упакованном» виде. Его с благодарностью принимают и просят «позвонить через 5-10 дней».

По истечении данного срока начинается хорошо знакомое «позвоните в понедельник..., позвоните в пятницу...!», заканчивающееся через 3-4 месяца вздохом сожаления — Ваше предложение «не заинтересовало», «не прошло по конкурсу», «...хорошая идея, но у нас нет денег...» и т.д.! К тому времени Автор, вконец измученный ожиданием и такой исход дела принимает с облегчением. И больше к этой идее не возвращается.

Но если будет интересоваться литературой по теме, то через полтора-два года может найти «следы» своей работы в отчетах той самой «конторы», под авторством тех самых «специалистов», которым он в свое время отдал свой труд. Оказывается идси получили развитие в виде «диссертаций», научных отчетов с соответствующим финансированием и новым авторством. Об истинных создателях интеллектуальной продукции никто и не знает.

А если Автор начинает напоминать о себе, то все недоумевают: «Откуда он взялся?»

Как правило два года назад факт получения материалов никто никак не оформлял. Не принято было расписываться в получении.

Самое печальное, что псевдоавторы (т.е. плагиаторы) такое положение считают абсолютно естественным. Отсутствие в стране на протяжении десятилетий Закона об авторском праве сформировало вполне определенный стиль взаимоотношений.

Вступление в силу в 1993 году «Закона РФ об авторском праве и смежных правах (№5351/1-1 от 9.07.93 г.)» практически ничего не изменило в отношениях «контор» с Авторами.

Как это ни печально осознавать, следует говорить о сложившейся хорошо организованной системе хищения интеллектуального продукта. О наличии гигантского интеллектуального и духовного потенциала России уже упоминалось. Более того, можно смело предположить, что именно данная «способность к генерации» идей станет в XXI веке главным Товаром в мировом масштабе. Российские запасы нефти и газа покажутся мелкой разменной монетой по сравнению с этим богатством. И это уже поняли многие. В том числе и чиновники. Как наши, доморощенные, так и западные!

Общезвестно что Авторы, наиболее способные к генерации идей, как правило обладают очень ранимой душой. Это абсолютно взаимосвязано и неизбежно!

И вот страшная справка: по нашим данным в России ежегодно уходит из жизни в результате самоубийств около 65 тысяч (!) человек. Из них около 20 тысяч (!!!) — это Авторы, в той или иной мере подвергнувшиеся хищению интеллектуального продукта! Количество инфарктов на этой почве вообще не поддается описанию!

Так остановим ли мы этот страшный конвейер? Есть ли хотя бы надежда и тем более методика для его остановки?

Методика есть! Если оглянуться на исторический международный опыт, то аналог существующего кризиса (и пути его преодоления) мы найдем в

Италии эпохи Возрождения. Констатируем же сложившуюся ситуацию и степень реализации проблем на сегодняшний день в нашей стране:

1. Закон Российской Федерации об авторском праве (принят 09.07.93)

2. Необходима организация конкурсов авторских программ с обязательной публикацией в общественной периодической печати информации о темах и авторах, поступающих на рассмотрение (с применением знака защиты авторских прав (копирайт)).

3. Научная публикация работ — победителей.

При всей простоте п.п.2,3 практически не реализуемы в настоящее время. Попробуйте их предложить, неминуемо «наткне-

теть» на явление, которое можно охарактеризовать как «активное игнорирование».

«Нет денег» — это самое примитивное объяснение, хотя затраты мизерные — на уровне проведения ежегодных конференций. Притворное «незнание» упоминавшегося Закона — «...мы так не работаем...» — чаще всего.

Впрочем «Их» можно понять — ущемление своих интересов никто никогда не поддерживал.

А интерес огромный. Можно даже смело предположить, что ответ на вопрос который пытался найти (но так и не нашел) К.Маркс: «откуда берется в процессе общественного производства прибавочная стоимость?» заключается именно в этом.

Но не надо принимать данную публикацию как призыв к приоритетному финансированию Авторам. Любые деньги — это зависимость, это отсутствие свободы. Автор, Творец тем и отличается от наемного работника, что трудится не в ожидании достойного вознаграждения (хотя и без этого нельзя), а потому что он просто «не может не работать!». Он, если не отдаст людям все, что в нем накопилось, не поделится, то его буквально «взорвет» изнутри! Вдобавок он свершит тяжкий грех: через него Господь нес Благую Весть, а он не исполнил своей миссии!

И нужна Автору всего лишь возможность быть услышанным!

О.Ю. Шахова

Нижевартовский педагогический институт

Л.Н. ТОЛСТОЙ: ПРИМЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И НАРОДА

«Сколько людей, столько и мнений», — эти слова вспоминаются, когда речь заходит об определении понятия «интеллигенция». Даже словари выделяют лишь отдельные черты, присущие интеллигенции. Во-первых, — это социальная группа, обладающая образованием и специальными знаниями в

области науки, техники, культуры. Во-вторых, — это социальная группа, которая профессионально занимается умственным трудом. Такой подход мало отличается от первых толкований, например, П.Д. Боборыкиным: «Под интеллигенцией надо разуместь высший образованный слой нашего общества» (1866 г.)

На наш взгляд, такое определение несколько односторонне, узко. Никто, например, не будет спорить, что и создатель атомной бомбы Оппенгеймер, и создатель водородной Теллер обладали специальными знаниями в области науки, профессионально занимались умственным трудом. Но интеллигентом, по нашему мнению, был только Оппенгеймер, посветивший вторую половину жизни борьбе против атомной смерти.

Что же отличает работников умственного труда, интеллектуалов, от интеллигентов? Разница, по словам Л. Жуковичского, в том, что первым «хватает ума и образованности», вторым «необходимо еще кое-что. Конкретно — совесть». Ведь еще у В.А. Жуковского понятие «интеллигенция» ассоциировалось не только с европейским образованием, но и с нравственным образом мысли и поведения.

К интеллигентам, на наш взгляд, можно отнести тех, чья жизнь — «тяготение к справедливости, социальное реформаторство, преклонение перед народом, любовь к просвещению и культуре» (С. Франк). К этой характеристике можно, пожалуй, добавить еще одну черту интеллигенции: в период собственного духовного кризиса думать о благе и счастье других, постоянно чувствовать свою вину перед бедствующим народом.

Жизненный путь Л.Н. Толстого — воплощение отмеченного выше. Проявляет себя Толстой в провинции, «далеко от городских куч» — в Ясной Поляне. В 1847 г. он едет туда, чтобы заняться «действительным делом жизни». Таким делом он считал свои обязанности помещика перед крестьянами — именно обязанности, служение, долг, а не права. Однако, все попытки молодого барина ввести у себя некоторые реформы

натолкнулись на недоверие со стороны мужиков. Толстой на опыте понял, что в условиях крепостного права нельзя наладить свои отношения с крестьянами таким образом, чтобы их жизнь изменилась к лучшему.

Революционные методы ликвидации крепостного права Толстой отвергал. Насилием нельзя уничтожить насилие, считал он, ибо это приведет к новой форме насилия. Не принимал он и воззрений славянофилов, идеализировавших старую крестьянскую общину. Толстой пытался искать свой путь избавления крестьянства, но не находил. Вероятно, поэтому он был окрылен переменами, происшедшими в стране после принятия манифеста об освобождении крестьян и принялся за общественную деятельность в деревне, хотя к самому манифесту отнесся скептически.

Толстой вступил в должность мирового посредника в Крапивенском уезде Тульской губернии. «Посредничество интересно и увлекательно, — писал Толстой, — но... все дворянство возненавидело меня»: все конфликты он разрешал в пользу крестьян.

В это же время Толстой занимался педагогической деятельностью. Еще в 1859 г. он открыл школу для крестьянских детей. Школа эта резко отличалась от традиционной: в ней не было никакого принуждения по отношению к детям. «Однаже, — говорили сами крестьяне, — ребята хорошо понимают — читать и писать стали». Еще одним показателем отношения народа, провинции к самому Толстому являются легенды о нем, живущие в деревнях Тульской области. Граф в них — милостивец, друг бедняка-крестьянина, встающий на его защиту перед властью имущими.

«Раскрыть тайну счастья для всех людей», «всю жизнь свою полагать на труд для других», именно этим определяется деятельность и Толстого, и всей русской интеллигенции.

А.В.Шилов*Пермский университет*

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПРОВИНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ТРАДИЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Важнейшей миссией интеллигенции является развитие исторических и культурных традиций, формирование той системы ценностей, в которых воплощается историческое самосознание народа. В общем историко-культурном процессе свое место занимает и уральская интеллигенция, значение деятельности которой в деле познания прошлого, в привитии устойчивого интереса к местной истории, развитию культуры трудно переоценить.

Представителям этого социального слоя из числа тех, кто занимался региональной проблематикой, было присуще понимание не только важности исследования родного края, но и стремление увязать рассматриваемые ими вопросы с общероссийскими процессами, что в известном смысле выводило их труды за рамки «узкого» провинциализма. Позитивными сторонами краеведческого движения на Урале в дореволюционное время были его массовый характер, сравнительно широкая распространенность, плодотворность деятельности его участников, объясняемые достаточно высоким престижем краеведческих занятий, ростом внимания и интереса к вопросам истории и культуры со стороны общественности, а в организационном отношении — разворачиванием сети научно-краеведческих и просветительских обществ.

Одним из свидетельств процесса аккумуляции знаний о крае, приоритета в нем местных сил явилось формирование на Урале своеобразных «культурных гнезд», складывавшихся не только в городских и заводских центрах, но и в отдельных сельских поселениях, хотя, конечно, масштабы и интенсивность деятельности каждого из них существенно разнились. Ярким при-

мером наличия такой культурной традиции может служить деятельность интеллигенции из села Ильинского Пермской губернии — в конце XVIII — начале XX в. центра управления пермским нераздельным имением Строгановых — представленной именами Волеговых, Теплоуховых, Вологдиных, Сюзовых и ряда других энтузиастов, увлеченных различными аспектами истории и культуры Прикамья. Так, успешные творческие, краеведческие занятия братьев Волеговых в значительной мере определили интерес их последователей к истории Строгановых, собиранию этнографических и фольклорных материалов, отца и сына Теплоуховых — к занятию археологией и т.д. Об этом можно судить на основании знакомства с архивными материалами, раскрывающими динамику роста представлений о «малой родине», характеризующими процесс передачи знаний от старших поколений краеведов к младшим. Документы свидетельствуют также о бережном отношении любителей старины к историческим источникам, их стремлении к созданию собственных архивов, о практике обмена краеведческой информацией и изданиями между ними (См.: РГАДА. Ф.1278 Оп.2. Ч.3. Д.4458. Л.65, 66; ГАПО. Ф.672. Оп.1 Д.251 Л.1-6; Д.269 Л.1-4 и др.).

Примечательной чертой деятельности целого ряда уральских историков и краеведов как более известных (А.А. Дмитриев, Д.Д.Смышляев, И.Я. Кривошеков, Н.Н. Новокрещенных, Н.К. Чупин, В.Н. Шишонко), так и не вошедших в первые ряды (А.А. Вологдин, А.П. Кузнецов, П.И. Сюзов и др.) был широкий спектр рассматриваемых ими проблем, разнообразие круга интересов, связанных не только собственно с историей, но и археологией, этнографией, лингвистикой, географией края, изучением его природных богатств. Такая комплексность изучения вопросов на уровне целого ряда срезов давала положительные результаты, свидетельствовала об эрудиции и обширных знаниях исследователей, хотя, с другой стороны, объяснялась слабой «освоенностью» края в краеведческом отношении, наличием многих «белых пятен» в истории (и не только истории) Урала.

В организационном плане уральским краеведам, как и представителям движения из других регионов страны, было прису-

ще стремление к консолидации, сплочению сил. Если на первых порах такого рода организационные задачи пытались решить наиболее энергичные и авторитетные общественные деятели — известны, например, шаги, предпринятые в конце 1850-х гг. одним из лидеров краевого просветительского движения Д.Д. Смышляевым по объединению историков и краеведов среднего Урала вокруг готовившихся к изданию двух «Пермских сборников», — то с 1870 — 1880-х гг. руководящие и координирующие функции в этой сфере взяли на себя местные научно-краеведческие общества. В их числе были такая широкая и представительная организация как Уральское общество любителей естествознания (создано в 1870 г.), а также губернские ученые архивные комиссии (ГУАК): Оренбургская (1887), Пермская (1888) и Вятская (1904).

В отличие от УОЛЕ, которое ориентировалось в значительной мере на изучение Урала в природном отношении, не исключая, однако, и трудов гуманитарного цикла, архивные комиссии объединяли тех энтузиастов, которые занимались преимущественно исследованием истории края. Особенно много сделали ГУАК для сбора, систематизации и изучения архивных документов, создания губернских исторических архивов, внеся неоценимый вклад в развитие археографии на Урале. Ими же издавались собственные «Труды», данные о которых достаточно красноречивы: Оренбургской ГУАК за время ее деятельности было издано 35 выпусков «Трудов», Пермской — 12, Вятской ГУАК — 46 выпусков. Опубликованные в них статьи и материалы не только расширяли и углубляли знания по различным вопросам уральской истории, но и служили отправной точкой для последующих краеведческих изысканий, свидетельствовали об активной собирательской и исследовательской работе знатоков прошлого (См.: Пирогова В.П. Изучение истории Урала Пермской ученой архивной комиссией / / Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития. Свердловск, 1990. Вып.1. С.95-98; Чудова Г.Ф., Колупаева В.Н. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии». 1905-1917 гг. Киров, 1993. С.8, 92-94).

Отметим и другие важные стороны краеведческой традиции, заложенные уральской интеллигенцией в дореволюционный период: сохранение преемственности в деятельности историков и краеведов, развитие краеведения как профессии и, следовательно, стремление к росту профессионализма в этой области, овладению умениями и навыками работы, забота о «сбережении» культурного достояния, преданность делу, наличие демократических тенденций в уральском краеведении, внимание к жизни и быту населения, в первую очередь, крестьянства, и т.д.

К сожалению, многое из опыта дооктябрьского краеведения в силу известных обстоятельств в последующий период было утрачено. Тем более важно в современных условиях решение неотложных задач по осуществлению продуманного, широкого и цельного комплекса мер, направленных на возрождение «стертых» краеведческих традиций и активизацию краеведческой работы. В решении этих задач особое значение приобретает подвижническая деятельность российской интеллигенции.